АКАДЕМИЯ НАУК СССР

М. СОЛОВЬЕВ

БЭР
НА КАСПИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

НАЧАВ С ЯЙЦА, ОН ПОКАЗАЛ ЧЕЛОВЕКА ЧЕЛОВЕКУ

Надпись на медали, выбитой по случаю 50-летия научной деятельности Бэра (1864).

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

М. М. СОЛОВЬЕВ

БЭР НА КАСПИИ

КАСПИЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1853 — 1856 гг.
ПОД РУКОВОДСТВОМ акад. К. М. БЭРА

★

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва · 1941 · Ленинград

Ответственный редактор:
почетный академик П. М. Кузнецов

БИБЛИОТЕКА
Академии Наук
СССР

ВВЕДЕНИЕ

Величайшее озеро в мире Каспий, благодаря солености воды и своей громадной величине, обычно называется морем. Издавна находясь в значительнейшей своей части в пределах нашей родины, оно изучалось преимущественно русскими и советскими людьми.

222 года тому назад (1719) Каспий впервые взяли на карту по повелению Петра I его офицеры — Верден и Соймонов. Описали они, главным образом, европейские берега моря — западный и северный, берега же азиатские, южный и восточный, сняли только через 40 лет Панин и Токмачев (1762—1765).

Еще через 70 лет Колодин (1836) опубликовал первый детальный атлас Каспия, основываясь на 46 определенных им астрономических точках.

Выдающиеся наши ученые XVIII в., академики Гмелин и Паллас, уже знали, что уровень Каспия лежит ниже уровня океана.

XIX в. открывает замечательную серию новых и разносторонних каспийских экспедиций.

По следам Гмелина и Палласа идет ряд больших наших ученых (Гофман, Гельмерсен, Паррот, Винников, Ходько, Никитин, Ленц, Ханыков, Филиппов). Ими определяется высота и изучаются колебания уровня Каспия, измеряются частично его глубины, начинается подробное описание моря (Ивашинцев, Жеребцов), уточняется его карта (Карелин, Бларамберг).

Естественно, запаздывают исследования специально гидрологические и особенно биологические, как относящиеся к новым для того времени научным дисциплинам.

В 1825 г. натуралист Эйхвальд сообщает первые, весьма неполные и краткие, сведения об обитателях Каспия, по преимуществу из его прибрежных частей.

Ему на смену приходит акад. К. М. Бэр. Каспийской экспедиции последнего (1853—1856), открывшей новую эру в исследованиях Каспия, и посвящена эта книга.

Взамен предыдущих отрывочных, несогласованных изысканий, в большинстве случаев не связанных с запросами хозяйственной жизни страны, знаменитый ученый впервые организует на Каспийском море строго планомерные, комплексные исследования гидрологических и гидробиологических свойств Каспия в целях разрешения вопросов, поставленных практикой жизни.

Научные и практические результаты этой экспедиции, проведенной в течение 3 лет в чрезвычайно тяжелых условиях николаевского режима, усложненных еще Крымской войной, оказались настолько значительными, что все последующие исследования на протяжении полвека, главным образом, лишь дополняли и развивали, правда частью очень существенно, сделанное Бэром (Гримм, Андрусов, Максимович, Шпиндлер, Остроумов, Лебединцев). Из позднейших работ на Каспии, по своему крупному значению и масштабу, заняли особое положение в истории изучения его природы экспедиции крупнейшего советского гидробиолога Н. М. Книповича с 1904 г. с перерывами до 1915 г.

Вооруженные новыми методами и знанием, сотрудники этих экспедиций, во главе с Н. М. Книповичем, разрешили ряд недоступных для их предшественников, сложнейших гидрологических и гидробиологических вопросов, касающихся Каспия.

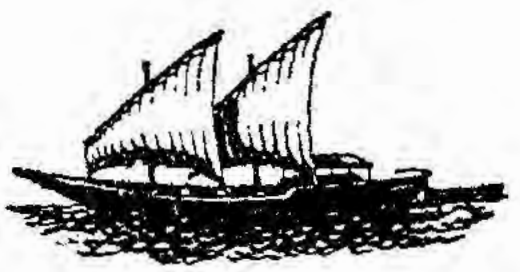
Изыскания Н. М. Книповича доказали почти полное отсутствие животной жизни в самых глубоких слоях Каспия, обнаружив и причины их почти совершенной необитаемости для животных, ознакомили нас с богатым планктоном Каспийского моря и вообще с его фауной, уточнили данные о температуре, течениях и других гидрологических условиях Каспия, выяснили, наконец, ряд важных факторов в биологии промысловых рыб. Книпович дал нам впервые сравнительно полную картину особенностей этого единственного на земном шаре, совершенно замкнутого внутреннего моря.

Позднейшие исследования в период после Великой Октябрьской социалистической революции, продолжающиеся в настоящее время, чрезвычайно расширили и углубили наши знания как о природе Каспийского моря, так и об его естественных богатствах и их рациональном использовании.

I

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИКА БЭРА ПО РАЦИОНАЛИЗАЦИИ РЫБНОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ

1851—1853

Dr Karl Ernst von Baer

ГЛАВА I

ЭКСПЕДИЦИЯ БЭРА НА ЧУДСКОЕ ОЗЕРО И БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ с 1831 по 1852 г.

Карл Максимович Бэр был одним из величайших и разностороннейших мировых ученых XIX в. (1792—1876). В начале своей научной деятельности, протекавшей в Германии, Бэр проявил себя как крупнейший исследователь по истории развития животных. После переезда Бэра в 1834 г. в Россию направление его ученой деятельности резко меняется.

Мало исследованная громада — Россия того времени — требовала всестороннего изучения, и это заставило Бэра, как члена высшего научного учреждения страны, последовательно заниматься разнообразными отраслями естествознания, причем не только теоретического, но и практического.

Для исследования России и ее производительных сил, Бэр совершает ряд путешествий от Новой Земли до границ Персии.

104 года тому назад, в 1837 г., через 3 года после окончательного переселения в Петербург, Бэр едет в опасное для того времени «ученое путешествие» на Новую Землю. В 1839 г. он исследует острова Финского залива, в 1840 г. путешествует с А. Ф. Миддендорфом по Лапландии, а с 1851 по 1857 г. организует и проводит несколько экспедиций, ставивших задачей изучение в России рыболовства.

Уже в первой половине XIX в. стали слышаться в России жалобы на уменьшение рыбы в озерах и морях. Принимавшиеся правительством меры к выяснению причин «печального явления» не давали удовлетворительных результатов, так как исследования производились «людьми», по отзыву Бэра, «не имевшими к тому надлежащих специальных познаний и навыка». Тогда, по мысли министра Государственных имуществ Киселева, составлена была «комиссия», ставшая основой экспедиции для ученого исследования сильно страдавшего от умень-

шения улова рыбы чудского и балтийского рыболовства. Бэр предложил себя в качестве руководителя экспедиции. Его интересовало, как пишет он в своей автобиографии, «проследить возможность применения естественных наук к практической жизни».

Работы комиссии, в составе Бэра, Шульца, Лазаревского, Ферзена и Креницына, начались весною 1851 г. и продолжались около года. По завершении работ, Бэр, вместе со своим помощником Шульцем, отправился в Швецию для ознакомления с постановкой там рыбного дела «по причине сходства шведского рыбного промысла с употребительным в северной части России». Экспедиция на Чудское озеро и Балтийское море тщательно изучила «экономию природы относительно водных бассейнов».

«Водные бассейны», писал Бэр, «суть поля, которые удобряются вследствие того простого закона, что вода повинуется силе притяжения. Поля эти, вследствие плодучести рыбы, доставляют количество семян, не только соответствующее количеству этого удобрения, но даже и излишнее. Человеку остается лишь жать».

В результате экспедиции пришлось констатировать в исследованных водоемах уменьшение улова и ухудшение рыбного промысла, что, в свою очередь, вызывало уменьшение притока нового населения к берегам озер.

Главной причиной зла оказалась умышленная ловля приплода, самой молодой рыбы — мальков (сеголеток). По заключению комиссии, такой «весьма опустошительный рыбный промысел» на Чудском озере в значительной мере вызывался практиковавшейся помещиками сдачей, ко всеобщему вреду, рыбных угодий на откупа рыбопромышленникам, а те «ни во времени лова, ни в величине ячей не наблюдали никакой меры». Кстати сказать, это «разорительное злоупотребление» (ловля мальков) было в той же мере в ходу и у шведских рыбаков, как выяснил Бэр при поездке в Швецию. «Забота о будущности», писал Бэр в отчете, «вовсе не входит в расчет ни тех, ни других, и они вполне предаются на волю божию. Но русские рыбаки, кажется, гораздо доступнее благоразумным внушениям, чем шведские. Последние, при сильном уменьшении взрослых сельдей, обратились к лову мальков этой рыбы, и никак нельзя было убедить их в том, что через это должен уничтожиться весь лов ее. Они утверждали, что сельди ежегодно создаются богом и что мелкие на то только и существуют, чтобы их ловить. Таких нелепых ответов никогда не получали члены нашей комиссии. По мнению шведских рыбаков выходило, что мелкие сельди — это особый вид взрослых сельдей, и ловить их поэтому можно». На вопрос знаменитого шведского зо-

олога и археолога Свена Нильсона (1787—1887), изучавшего дело на месте, каковы отличительные признаки этого нового вида сельдей, ему отвечали, что новые сельди, кроме меньшей величины, имеют еще сравнительно большие головы и другой вкус. Нильсон, выслушав такое объяснение, ограничился припиской к протоколу: «Все молодые животные имеют бóльшую голову, чем старые, мясо телят другого вкуса, нежели мясо взрослого быка, и жеребята имеют другой вид, нежели взрослая лошадь, и тем не менее телята и жеребята не составляют отдельных пород».

Конечно, заявления шведских рыбаков были неверны и смешны. Но не лучше ли было высоко авторитетному ученому указать в протоколе прежде всего на бившие в глаза социально-экономические причины, заставлявшие шведских рыбаков таким образом «изворачиваться»?

Для освещения вопроса с этой последней точки зрения весьма характерен разговор Бэра с Готенбургским губернатором Фореусом, принимавшим близкое участие в составлении шведского устава о рыболовстве. Бэр заинтересовался, отчего «иные пункты устава, касающиеся прав рыбаков, менее развиты», чем он, Бэр, мог ожидать. Фореус объяснил, что «правильному составлению устава противополагали много препятствий смежные отношения поземельных владений в Швеции, запутанные еще более не довольно обдуманными жалованными грамотами прежних королей помещикам».

«Вообще, кажется, в характере шведов не скоро отказываться от однажды принятых ими убеждений», замечает по этому поводу Бэр.

«Из небольшого числа лиц, с которыми я мог объясняться», рассказывает дальше Бэр, «оказался один, плавно говоривший по-немецки, школьный учитель. Узнав, что я прибыл в этот край по делу о рыболовстве, он счел своим долгом немедленно разразиться против меня обличительной проповедью, в которой доказывал, что морской рыбной ловле не должно противополагать никаких ограничений, что морских рыб должно ловить столько, сколько удается, потому что исчезание сельдей следует приписывать одной только прихоти этих рыб. Всего забавнее было то, что он вооружился против меня, вовсе не справившись, какого я сам мнения и объявлял ли я себя когда-либо в пользу ограничения в этом смысле».

Чудская комиссия Бэра оказалась корректнее. Она, правда, очень осторожно, но все же указала, что практикующийся на Чудском озере перелов вызывается прежде всего бедственным положением рыбаков. Вообще одна рыба, как сообщала комиссия, не может пропитать их; большая часть рыбаков принуждена заниматься также земледелием и другими промыс-

лами. К тому же очень много деревень владеет «недостаточным» количеством пахотной земли, а немало и таких деревень, которые вовсе ее не имеют.

Явно стремились, по утверждению комиссии, и богатые рыбники «сделать зависимыми от себя более бедных рыбаков», т. е., попросту говоря, кулаки закабалили бедняков, добившись запрещения ловить рыбу маленькими неводами, так называемыми «мутниками». Комиссия Бэра высказалась решительно против того, чтобы «законодательство еще более способствовало приведению более бедных рыбаков в зависимость от богатых». Она находила, «что нет никаких разумных оснований для насильственного увеличения выгод богатых ко вреду бедных».

В заключение своих работ комиссия представила «Проект мер к устройству рыбной промышленности» в исследованных ею местностях.[1] В частности, признано было необходимым произвести опыт пересадки некоторых пород рыб из Нарвы вверх по Нарове в Чудское озеро сперва в небольших размерах, а после открытия железнодорожного сообщения между Петербургом и Москвой — в большом виде из Волжской системы в Невскую и обратно. Подобные опыты производились в то же время во Франции в обширных размерах; у нас же пересадкой рыб еще прежде занимался один сметливый и предприимчивый рыбак из деревни Кикиды, по имени Смолкин. С ним и был заключен соответствующий договор.

[1] Проект этот вылился в 1859 г. в законоположение, носившее следующее название: «Правила об ограничении лова рыб во Псковском и Чудском озерах, для отвращения уменьшения крупной рыбы, происходящего от вылавливания ее в молодом возрасте и от употребления при том снарядов и способов, препятствующих рыбе спокойно метать икру».

ГЛАВА II

ОРГАНИЗАЦИЯ КАСПИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ с 1853 по 1856 г.

Не прошло и 2 лет со времени экспедиции на Чудское озеро, как Бэру пришлось заняться изучением условий другого, несравнимо более важного для народного хозяйства нашей страны рыболовства в бассейне Каспийского моря.

Этот громадный солоноватый водоем с уровнем ниже уровня океана около 26 м, лежащий на дне глубокой впадины нашей южной окраины на границе с Ираном, давал в некоторые годы до половины и даже более половины всего количества рыбы, потребляемой населением Советского Союза.

Каспийское, или, как его называли в старину, Хвалынское, море нельзя называть, строго говоря, морем. Оно нигде не имеет в настоящее время сообщения с морем и со всех сторон окружено сушей.

Каспий на самом деле — озеро, правда, величайшее из озер земного шара. Н. М. Книпович, тщательно его изучавший с гидрологической и гидробиологической точек зрения, определяет объем Каспия в 79 319 куб. м. Каспий имеет площадь, примерно, 436 340 кв. м, при наибольшей длине более 1280 км и ширине в самом широком месте 554 км, а в узком месте, между Апшеронским полуостровом и восточным берегом, более 190 км.

При огромном протяжении, естественно, разнообразны береговая линия, климат, глубины, соленость, фауна и флора Каспия.

Гористые берега у кавказского побережья Каспия переходят в низменные и отлогие на севере. На востоке горы сменяются равнинами и пустынями.

Мягкий, теплый на юге климат переходит в суровый в северной и северо-восточной частях моря.

Соленость, более значительная на юге и востоке (до 1.3‰ вблизи мыса Тюб-караган и у о-ва Кулалы и около 1.4‰ у Карабугазского залива), в северной, наиболее широкой, части моря падает до 0.7‰ и ниже, уменьшаясь ближе к берегам до 0.2‰, в особенности у дельт Волги и Урала, где вода становится почти пресной (содержит в Волге лишь менее 0.3 частей солей на 1000).

Химический состав воды отличается от состава морской воды бо́льшим относительным содержанием сернокислых солей.

Прозрачность воды значительная, цвет воды зеленоватый с желтоватым оттенком, в местах же более мелких — буроватый.

По данным экспедиции Н. М. Книповича 1914—1915 гг., течение в Каспии идет от устья Волги вдоль западного побережья к югу и переходит затем на восточное побережье, вдоль которого направляется к северу, неся с собою теплую воду и согревая омываемое ею побережье. Течение поддерживается струями Волги и Урала, а также различием в температурных условиях северной и южной частей моря, особенно резких зимою. Перемещающаяся к югу масса воды прижимается вращением земли к западному берегу моря, а обратная струя — к восточному. Значение может иметь и ветер. Течение идет не только на поверхности, но и захватывает толщу воды в несколько сот метров мощности.

Море ежегодно замерзает лишь в своей северной части, где зима сурова, а вода более пресная. Летом вода в этой части сильно нагревается, та же температура наблюдается у поверхности и в глубокой южной части Каспия. По наблюдениям Книповича, в средней части Каспия, на глубинах от 200 до 400 м, максимальное нагревание наступает в январе и феврале, достигая, однако, всего неполных 5°. В южной, более глубокой, части моря температура на той же глубине доходит до 6°, уже не изменяясь в течение года до самого дна.

Наибольшие глубины, около 1000 м, наблюдаются в южной части моря, в средней части они меньше, а в северной — не превышают 25 м; средняя глубина южной части Каспия около 325 м, средней части — около 176, северной — около 6 м.

Экспедиция Н. М. Книповича в 1904 г. решила вопрос об обитаемости различных глубин Каспия, вопрос, помимо теоретического значения, и практически очень важный для выяснения причин изумительного обилия некоторых ценных промысловых рыб в Каспии.

Обильная животная жизнь в Каспии, по данным Книповича, существует, как и в Черном море, только в верхнем слое воды, охватывая все же здесь толщу вдвое большей мощности, а именно — около 400 м. Но, в отличие от Черного моря, причина безжизненности, почти полного отсутствия животной жизни в глубинных слоях Каспия заключается не в присутствии сероводорода, который обнаружен только на глубине около 700 м, а в бедности глубин Каспия кислородом в результате ограниченной вертикальной циркуляции. Отдельные особи некоторых животных наблюдались и на глубинах, превышающих 900 м. Говорить о полном отсутствии жизни в самых глубоких слоях нельзя, так как там существует жизнь бактерий.

Книпович различает в среднем Каспии 4 глубинные зоны, из которых верхняя обнимает всю северную, мелководную, часть моря. Эта верхняя зона простирается до глубины около 150 м. Она богата кислородом благодаря растительной жизни, связанной с благоприятными условиями освещения. Летом здесь температура очень высокая, а зимой — очень низкая. Это — область массового распространения растительной и животной жизни.

Вторая зона занимает глубины от 180 до 450 м. Кислорода здесь значительно меньше. Температура в нижних частях зоны около 5°.

Третья зона идет в среднем Каспии до глубины около 650 м, а в южном — до дна. Кислорода здесь уже очень мало, часто даже ничтожные доли процентов. Это — господство почти полного мрака.

Еще ниже, в четвертой зоне, не только нет кислорода, но и появляется сероводород. На глубинах около 400 м жизнь представлена очень слабо. Планктон — мир растений и животных, обитающих толщу воды, — наиболее обилен в верхней зоне.

Фауна Каспия очень своеобразна. Характерно, между прочим, для нее отсутствие целого ряда типов и групп животных, обычных для других морей. Так, в Каспии нет иглокожих, оболочников, нескольких крупных групп моллюсков, в частности головоногих, нет коралловых полипов и т. д. Беден Каспий губками, червями и мшанками.

Огромно экономическое значение каспийских рыбных промыслов. Средний годичный улов на Каспии Бэр определял в 1856 г. в 12 млн. пудов рыбы, на сумму около 10 500 000 р. В одном только нижнем течении Волги выловлено в 1914 г., по Книповичу, 904 1/2 млн. голов разной рыбы, весом около 231 400 т и стоимостью 25 1/2 млн. рублей золотом, а если сюда прибавить икру и другие продукты рыболовства, то улов определится в 294 480 т, стоимостью в 27 154 000 р. золотом. «Все

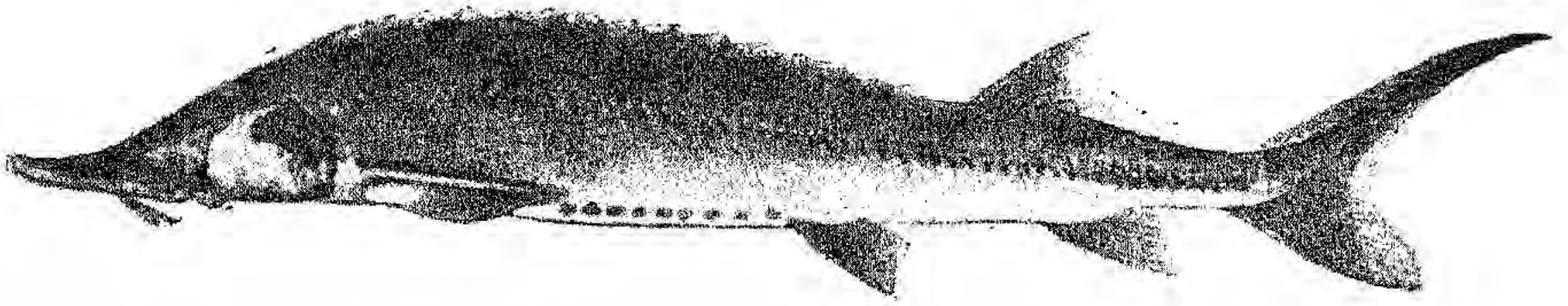
европейские морские рыболовства», писал сотрудник Бэра А. Я. Шульц в своем «Техническом описании каспийского рыболовства», «в сравнении с рыболовством Каспийского моря, могут быть названы незначительными». Особенно славились с давних пор Каспийское море и его реки богатыми промыслами осетровых, или так называемой красной рыбы. К ним относятся постоянно живущая в пресной воде волжская стерлядь (*Acipenser ruthenus*, фиг. 1), только изредка попадающаяся в самом Каспии, и несколько видов крупных проходных рыб, т. е. живущих обычно в море, но для размножения входящих в реки. Особенно большими размерами среди них отличается белуга (*Huso huso*, фиг. 2). Это — крупнейшая из всех встречающихся в пресной воде рыб, достигает до 17 м длины. Остальная красная рыба Каспия — русский осетр (*Acipenser güldenstädtii*, фиг. 3) и севрюга (*Acipenser stellatus*, фиг. 4) — меньшей, но все же значительной величины. К каспийским осетровым относится и шип (*Acipenser nudiventris*, фиг. 5). Шипами называют также помеси различных осетровых рыб. Так, известны белужий шип, севрюжий шип, осетровый шип.

Экспедиция Бэра выяснила основные черты образа жизни каспийской красной рыбы. Оказалось, что белуга встречается как в области небольших глубин, недалеко от дна, так и вдали от мелководий, над большими глубинами среднего и южного Каспия, причем поглощает все, что подвернется, от небольших рыб до тюленей. Все же другие осетровые рыбы ведут постоянно придонный образ жизни на незначительных глубинах и питаются преимущественно животными донными и околодонными. Подымаются они кверху, ближе к поверхности моря, лишь к тому времени, когда надо итти в реки для метания икры.

Белуга мечет икру больше всего в Волге и реках Урала. Подымается она вверх по Волге и ее притокам очень высоко. Осетр нерестится в Волге, Урале, Куре (на Кавказе) и р. Сефид-руд (южный иранский берег Каспия), севрюга мечет икру больше всего в Куре и Урале, шип — в Урале, Куре, Сефид-руде и редко в Волге. Главным образом в Волге же мечет икру и наиболее многочисленная в этой реке красная рыба — пресноводная стерлядь.

Красная рыба давала, как и теперь дает, вкусное питательное мясо, драгоценную, богатую пищевыми началами (азотистыми и жиром) икру. Добываемая из позвоночного столба осетровых вязига также употребляется в пищу. Из плавательного пузыря красной рыбы изготовляется ценный рыбий клей.

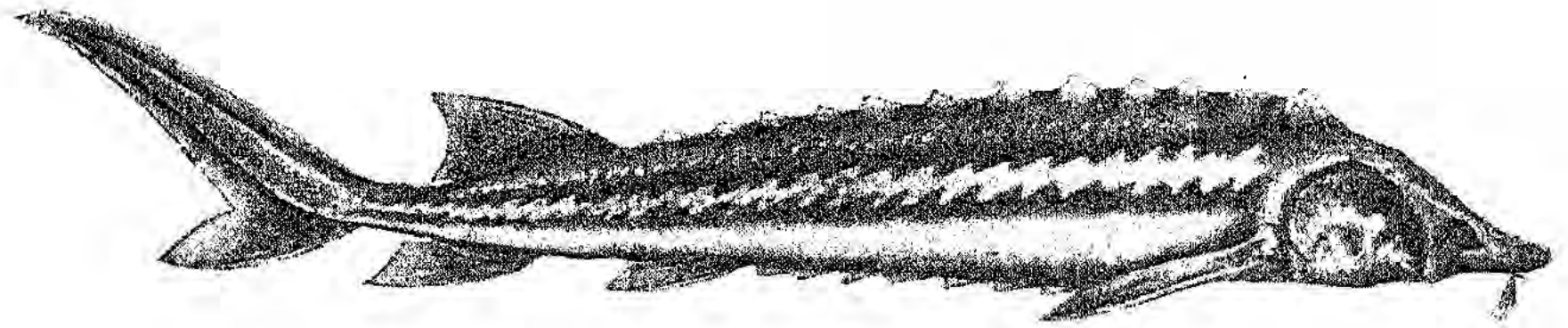
«Нигде в Европе лов рыбы, особенно красной», писал Шульц, «не производится в таких громадных размерах, не составляет

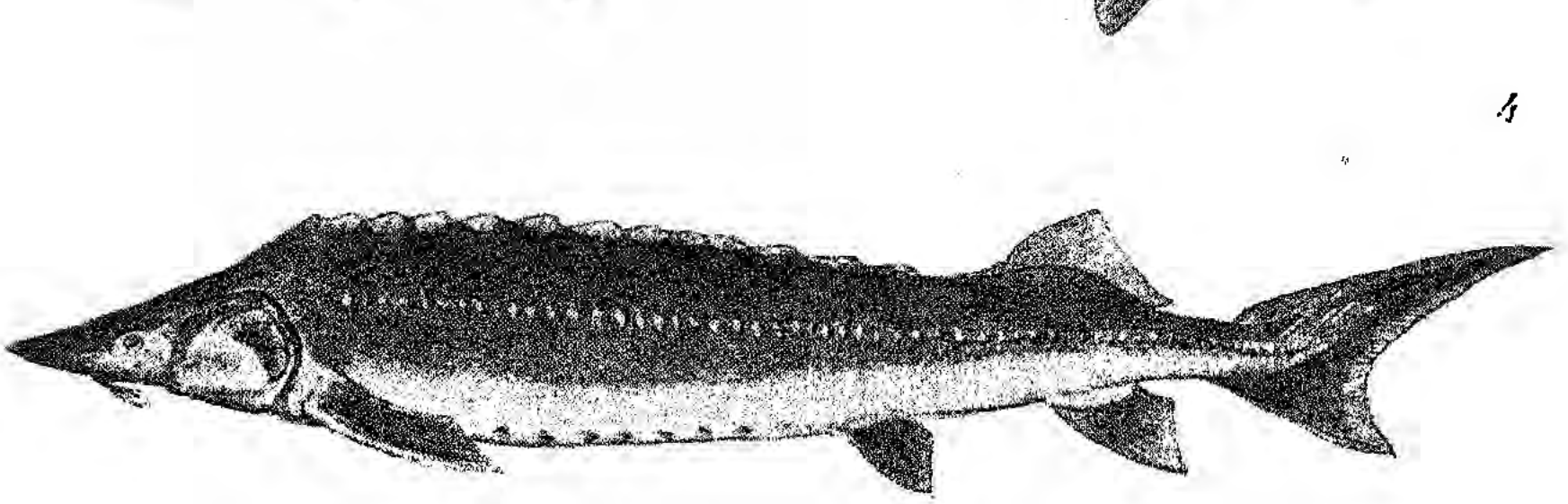
1

2

3

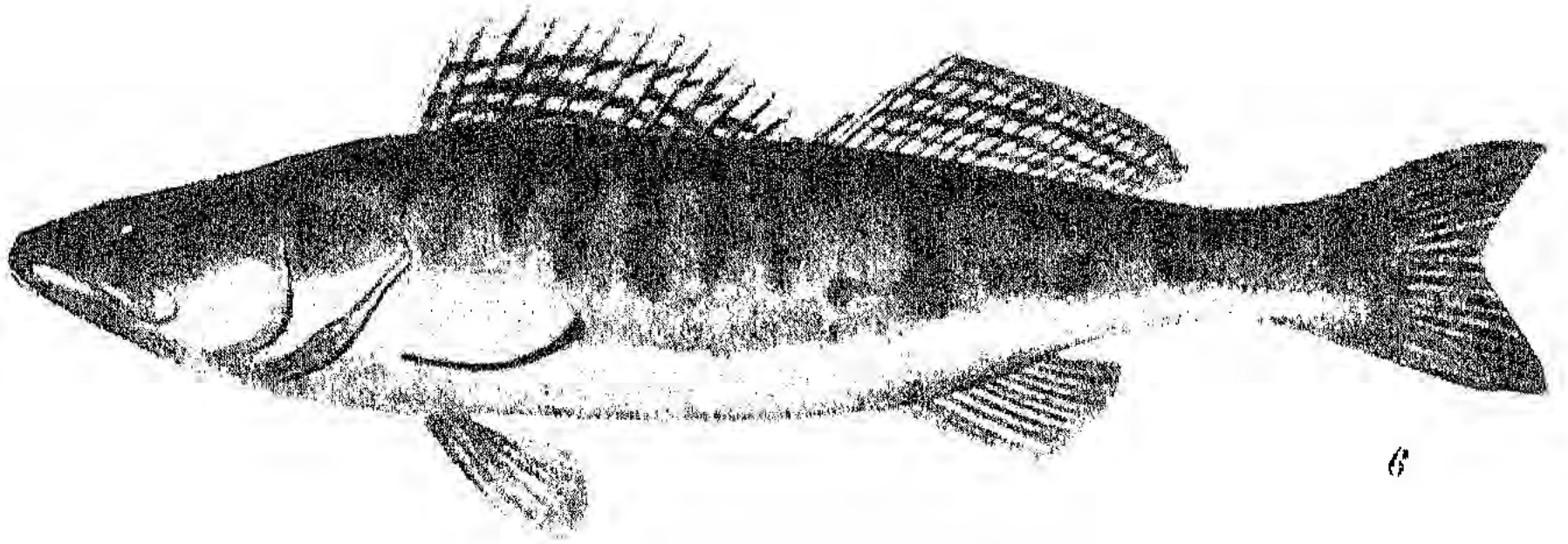

4

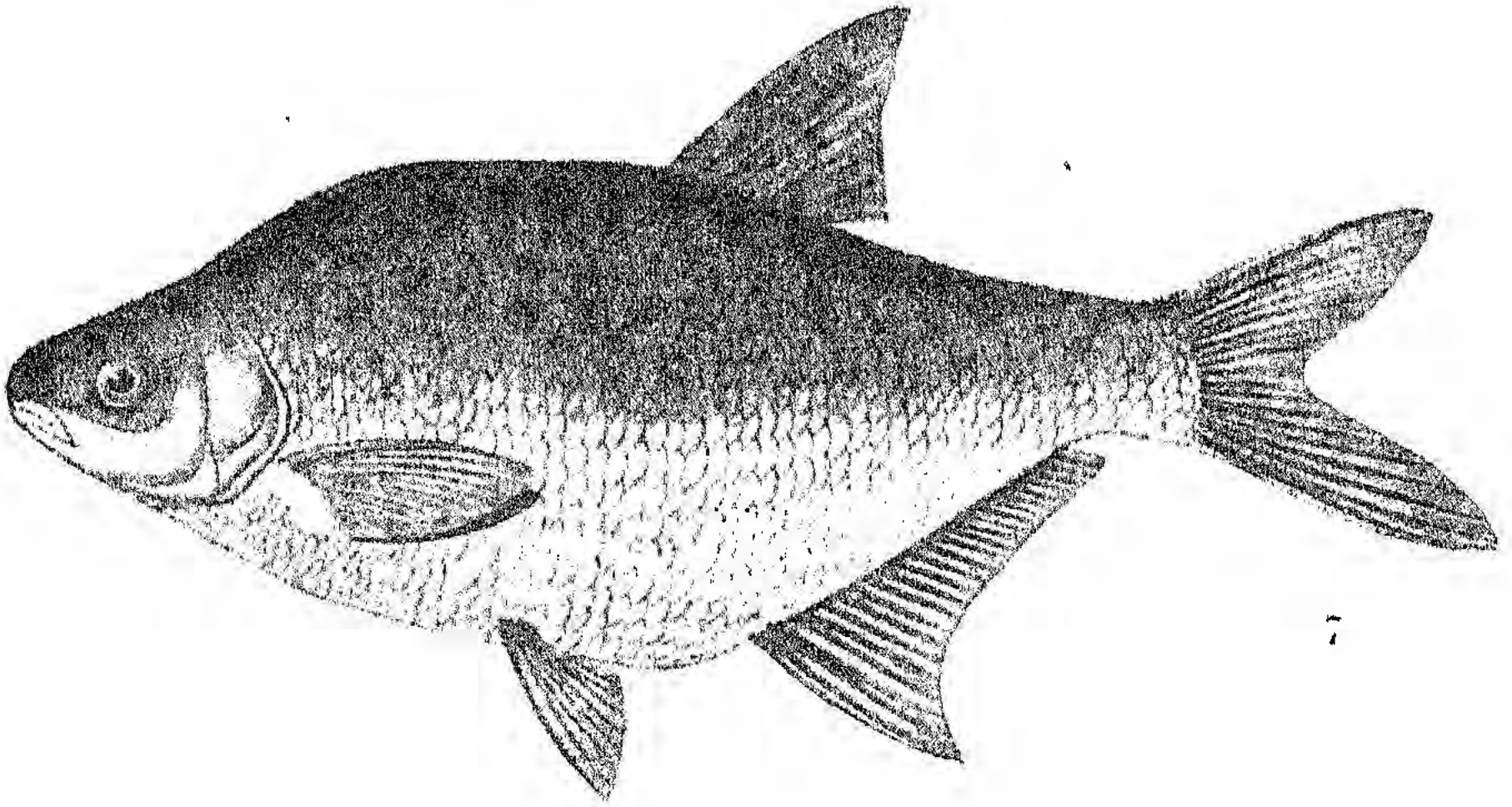
5

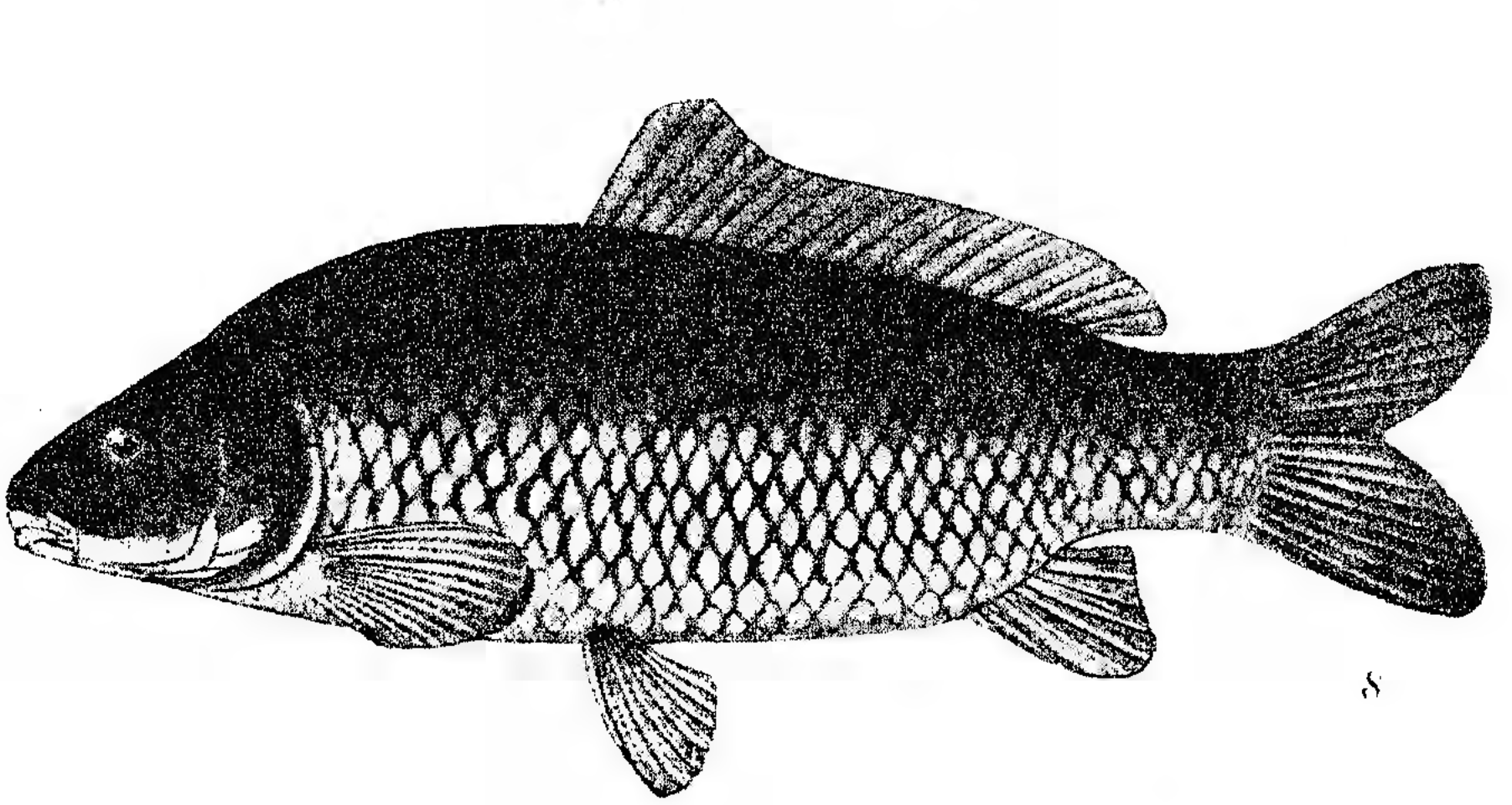
1. Стерлядь. 2. Белуга. 3. Русский осетр
4. Севрюга. 5. Шип.

БИБЛИОТЕКА
Академии Наук
СССР

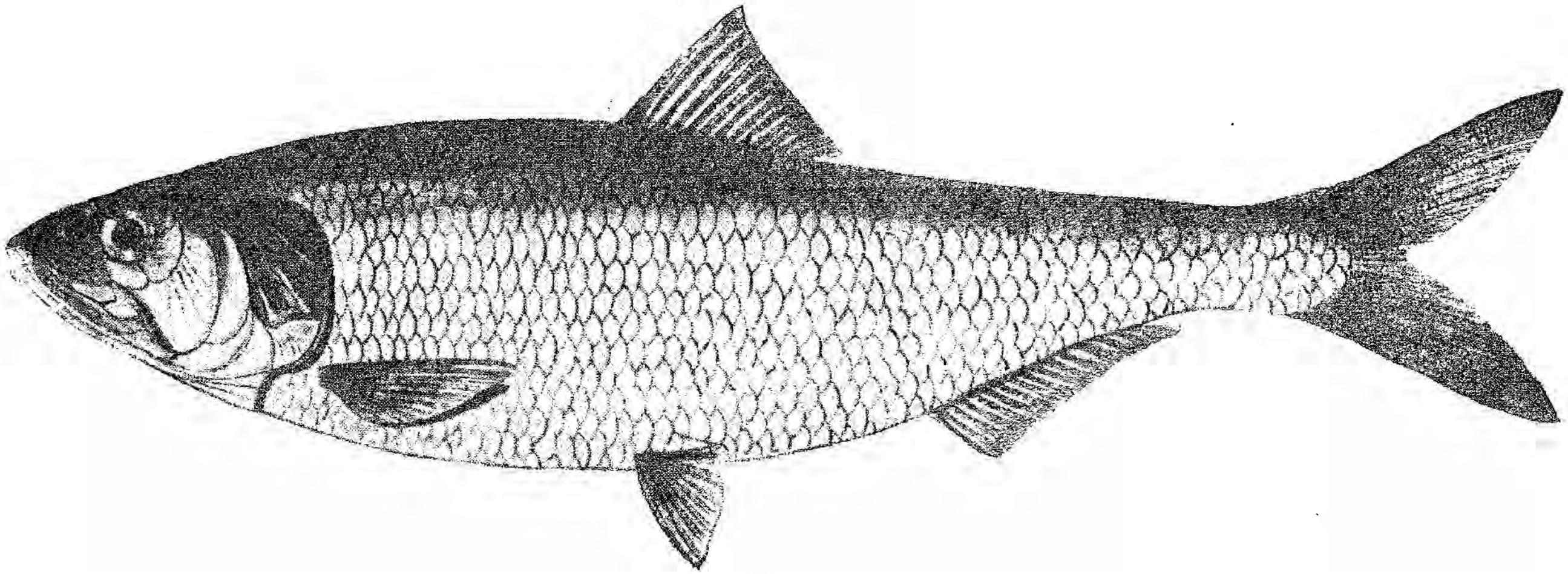
6

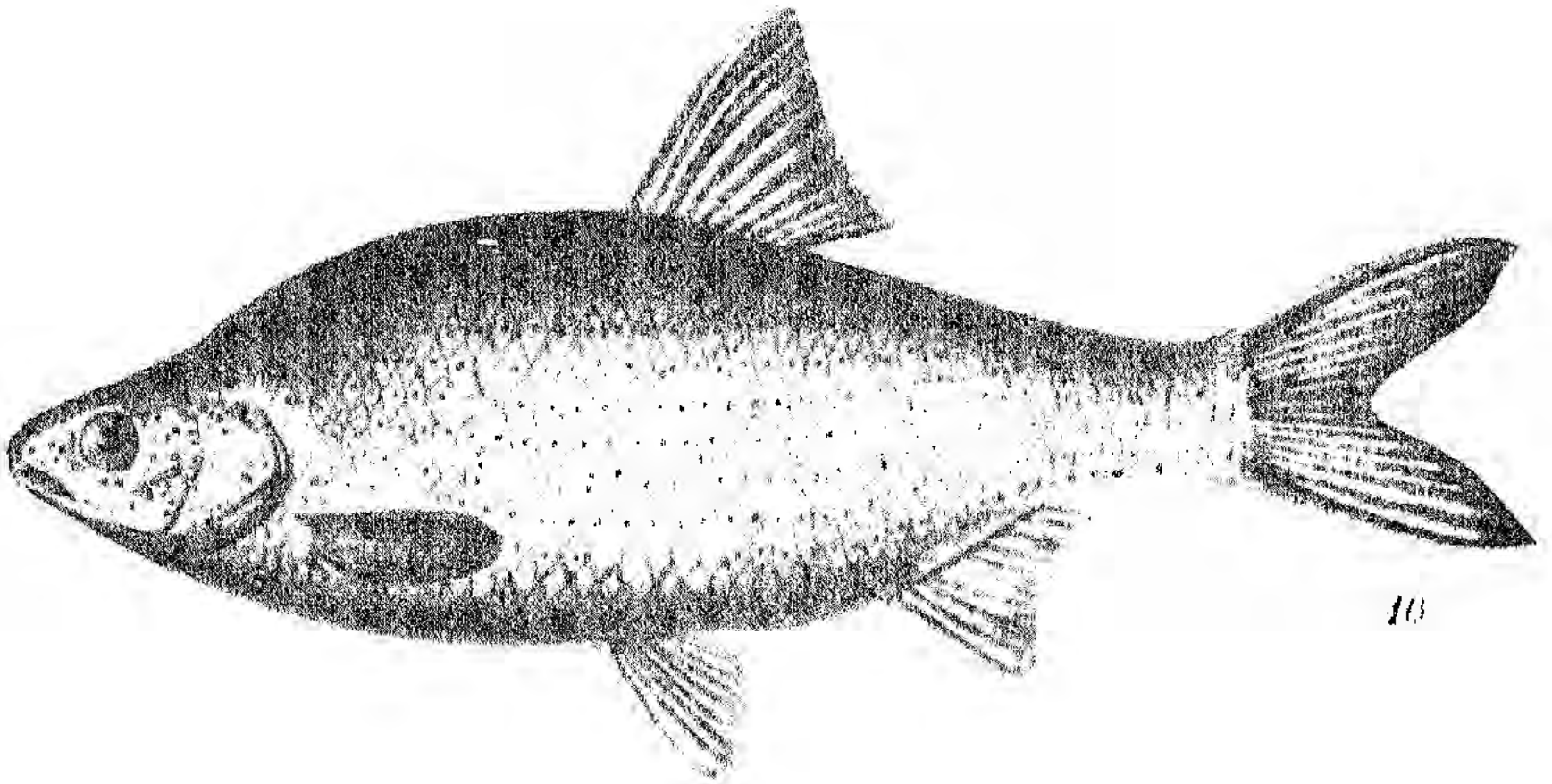

8

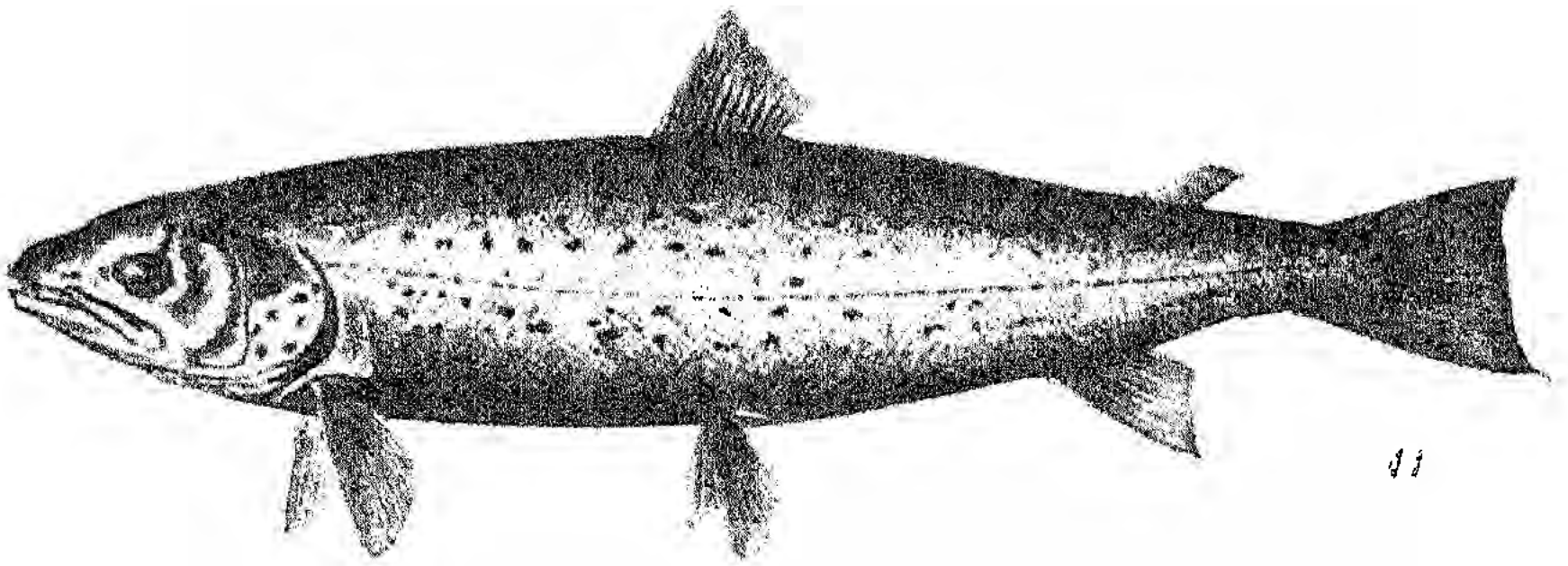
6. Судак. 7. Лещ. 8. Сазан.

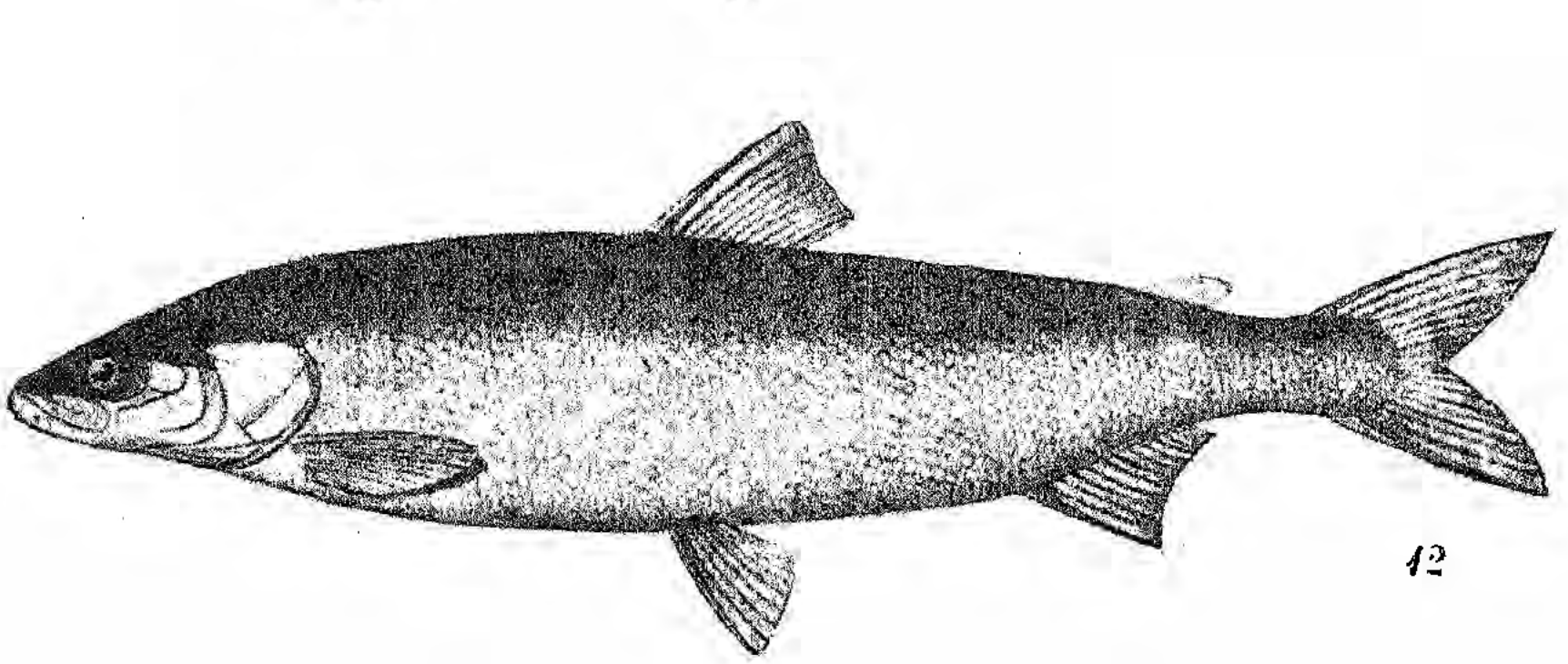
9. Бешенка.

10

11

12

10. Вобла. 11. Лосось.
12. Белорыбица.

Библиотека
Академии наук
СССР

EB_1941_AKS_393

столь важной отрасли государственного хозяйства, не приносит столько существенных выгод и правительству и народонаселению, как рыболовство Каспийского моря и впадающих в него Волги, Урала, Куры и других менее значительных рек... На пространстве 1000 верст длины и 300 ширины Каспийского моря уже несколько десятков лет ловится ежегодно огромное количество красной рыбы, равно как и в его заливах, бухтах, култуках (заливы в северной части Каспийского моря) и в устьях помянутых рек, а также и в самых этих реках».

Естественно, что русский рыбный промысел, начавший сильно развиваться в Каспии лишь в конце XVIII в., сосредоточился прежде всего на наиболее ценной красной рыбе. Позднее, с 20-х и 30-х годов XIX в., стали усиленно в Каспии ловить и другую, так называемую частиковую рыбу: судака (фиг. 6), леща (фиг. 7), сазана или карпа (фиг. 8). «Слово частиковые», писал Бэр, «происходит, по мнению промышленников, от неводов, которыми ловят эту рыбу. Такие неводы называются частиковыми потому, что ячейки их часты сравнительно с ячейками неводов, употребляемых для лова красной рыбы».

Каспийская частиковая рыба впоследствии приобрела большее значение для государства, чем красная рыба, к тому же товар этот являлся более дешевым продуктом питания.

В 40-х годах XIX в. из состава частиковой рыбы стали ловить каспийскую сельдь, так называемую бешенку (фиг. 9), но шла она сначала только на вытапливание из нее жира, и лишь позднее, к концу 50-х годов, как мы увидим далее, благодаря Бэру, стали ее солить и пускать в пищу. Только в 50-х годах принялись ловить имеющую громадный сбыт воблу (фиг. 10). Важное значение для ловцов и рыбопромышленников имели уже во времена Бэра частиковые рыбы высокой ценности — каспийская лосось (*Salmotrutta labrax*, фиг. 11), белорыбица (*Stenodus leucicichtys*, фиг. 12), дающая лучшие по качеству балыки, и шемая (*Chalcalburnus chalcoides danubicus*). В те времена эти дорого стоившие рыбы, разумеется, были доступны лишь состоятельным людям.

«Улов частиковой рыбы», писал в 1861 г. Шульц в своем «Техническом описании каспийского рыболовства», «можно назвать баснословным, и неочевидцу он может легко показаться из настоящего описания неимоверным...

«Рыболовство занимает миллионы рабочих рук в Астраханской и вообще в приволжских губерниях, а равно по всему прибрежью Каспийского моря. Всевозможные снаряды, какие только мог изобрести ум человеческий, все уловки и ухищрения, на которые так изобретательна сметливость нашего простонародья, — все здесь идет в дело против врожденного при-

родою чувства самосохранения всех водных пород Каспийского моря. На этом море и на Волге можно видеть полное развитие отваги и самоотвержения наших бесстрашных рыбаков, которые нередко с явною опасностью для жизни борются с неимоверными трудностями тягостного лова». Но вместе с тем и сказочно беспорядочно и хищнически велось все это дело громадного народно-хозяйственного значения, и сетования на серьезнейшие неполадки в нем слышались поэтому уже в начале XIX в.

Жалобы, по существу, были те же, что и на Чудском озере. Рыба в Каспийском море уменьшается. Способы ловли служат к истреблению ее в самом зародыше. По всем этим обстоятельствам до Бэра собирались многочисленные и разногласные сведения и от местных начальств и от промышленников, и на основании собранных данных в разное время издавались многие и противоречивые постановления. Одни из них, явно несостоятельные, приносили только убыток казне. Другие, будучи более целесообразными, фактически не выполнялись, так как подрывали интересы очень высокопоставленных лиц. Иногда вельможные хозяева рыбных промыслов, получив их «в награду» от правительства, содержали их явно, другие владели ими тайно, при посредстве подставных лиц. К последней категории принадлежали, повидимому, кое-какие «августейшие персоны».

Пришлось в конце концов признаться, что без вполне объективных и компетентных «ученых исследований о жизни рыб» и здесь, на Каспийском море, делу помочь нельзя. Характерно, что инициатива организации научной Каспийской экспедиции принадлежала все же не правительству, а частному лицу.

Необходимость выработки каких-то общих научных положений для создания более рационального рыболовного законодательства стала настолько очевидной для самих каспийских рыбопромышленников, что один из них, Голиков из Астрахани, обратился в незадолго до того созданное Русское географическое общество с просьбой о «производстве ученых изысканий» в Каспийском море, для чего сам Голиков пожертвовал 3000 р.

Географическое общество, не имея достаточных денежных средств, сделало соответствующее предложение Министерству государственных имуществ, в результате чего и состоялась экспедиция.

В состав ее, кроме руководителя Бэра, вошли техником А. Я. Шульц (сотрудник Бэра уже по Чудскому озеру), статистиком Н. Я. Данилевский, рисовальщиком и препаратором Никитин, помощником начальника экспедиции по естественно-

исторической части сперва Н. Семенов, скоро покинувший экспедицию, а после него преподаватель естественной истории Астраханской гимназии Вейдеман.

Наиболее крупной фигурой среди перечисленных лиц являлся, конечно, Николай Яковлевич Данилевский. Ему минуло тогда всего 30 лет, но за ним стояло уже сложное и характерное для того времени прошлое. Н. Я. Данилевский, по окончании Царскосельского лицея, поступил на естественный факультет Петербургского университета, где специализировался по ботанике. Оставленный при университете для соискания профессорской кафедры, он отправляется в Рязанскую и Орловскую губ. исследовать флору черноземной полосы России. Однако магистерской диссертации ему не удается написать. Его арестуют по делу Петрашевского, на собраниях которого он бывал, и отправляют в Петропавловскую крепость. Петрашевцы, как известно, представляли собою в 1845—1849 гг. довольно многочисленную группу социалистически настроенных интеллигентов, увлекавшихся учением социалиста-утописта Фурье.

После 100 дней заключения Данилевский был выслан из Петербурга в Вологду, где он поступил на службу в канцелярию губернатора. Вскоре ему разрешили переехать в Самару. Здесь Данилевский женился, но жена его на следующий год умерла от холеры. К этому времени он и командируется «в звании статистика на 2 года в ученую экспедицию для исследования состояния рыболовства на Волге и в Каспийском море». С той поры Данилевский специализируется на вопросах прикладной ихтиологии. Многолетние труды его в этой области, по отзыву специалистов, и до сих пор не потеряли своего значения. В них сказывается выдающийся по точности исследователь, способный не только собрать обильнейший материал, но и овладеть им, умело его систематизировав.

Техник экспедиции Александр Карлович Шульц, родом из Лифляндии, изучал в Дерптском университете с 1843 по 1847 г. сперва медицину, а потом сельское хозяйство, окончил университет со степенью кандидата экономии, после чего поступил чиновником в Псковскую податную комиссию. С 1851 по 1852 г. Шульц, как мы уже указывали, участвовал в экспедиции Бэра на Чудское озеро. По окончании Каспийской экспедиции, Шульц продолжал исследования по рыболовству совместно с Данилевским до 1867 г., в последующие 10 лет был начальником Астраханского управления рыболовством.

3 года перед самой экспедицией ушло у Бэра на ее подготовку, главным образом на изучение настоящего и прошлого Каспийского моря, вплоть до старинных летописей, и его рыбо-

ловства. Но и этого срока оказалось недостаточно для ознакомления с природой обширных областей, по которым протекают реки Каспийского бассейна, и для изучения самого громадного Каспия.

«Главной квартирой» научной экспедиции Бэра была избрана Астрахань.

II

КАСПИЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

1853 — 1856

ГЛАВА I

ПО ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА ДО МОСКВЫ

кад. Бэр 14 июня 1853 г., в сопровождении академического служителя Петра, отправился по Николаевской железной дороге из Петербурга в Москву, в Каспийскую экспедицию. Поезд уходил в 11 ч. утра. Бодрый, сухой, подвижной старик 61 года, среднего роста, заблаговременно, до первого звонка, приехал на вокзал и заплатил за место в 1-м классе до Москвы 19 р. Кресла в 1-м классе, как отмечает Бэр в дневнике, «оказались довольно удобными, раздвижные, но не для лежания. В вагоне имеется „cabinet d'aisance". Окна только полуоткрываются». Во время пути во 2-м и 3-м классах несколько пассажиров заболело холерой. «Поезд идет», заносит Бэр в дневник, «все время по низменной местности, лес встречается редко, больше все кустарник с сырой почвой». Только с приближением к Москве местность становится суше. Начиная от станции «Химки», чувствуется близость большого города. Поезд прошел путь от Петербурга до Москвы без опоздания, необычайно быстро — в положенные 22 часа.

15 июня, ровно в 9 ч. утра, Бэр выходил на «амбаркадер» вокзала в Москве. Здесь его встретил рисовальщик экспедиции Никитин, отвезший Бэра на Покровку, в меблированную гостиницу. В гостинице Бэр прежде всего выспался, после чего отправился в гостиный двор искать «Станислава». По своей рассеянности он, конечно, не захватил с собою этого пожалованного ему ордена, а в экспедиции последний мог очень понадобиться для представительства. Но в гостином дворе «Станислава» не нашлось, да к тому же Бэр узнал, что орден стоит целых 20 р. «Это мне не по средствам», записал Бэр в дневник и решил не тратить ни времени, ни денег на этот «парад».

После неудачи со «Станиславом» Бэр поехал к своему хорошему знакомому, профессору по кафедре сельского хозяй-

ства Московского университета Н. И. Железнову. С Николаем Ивановичем Бэр встретился впервые еще в бытность Железнова студентом. Бэр прочил тогда этого талантливого молодого научного работника и художника в свои помощники по так и неосуществившейся Аральской экспедиции. [1] Сейчас 37-летний Железнов был ужс известным ученым с европейским именем. Месяц тому назад, по представлению Бэра, Академия Наук избрала Н. И. Железнова, в будущем директора Петровско-Разумовской земледельческой академии, [2] своим адъюнктом. Но о проф. Железнове, жившем на казенной квартире при университете, не только университетские сторожа, но и чиновники университетской канцелярии ничего не слыхали. С трудом нашли номер его квартиры в регистратуре. Железнова в Москве, к сожалению, не оказалось. Бэр поехал тогда осматривать Кремль. Взобрался на Ивана Великого. Подивился на упавший с него колокол. Записал в дневник: «Большой колокол — 10 000 п. и один отломленный кусок — 500 п. ... Кремлевский собор чудовищно перегружен иконами. Покрыт золотом. Реставрирован».

[1] М. М. Соловьев. Академия Наук и военный поход. Вести. Акад. Наук СССР, 1936, № 8—9.

[2] Открыта в 1865 г. (впоследствии Московский сельскохозяйственный институт, ныне Сельскохозяйственная академия им. Тимирязева).

ГЛАВА II

НА ТАРАНТАСЕ ОТ МОСКВЫ ДО НИЖНЕГО

Дальше Москвы железной дороги еще не существовало. Пришлось продолжать путешествие, сообща с Никитиным и Петром, на тарантасах по почтовому тракту.

Владимир на Клязьме оказался «живописным, чистеньким городом с приличной гостиницей».

Миновали уездный городок Вязники. Места пошли сырые, низменные, со многими болотами. Канавы для спуска воды почти отсутствовали. Вскоре потянулся, вплоть до окрестностей Нижнего Новгорода, мелкий сырой лес, изредка перемежавшийся крошечными пашнями с одиночными избами. В лесу, по преимуществу хвойном, местами мелкая береза сменялась черной ольхой. Высокие деревья были очень редки. Около Нижнего Новгорода дорога как будто стала суше. Впрочем, вполне удостовериться в этом Бэру не удалось, так как уже совсем стемнело.

В 12 ч. ночи тарантас Бэра въехал в Кунавино, заречный пригород Нижнего Новгорода. Миновали ряды построенного в 1822 г. Бетанкуром громадного гостиного двора. Лавки пустовали, так как ярмарка еще не начиналась. В то время Нижегородская ярмарка торговала только один месяц в году (с 15 VII по 15 VIII).

Мост через Оку был разорен. Приходилось перебираться на плоту глухою ночью через широкую реку. «Организация переправы жалкая», отмечает Бэр в дневнике. Перевозчиков-татар было не добудиться. Досок при перевозе экипажа с берега на плот не подкладывалось. Первый уже тарантас поэтому свалился в воду. Вытаскивать его ночью из воды, да еще с вещами, было нелегко и очень досадно. Бэр просил досок. Ему ответили, что «их нет в заводе». Бэр потребовал их. Доски нашлись. «А вот требовать на водку», замечает Бэр в дневнике,

«перевозчики всегда готовы, хотя вывешенное объявление это запрещает». Вся эта шумная ночная сцена не разбудила академического служителя Петра. Он продолжал спать крепким сном во втором тарантасе. Уже рассветало, когда путешественники поднялись в верхний город и добрались, наконец, до гостиницы, «что у конторы Коровина».

Утром Бэр послал нарочного к Владимиру Ивановичу Далю, члену-корреспонденту Академии Наук и известному писателю (псевдоним «Казак Луганский»). Даль жил тогда в Нижнем Новгороде по должности управляющего удельными имениями губернии. Бэр хотел поговорить с Далем по поводу литературных дел последнего. Даль никак не мог добиться в то время от Академии издания его капитального труда — «Сборника пословиц». Второе отделение Академии, по которому Даль состоял корреспондентом, поручило разбор его рукописи действительному члену Академии Наук, протоиерею петербургского Петропавловского собора Кочетову, а тот представил Академии Наук резко отрицательный отзыв о труде Даля. Кочетов полагал, что своей работой Даль желает только «дать печатный авторитет памятникам народной глупости».

Но Даль находился за 100 верст от Нижнего Новгорода в отъезде, и Бэру с ним не удалось повидаться. Не застал академик и губернатора, князя Урусова. Тот тоже отбыл из Нижнего в один уездный город. Бэр решил тогда заняться необходимыми для экспедиции покупками, но ему опять не повезло. По случаю какого-то большого церковного праздника все лавки в городе были закрыты.

Нашелся один только его сотрудник по экспедиции А. Шульц, ждавший Бэра уже несколько дней в городе. Шульца Бэр откомандировал еще 27 мая на оз. Селигер, в г. Осташков, с поручением выяснить, продолжается ли еще там икрометание рыбы. Время оказалось упущенным, и потому Бэр на Селигер не поехал, предложив Шульцу через Тверь спуститься вниз по Волге и ждать Бэра в Нижнем Новгороде.

Сведения о состоянии рыболовства на оз. Селигер, сообщенные Шульцем, встревожили Бэра. Оказалось, что осташковцы, кроме рыб, мечущих икру, вылавливают, сколько могут, и приплод, который вывелся из икры, и все это для того, чтобы получить товар ничтожной ценности. Пуд суща (высушенных мальков), в котором находилось до 100 000 рыбок, стоил всего 1 р. 55 к. серебром. Таким образом в «естественном рассаднике» волжских рыб, каким, по выражению Бэра, являлся Селигер, колоссальные количества приплода выводились только для того, чтобы, не выходя из пределов озера, подвергнуться сушке, вместо того чтобы вырасти и спуститься вниз по Волге.

Так как пароход из Нижнего на Казань отправлялся только через 4 дня, Бэр решил следовать дальше по Волге на лодках. После долгих поисков наняли за 25 р. до Казани два парусных суденышка, одно побольше, другое поменьше, но оба без каюты. Хозяин судов, приокский житель, жил рыболовством и постройкой судов и много «без утайки» рассказывал Бэру о рыболовстве на Оке.

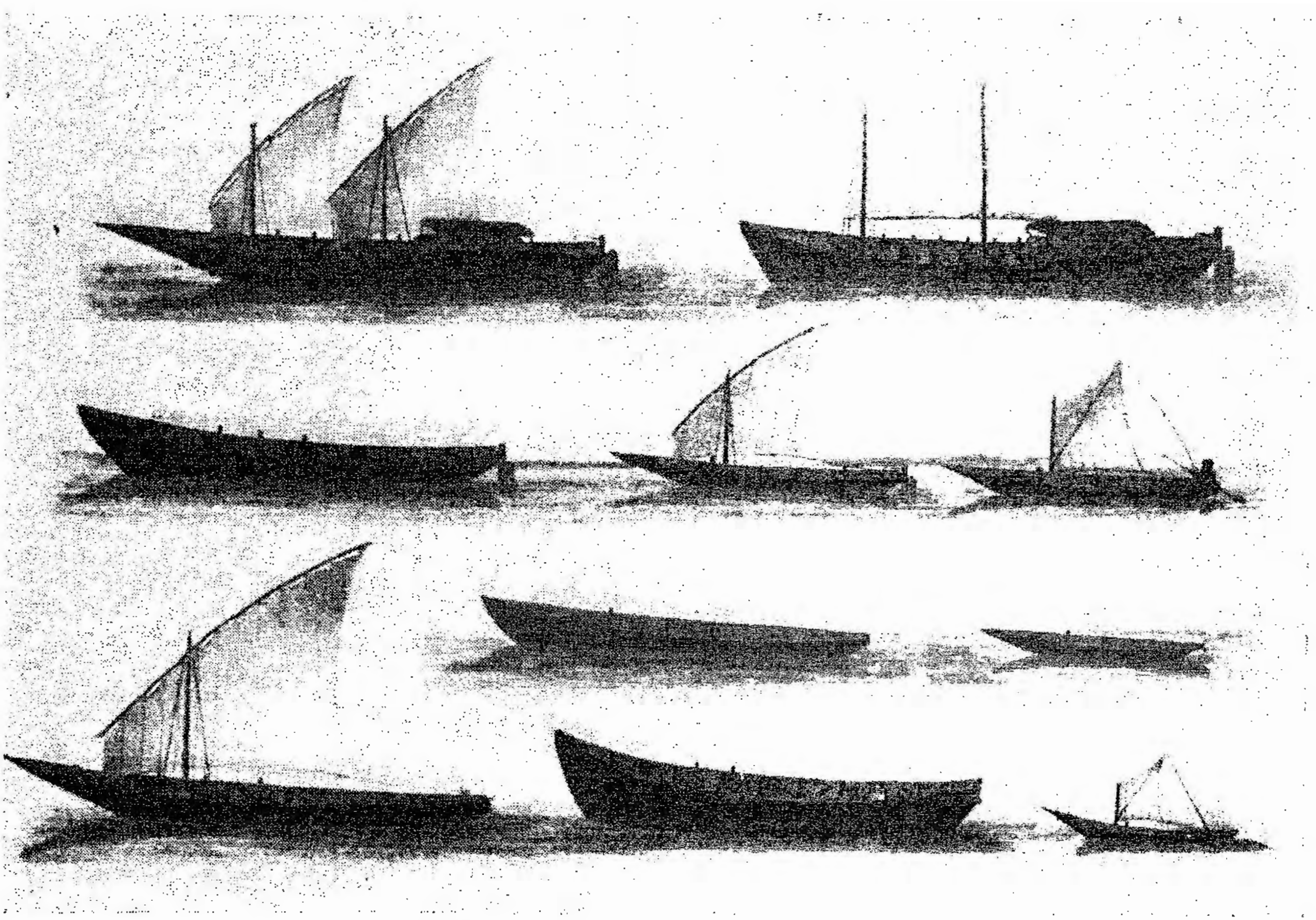
Путешественники сами на одной из лодок соорудили палатку и подрядили двух гребцов. Покончив с этим делом, Бэр отправился осматривать город. В нем встречалось много уютных домиков, окруженных садами, и больших, красивых, каменных зданий, принадлежавших по преимуществу купцам и хозяевам гостиниц. В верхнем городе Бэр осмотрел старый, XVI в., Кремль с его высокими башнями, побывал на площади, где «выборный от всей земли, продавец мяса и рыбы», земский староста Минин созывал сирот-посадских, холопьев и беглых крестьян, весь простой народ, против польских панов-захватчиков. Полюбовался Бэр из верхнего города и на Волгу, на старинный Печерский монастырь, живописно расположенный в примыкающей к городу Печерской слободе. В следующие 2 дня у старика Бэра между прямым делом нашлись время и силы обследовать крутые обрывы вдоль Волги и Оки, где его заинтересовали выступающие на обрывах коренные геологические напластования — различные виды пестроцветных мергелей. В одном месте у обрыва бил холодный ключ. Бэр измерил его температуру. Градусник показал +7° по Реомюру, в то время как в Волге, на глубине 5 фт., было +22° Р.

По широкой реке плыли безостановочно всяческие суда (фиг. 13). Под косыми парусами шли двухмачтовые «реюшки», плоскодонные, покрытые палубою «шитики». Медленно двигались большие, грузные «расшивы», длиною до 24 саж., шириною до 11 саж. Их тянули с берега на бечеве артели бездомных бурлаков или лошади, иногда до 52 шт., запряженные в 13 рядов, по 4 в каждом ряду. Некоторые суда передвигались «завозом» — с помощью 4-лаповых, тяжелых, от 4 до 7 п. весом, «ходовых» якорей. Завозились якоря вперед судна на длинном канате, после чего судно подтягивалось канатом к тому месту, где был опущен якорь. Непрерывной лентой тянулись плоты, сплавлявшие лес из Костромы и других лесных мест в Саратов.

Возвращаясь с этой экскурсии, Бэр осмотрел, а потом и подробно описал в дневнике «гидравлическую паровую» машину, поднимавшую воду в верхний город и снабжавшую ею ярмарку. Машина, изготовленная на Шепелевском заводе, гнала на высоту 40 саж. 50 000 ведер воды в сутки. «Отдыхала» машина только несколько часов ночью.

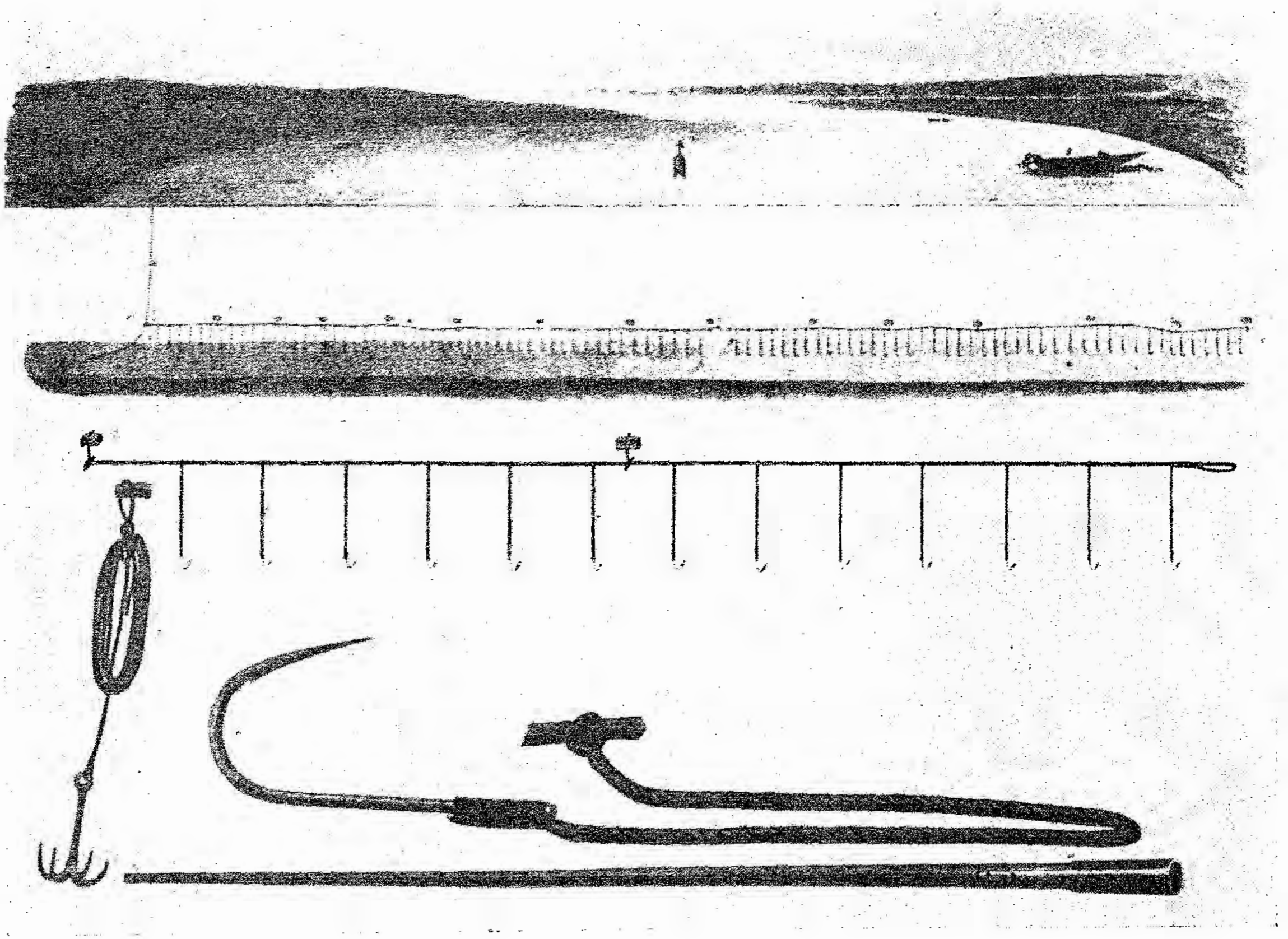
На следующий день утром Бэр отправился к губернатору, который к тому времени возвратился из погоревшего уездного города. В Кремле, в губернаторском дворце, Бэру пришлось долго ждать приема, так как губернатор находился в церкви. Наконец, он появился, окруженный целой свитой, впрочем оказался, как пишет Бэр, «очаровательным мужчиной», к тому же предупредительным не на словах, а на деле, и быстрым в решениях. Салтыков про него сказал бы: генерал был старик добрый, но еще годный. Прикомандированный к Бэру адъютант губернатора тотчас же доставил академика и его спутников в рыбный ряд, к купцу рыбнику Водовозову. Здесь путешественники осмотрели огромные запасы сухой рыбы, приготовленной к ярмарке, и садки для живой рыбы. В них содержались живые стерляди. 8-вершковые стоили 60 к., а 14-вершковые — уже 6 р. У самой Волги, под обрывом, помещались самые большие садки. Это были довольно глубокие водовместилища с площадью от 12 до 15 кв. саж., окруженные жердями и с проточной водой из небольшого ключа, бившего из обрыва. В садках свободно плавала напущенная весною рыба. Рыбы летнего улова, по словам приказчика, здесь не выживали. Другой большой садок — бак с живыми стерлядями — стоял у Водовозова на Оке. Когда река замерзала и устанавливался первый санный путь, рыбу из садков вынимали, замораживали и таким образом свежую доставляли в Москву. На вопрос Бэра о времени и местах нереста у стерлядей и осетров приказчик ответил, что они нерестятся в одно и то же время, в начале июля, на мелких, песчаных местах, не глубже 1 арш. Однако отец, он же и хозяин приказчика, с последним не согласился. По его мнению, время нереста уже прошло. Рыбы эти, как говорил он, мечут икру в первой половине июня; осетры же доходят до Нижнего редко, стерляди — чаще; совсем редко ловится белуга. «В кои веки раз, лет через 20, появится одна». Рассказывали, что у Нижнего поймали как-то белугу, весом в 40 п., а у Павлова выловили однажды белугу в 50 п. весом. Обычной здесь рыбой являлись щука, окунь, лещ; очень часто встречались также судаки, ерши, язь, плотва.

Вечером купец Водовозов, очень встревоженный, приехал в гостиницу к Бэру и, считая, очевидно, его за ревизора, всячески заверял его, что в округе, согласно запрещению, никто так называемыми черными снастями, т. е. при помощи крючков, рыбы не ловит. Клятвы его вселяли сомнение в правдивости слов. На самом деле лов рыбы крючками или удочками, как скоро убедилась экспедиция, производился в то время совершенно явно на всем протяжении Волги от Ярославля до Астрахани. На этом громадном пространстве тысячи рыбаков расставляли колоссальное количество крючков. В июне

13. Речные суда Каспийского бассейна.

Слева направо: Первый ряд: трубчатая 2-мачтовая 8-весельная лодка; досчатая 2-мачтовая 12-весельная косная лодка. Второй ряд: косная лодка для разъездных в 3 пары весел; речная трубчатая ловецкая лодка с рейковым парусом; речная трубчатая ловецкая лодка с шпринтовым парусом. Третий ряд (две лодки справа): черневая досчатая ловецкая лодка и трубчатая бударка. Четвертый ряд: косная лодка для разъездных в 3 пары весел с парусом; подрасшивка или подчалок, и трубчатая бударка с парусом.

14. Речная самоловная снасть и лов ею рыбы на Волге.

и июле, как-раз во время пребывания Бэра на Волге, шедшие по реке из Нижегородской и Саратовской губ. громадные суда — баржи и асламки — были сплошь нагружены тысячами кульков с разносортными крючками для низовья Волги и Каспийского моря. Всюду по Волге Бэру и его спутникам показывали крючки без малейшего опасения, позволяя даже их срисовывать (фиг. 14). Закон о ловле рыбы крючками настолько игнорировался, что губернатор одной из приволжских губерний в разговоре с Бэром категорически отвергал его существование.

Какие же мотивы заставляли русское правительство не разрешать употребления снастей с крючками? «Причина, по которой снасти были запрещены в России», писал Бэр, «та, что в пользу ловцов якобы добывается едва ли одна из 100 рыб. Все остальные срываются с крючков и, будучи сильно ранены, в скором времени гибнут в воде, не принося никакой пользы». Бэр полагал, что это утверждение совершенно противоречит «физиологическому устройству» рыб. Последние переносят без особого вреда очень сильные раны и притом редко срываются с крюков. Скорее можно сказать, что одна из 100 попавшихся срывается. Больше того, лов крючками, по мнению Бэра, имел даже некоторые преимущества перед ловом сетями. Снастями с крючками не тревожилось дно, а потому ими сохранялись растущие на дне водяные растения. Тем самым оставались невредимыми икра, выметываемая рыбами на эти растения, и выходящие из икры мальки. Поэтому Бэр считал желательным если не отменить, то хоть существенно изменить это постановление, тем более, что указанные снасти не запрещены ни в каком другом законодательстве о рыбной ловле, кроме русского.

Чем следовало объяснить такое странное положение вещей? Закон воспрещал пользование «черными снастями», которые считались если не совсем, то почти безвредными, к тому же в некоторых местах Волги ничем другим, кроме черной снасти, нельзя было и ловить рыбу. Вместо того чтобы поднять вопрос об отмене неудовлетворительного закона, местные начальства преследовали эту снасть, и тем не менее на всем пространстве Волги ею рыбу ловили, что земской полиции было очень хорошо известно.

Ларчик открывался просто. Закон этот приносил регулярный и обильный доход продажной администрации. Полиции было выгодно преследованием запрещенной снасти не уничтожать лов ею, а только делать его дорогим для рыбаков, другими словами, «за смотрение сквозь пальцы» на пользование черными снастями полиция брала взятки. Иногда рыбопромышленник все же пытался удешевить этот способ лова, а именно работал черными снастями без того, чтобы давать

взятки, по возможности укрывая снасти от полицейского надзора. Тогда земская полиция являлась к упрямому хозяину и приказывала ему вынуть из садка всю находившуюся в нем живую красную рыбу. Начинался тщательный осмотр рыбы на предмет обнаружения следов ранения на ее теле от крючков черной снасти. Во время этого нарочито длительного осмотра живой рыбы вне воды, на воздухе, она, конечно, засыпала, весь улов гиб, и хозяйский карман от «законного» полицейского осмотра страдал куда чувствительнее, чем от взятки. Бэр откровенно писал обо всех этих служебных злоупотреблениях в своих отчетах министерству, но докладные записки его, перед тем как попасть не только в печать, но и министру, подвергались цензуре министерских «чиновных полипов» — по выражению Глеба Успенского, — заинтересованных в сокрытии обнаруженных Бэром непорядков.

Жалобы Бэра на этот чиновничий произвол оставлялись без внимания. Что оставалось ему делать? Обратиться с разоблачениями к общей печати? Но об этом нечего было и думать. То было время, когда главный цензор, он же попечитель учебного округа, граф Мусин-Пушкин, наскакивал с кулаками на авторов и редакторов периодических изданий за маломальски порицающие власти статьи, с криком угрожая провинившимся высылкой в места весьма отдаленные. И. С. Тургенев успел уже посидеть в Москве в арестантской Пречистенской части, и даже сам ученый цензор проф. Никитенко отправился под арест за пропуск в печать невиннейшего, не понравившегося Клейнмихелю замечания относительно военных щеголей. Сами цензоры были настолько терроризированы, что боялись погибнуть из-за какой-нибудь ничтожнейшей строчки. Цензурный комитет остановил издание Гоголя, изъял из продажи уже напечатанный невинный роман Даля. Министр народного просвещения Уваров во всеуслышание выражал горячее пожелание, чтобы «русская литература, наконец, прекратилась».

ГЛАВА III

ОТ НИЖНЕГО ДО КАЗАНИ ПО ВОЛГЕ НА ЛОДКАХ

Бэр, Шульц и Никитин 21 июня 1853 г., в 7 ч. вечера, отбыли на парусных лодках из Нижнего. Погода стояла совсем безветренная, только ночью поднялся слабый ветерок на какие-нибудь 10—20 минут, так что пришлось итти на веслах.

22 июня, в 4 ч. утра, путешественники остановились у большой прибрежной деревни, носившей название «Безводной». Числилось в ней около 2000 душ. Деревня охватывала сверху до низу весь высокий берег Волги. Принадлежала «Безводная» одному из самых богатых людей в России, князю Юсупову, владетелю, между прочим, крупнейших рыбных промыслов на Каспии. Большинство крестьян занималось здесь не рыболовством, а рыбной торговлей, однако многие из них все же рыбачили и на Волге и на Каспии.

Жители этой деревни особенно славились выделкой крючков. В зимние месяцы целые семейства трудились над приготовлением этих запрещенных законом орудий. Мужчины обрабатывали железо, тянули из него тонкую проволоку и разрубали ее на части; мальчики с величайшей ловкостью гнули эти части в крючки, нарезали на них зазубры, заостряли один конец в острие и расплющивали другой для привязи; девушки и домохозяйки сортировали крючки по размерам и складывали их для продажи в кульки из цыновок. Для изготовления снасти крючки прикреплялись, при помощи более тонких веревочек — поводцев, к хребтине — веревке, толщиной в мизинец и длиной в 10 и более сажен. Снасти держались в воде на шашках — поплавках, сделанных из коры осокоря, наживлялись рыбой, червями или пиявками. Шашковые снасти эти были во всеобщем употреблении на Волге и весною, и летом, и осенью, начиная с открытия реки и до ее замерзания. Ранним утром

здесь на реке виднелось уже много маленьких лодочек — бударочек. В каждой из них находилось по 2 человека. На одних бударках забрасывали шашковые снасти, причем один рыбак греб, другой выбрасывал снасти, на других снасти уже вытаскивали. Ловля шла, главным образом, на стерлядей. Рыбаки уверяли, что в сети стерляди совсем не идут. Вылавливалась преимущественно мелкая стерлядь. Сазаны, по словам рыбаков, сюда совсем не заходят. Белуги и осетры попадаются редко.

Днем в тот же день пошли дальше вниз по реке. Наступила палящая жара, на небе — ни облачка. Пребывание в душном трюме становилось нестерпимым. Термометр показывал здесь 30°. Ночью мучила масса паразитов. С утра не давали покоя целые тучи мух. После полудня досаждали сонмища мошек. Они забирались за спину, лезли в глаза. Хлеб с маслом быстро покрывался ими. Поздно вечером в трюме появлялись комары. От одних комаров Бэр целые ночи напролет не смыкал глаз. К ночи показался на горизонте освещенный луной Макарьевский монастырь, имевший издалека вид настоящей крепости. Сам Макарьев оказался грязным, дрянным городишкой. От старой ярмарки в городе уже ничего не осталось. Из двух гостиных дворов один к тому времени сгорел, остатки крепости превращены в казарму. Путешественники поспешили покинуть это незавидное место.

На следующее утро лодки остановились у большой деревни «Лысково». Только что успел Бэр выкупаться в Волге и стал выходить из воды, как его внезапно окружила на берегу торжественная депутация макарьевских граждан. Они пришли жаловаться на свое «лихоимное гнездо» (Г. Успенский) — местных исправника и «окружного», воспрещавших ловить рыбу крючками, в то время как везде этот способ ловли широко практиковался.

У Макарьева путешественники наблюдали лов рыбы подвижною плавною сетью — так называемой свинчаткой. Опущенная в воду, она плыла по течению вместе с лодкой в вертикальном ко дну положении, причем рыба, попадавшаяся сетям навстречу, запутывалась в ее ячеях. Большая рыба, просовывая через ячеи только свои головы, повисала на жабрах, меньшая — задерживалась шейными «перьями», и только мелкая рыба проскальзывала через ячеи. Употреблять эти сети можно было лишь там, где дно было свободно от крупных камней и каршей — больших деревьев с корнями и ветвями, застрявших на дне.

Ознакомившись с работой и устройством свинчатки, путешественники отправились дальше.

Лодки экспедиции прошли мимо медленно подвигавшихся плоскодонных гребных «стругов». Вместо товаров и хлеба,

на них были нагромождены старые сохи и телеги, а на телегах и под ними лежали мужчины, женщины и дети. Тут же бродили куры, на одной барке стояли даже овцы. Это перевозились в степные места крепостные крестьяне, купленные южными помещиками на вывоз из срединных губерний.

В то время дворянство среднего Поволжья и Новороссии начало усиленно колонизировать черноземно-степные пространства. В центрально-земледельческом же районе и отчасти в центрально-промышленном помещики стремились к обезземелению своих крестьян. Они сокращали им наделы, переводили в дворовые и продавали многих из них на своз. Помещавшиеся на стругах, проданные, как скот, на своз люди все время «искались». Вошь ела народ беспощадно. Жара размаривала людей, их клонило ко сну, но они не могли заснуть от зуда, производимого насекомыми.

24 июня, в 4 ч. утра, экспедиция, пройдя на воде 210 верст от Нижнего, достигла г. Козьмодемьянска. К полудню разразилась гроза, охладившая воздух. Под проливным дождем при встречном ветре стали лавировать. Круто поворотив к юго-востоку, к 5 ч. вечера добрались до Чебоксар. У пристани дымил большой пароход, готовый к отчалу. Путешественники направились в маленький городок и пообедали там стерляжьей ухой и жареными лещами. Возвратились на пристань к отбытию парохода, который, увы, шел к Нижнему и экспедиции поэтому пригодиться не мог.

25 июня, ранним утром, путешественники покинули Чебоксары. Шел дождь при сильном встречном ветре, в трюме появилась вода. Стали снова лавировать. Хозяин лодок, он же рулевой, внезапно заболел. Бэр, будучи доктором медицины, пережившим на своем веку несколько холерных эпидемий, усмотрел у него сейчас же все признаки холеры. Больной очень страдал целый день. Бэр и его спутники, как могли, старались облегчить положение больного. К ночи ему стало совсем плохо. Пульс едва прощупывался. Начались сильные судороги. Никак нельзя было убедить больного покрыться тулупом, особенно протестовал он против того, чтобы закрывали его ноги. Больной неотступно требовал квасу. Выпив его, лодочник почувствовал себя немного лучше, но ненадолго. На следующий день он был уже почти без сознания. Со слабыми признаками жизни доставили хозяина лодок в ближайшую больницу, где он через несколько часов умер.

Пошли дальше при продолжавшемся сильном дожде. Лишившись в лице покойного рыбака опытного рулевого, путешественники попали в опасный водоворот, из которого с трудом выбрались.

Живописный, покрытый лесом нагорный берег обрамлял справа широкую реку. Вдали, еще за 10 верст, стали постепенно вырисовываться гордые очертания Казани. В городе Бэр почти никого из нужных ему людей не застал. Все они, по случаю летнего времени, разъехались кто куда. Удалось найти только медицинского инспектора Тиле. Угостив Бэра сытным и изысканным обедом, Тиле повез почетного гостя, мечтавшего отдохнуть, в нижнюю Казань, в старую татарскую слободу, к какому-то татарскому князю, смотреть на традиционную в здешних местах потеху, нисколько не интересовавшую Бэра, — борьбу татарских бойцов.

По дороге словоохотливый инспектор разразился целым потоком мрачных информаций. Жители высокогорного берега — чуваши, как рассказывал он, «определенно вымирают» и зачастую «без особых причин» кончают жизнь самоубийством. Холера, заносимая бурлаками, постепенно становится в здешних местах болезнью постоянной. Все более распространяется в округе упорно не поддающаяся лечению перемежающаяся лихорадка (малярия). В заключение жалобы почтенного доктора перенеслись из области медицинской в область бэровских изысканий. Утомленный академик старался не слушать надоевших ему на Волге обвинений пароходства в падении уловов рыбы.

Только поздно вечером компания вернулась и разъехалась по домам. Бэру не спалось. Он подошел у себя в номере гостиницы к окну и долго наслаждался негой теплой ночи. Огоньки в домах гасли одни за другими. Около гостиницы простучала колотушка ночного сторожа. Где-то раздался отдаленный лай собак. Послышались спешные шаги запоздавшего обывателя. Потом стало совсем тихо. Город заснул.

На рыбном рынке в Казани причина уменьшения улова рыбы открылась иная. Это была все та же причина, на которую уже многократно указывал Бэр, — хищнический массовый лов молоди. Бэр подсчитал на казанском рынке, что в постные дни молодых стерлядок (от 4 до 5 верш. длины без хвоста) продавали: в среду — до 20 000 шт., а в пятницу — около 10 000, и это не во время продолжительного поста, когда народ запасался рыбой на долгое время. В скоромные дни в стерлядках на рынке тоже не ощущалось недостатка. Маленькая стерлядка стоила здесь меньше 1 к. серебром. Уже одна цена показывала, как пишет Бэр, что «это было нехорошее кушанье и покупалась такая мелочь только бедными, желавшими тоже есть стерлядь». Действительно, в ней было больше кожи, костяных щитков и хрящей, чем мяса. Очевидно, про одну из таких стерлядок говорит в «Бесприданнице» Островского Огудалова: «Ну этим, что была за обедом, еще погулять по Волге

EB_1941_AKS_393

да подрасти бы не мешало». Лов этих молодых стерлядок, вступавших всего во 2-й год своей жизни, распространялся широко по Волге, начиная еще с места впадения в нее р. Шексны.

Далеко не достигшая своего полного развития ценнейшая красная рыба на громадных пространствах Волги в массах уничтожалась в том возрасте, когда она имела еще ничтожную питательную и денежную ценность.

«Волга», написал Бэр в этот день в своем дневнике (24 VI 1853), «по рассказам здешнего жителя, все более подмывает правый берег. Раньше река здесь от него была очень отдалена». Это наблюдение Бэра, может быть, является родоначальником длинного ряда наблюдений и мыслей, приведших Бэра к попытке разрешить один из важных географических вопросов, а именно — выяснить причины отклонения меридиональных рек северного полушария в сторону правого берега, а рек южного полушария в сторону левого берега.

Известно, как писал Бэр в заключительном отчете следующего 1854 г., что правый берег Волги гораздо выше левого, почему и называется нагорной стороной, а левый — луговой. При половодье быстрым течением Волги подмывается и обрывается только нагорный берег, луговой же — только задерживает и ослабляет течение воды. Поэтому на нагорной стороне случаются обвалы. К югу от Нижнего Новгорода нагорный берег до того подмыло, что стоящий на нем монастырь обрушился в Волгу. Приходилось на нагорном берегу переселяться многократно не только отдельным селениям, но даже целым городам (Черный Яр), на другие места, спасаясь к западу от напора Волги. От городов же на луговом берегу Волга с течением времени сама отходит. Так, Казань лежала во времена Бэра около 3 верст к востоку от берега Волги.

Город пересекался возвышенностью, которая, очевидно, представляла собою прежний левый берег Волги. «Древние Болгары» лежали на возвышенности, которая, повидимому, являлась прежним левым берегом Волги.

В X в. жители «Болгар» черпали воду из Волги, теперь же Волга, как писал Бэр, от этого места еще дальше, чем от Казани. Таким образом река здесь подвигается все более к западу. То же явление наблюдается и при устьях Волги. Сильнейшее течение теперь, по словам Бэра, — в Бахтемире, в самом западном из волжских рукавов. Если бы это не было известно другим образом, то на это указали бы рыбы. Те из них, которые избегают быстрого течения, как, например, бешенка, по Бахтемиру не идут, но при Петре I употребительнейший фарватер шел восточнее — Ярковским устьем, теперь же по нему не могут проходить и плоскодонные лодки.

Монгольские ханы выстроили свою столицу Сарай на Ахтубе. Через этот рукав Волги можно было, во времена Бэра, при обыкновенном стоянии воды переезжать верхом и даже в телегах. Местами Ахтуба даже совершенно пересыхает. Но все писатели средних веков говорят о большой реке, при которой лежала столица монголов.

Таким образом и в широкой долине от Царицына до Каспийского моря течение напирает к западу, вследствие чего и мелеют восточные устья.

«Уже знаменитый исследователь фауны и географии России Паллас», продолжает Бэр, «заметил, что, как правило, у рек России правый берег нагорный высок, левый же — пологий. Наблюдение Палласа подтвердили и другие авторы».

В попытке истолковать этот факт Бэр, как доказал Л. С. Берг, имел одного предшественника в лице замечательного сибирского ученого Петра Андреевича Словцова (1767—1845), имени которого не следует забывать при изложении истории вопроса об асимметрии берегов рек. Словцов еще в 1827 г. высказал мысль о влиянии вращения земли на склоны берегов сибирских рек, но объяснение этому явлению он дал весьма несовершенное, Бэр же предложил объяснение, значительно более приближавшееся к истине. «Причину напора воды по направлению к западу я ищу», писал Бэр в своем отчете 1854 г., «в каком-нибудь общем физическом законе. Так как не может быть случайностью, что все реки России имеют высокий правый и низменный левый берег, то и объяснения этого должно искать в какой-нибудь общедействующей причине».

В 1857 г. Бэр дал рассматриваемому явлению следующее теоретическое объяснение. Предположим, что текущая вода направляется приблизительно параллельно меридиану от экватора к полюсу. В таком случае, вследствие вращения земного шара от запада к востоку, вода, принося с собою бо́льшую скорость вращения, чем в северных широтах, будет с особенною силой напирать на восточный, т. е. правый, берег. Он будет поэтому более крутым и высоким, чем левый. При течении реки от полюса к экватору, вода будет приносить с собою меньшую скорость вращения, чем в южных широтах, и потому будет напирать на западный берег, который в данном случае опять будет правым. Если это объяснение верно, то у рек южного полушария, имеющих приблизительно меридиональное направление, напротив левый берег должен быть высоким, а правый — плоским. Бэр подтверждает это на примере речной системы Лаплаты.

Таким образом подмывание правого берега меридионально текущими реками северного полушария и левого — реками южного полушария Бэр объясняет совокупной деятельностью вра-

щения земли и движения воды в реке. Эти указанные Бэром закономерности приобрели в истории науки название «закона Бэра». [1]

«Закон» этот в той форме, какая ему дана Бэром, оспаривался много раз учеными, однако в настоящее время он не подлежит сомнению.

[1] Бэр сообщил об этих своих наблюдениях и соображениях в статье VIII своих «Каспийских исследований» (см. также: Bull. Acad. Imp. St.-Pétersb., t. V, 1860; t. VII, 1864; t. XX, 1876). О «законе Бэра» на русском языке впервые сообщалось в «Вестнике естественных наук» (1856) и в «Астраханских губернских ведомостях» (1856, № 40), а далее в «Морском сборнике» (1857 и 1858). История «закона Бэра» изложена в статье проф. Л. С. Берга — «П. А. Словцов и закон Бэра» (Изв. Геогр. общ., 1918). Значение закона Бэра с геоморфологической точки зрения выясняется в статье Б. Л. Личкова — «О древних оледенениях и великих аллювиальных равнинах» (Зап. Гос. Гидрол. Инст., т. IV).

ГЛАВА IV

СУХИМ ПУТЕМ ОТ КАЗАНИ ДО САРАТОВА

Основательно ознакомившись с казанскими рыбными рынками, экспедиция направилась сухим путем по левому берегу Волги до устья Камы и поднялась по ней до г. Лаишева, с целью собрать сведения о ловле рыб крючками на р. Каме. Город стоял на правом берегу этой реки. Дорога шла по неровной, изрезанной оврагами и промоинами местности. Путешественники проезжали громадные, в полной своей красе, сосновые леса, поля; изредка встречались деревушки с жалкими избушками, покрытыми соломой.

У Лаишева путешественники переправились через Каму, при Тетюшах перешли Волгу. В сильную грозу, под ливнем, лошади и тарантасы надолго завязли, подымаясь к высоко стоящим на правом берегу Волги Тетюшам. Наконец попали, следуя правым берегом, на Большую Симбирскую дорогу, миновали Свияжск и к вечеру 11 июля прибыли в живописно расположенный на широком перевале между Волгой и р. Свиягой Симбирск. Город понравился Бэру большими и красивыми строениями. Поразил его громадный овраг, доходивший до середины города.

В Симбирске экспедиция пробыла двое суток и оттуда отправилась на рыбные ловли крупного помещика Давыдова, в с. Усолье, близ Ставрополя, на левой, луговой стороне Волги.

Петр I подарил когда-то Усолье Меньшикову. Екатерина II наградила Усольем своего фаворита Орлова. Дочь Орлова вышла замуж за Давыдова, к которому таким образом и перешло Усолье во владенье. По дороге в Усолье путешественники проезжали большие деревни все с теми же убогими избушками под соломенными крышами. «А вот почтовые станции», пишет Бэр, «выглядели здесь совсем прилично». В од-

ной из них нашлись даже стулья и софа. В почтовых конторах вывешенные на стенах объявления предупреждали о дурном состоянии дорог. Осенью и весною многие места в округе считались труднопроходимыми и опасными. В Усолье экспедицию встретил очень дружелюбно управляющий Давыдова — Брюммер, которому Бэр передал рекомендательное письмо от Давыдова. Брюммер произвел на Бэра впечатление очень образованного и дельного человека. Он был родом швед, по воспитанию англичанин, учился в Германии и Франции, говорил и писал на многих языках и много в свое время путешествовал.

Рыболовни имения Усолье, простиравшиеся на целых 30 верст по Волге, дали Бэру возможность определить рыбные запасы в этой части реки. Контора Усолье предъявила экспедиции без всякой утайки все рыболовные счета. Тщательно изучила экспедиция практиковавшиеся тут способы ловли рыб. Особенно заинтересовали Бэра тройные плавные сети (в 3 стенки), длиною до 70 саж., шириною в 1 саж. К нижней подборе сетей, на расстоянии каждых 5 саж., прикреплялись небольшие камни. Этим сложным аппаратом ловили, преимущественно осенью, лещей, судаков, а также и красную рыбу. Шашковые снасти с крючками достигали здесь также больших размеров. Хребтину имели они в 62 саж. Ловили шашковыми снастями в Усолье не только стерлядей, но и налимов, которые прозывались в симбирских местах мантусами. Бэр тщательно исследовал ранения, наносимые крючками пойманным рыбам.

На следующий день, 15 июля, гости Брюммера проехали на живописные Усольские горы со старинной татарской башней. Красивый вид, открывавшийся с нее, привел Бэра в поэтическое настроение, вылившееся в стихах. Бэр с молодых лет в свободное время занимался иногда стихотворством и не без успеха. Стихотворение это, на немецком языке конечно, запечатлено им в своем дневнике и носит русское название «Свителка».

Из Усолья экспедиция проехала в Самару, а оттуда ближайшим путем пересекла степь, направляясь к Хвалынску на Волге. Там Бэр надеялся найти исключительные рыбные богатства. По свидетельству старинных летописей, с которыми ознакомился Бэр еще в Петербурге, к Хвалынску во времена самостоятельного Казанского ханства наезжали на все лето русские рыбаки, привлекаемые изобилием рыбы. Однако во времена Бэра никто уже ничего не знал об особенном богатстве рыбою тамошних вод. «Рыбы в наших местах», говорили ему местные жители, «не больше, чем по всей средней Волге».

По мере приближения к Хвалынску, песчаная почва стала сменяться тучным черноземом, достигавшим иногда около

1/2 арш. глубины. На полях колыхалась высокая яровая рожь, пшеница, ячмень. Встречались поля, засеянные чечевицей. Дальше пошли арбузы, огурцы, дыни. Зазолотился подсолнух. Знаменитые вековые хвалынские леса с медведями, стоявшие нетронутыми еще лет 20 тому назад, уже не существовали, их вырубили. Но все же еще встречались кое-где обширные лесные площади. На поймах Волги блестели небольшие озера.

Деревни на пути стояли очень большие. Дорога шла по гористой, изрезанной оврагами местности. На одном подъеме у тяжелого тарантаса экспедиции сломалась ось. Экипаж долго чинили, и потому на почтовую станцию приехали к ночи. Не задерживаясь, ночью же, переменив лошадей, отправились дальше и погрузились неожиданно в болото на дне оврага. Приходилось руками вытаскивать тарантас из трясины. Около самого Хвалынска появился в степи ковыль. Девственно белели, волнуясь на ветру, его шелковистые султаны.

Приказчик, заведывающий переправой к Хвалынску на правый берег Волги, долго не пускал под разными предлогами путешественников на плот, явно вымогая взятку. «Мы добились своего», пишет Бэр в дневнике, «тем, что я сбросил ему палкой с головы фуражку».

К городу, стоявшему на возвышенности, пришлось подыматься с трудом.

От Хвалынска направились нагорным берегом Волги к с. Алексеевке, где переночевали в ужасной гостинице. Наконец, добрались до Вольска, неряшливого, деревянного городишка, потонувшего в яблонных и ягодных садах. Под дождем, на холодном ветру, долго искали приюта. Наконец, поместились на ночь в грязной комнате, с единственным подозрительным диваном, вместо постели. Встали наутро усталые не от путешествия, а от проведенной ночи.

Неприятное впечатление от города не изгладилось и на следующий день.

Многие дома в городе стояли недостроенными. Большое каменное здание ярмарки, украшенное коринфскими колоннами, имело вид покинутого. Зато работал скверной, деревянной постройки гостиный двор.

Вольск — рыбный город — являлся резиденцией крупнейших волжских рыбопромышленников — Сапожниковых.

Фирма «Братья Сапожниковы» образовалась в 1819 г. Во владении ее до освобождения крестьян находилось 42 340 дес., за последовавшим наделом крестьян осталось 26 393 дес., в том числе под водами 15 783 дес. Сапожниковы владели 12 промыслами, при которых существовало 64 тони. Рабочих на тонях состояло 11 313 человек, из них мужчин 6943, женщин же 4235 и подростков 135. Сверх того нанималось в год поден-

ных до 800 мужчин. Для перевозки рыбы фирма имела 8 пароходов, 12 баржей, 1 плашкоут, 510 прорезей, 40 рыбниц, 171 неводник и 16 морских лодок. Годовой оборот фирмы достигал до 9 млн. рублей, а ежегодный расход до 1 100 000 р. (Вешняков). В 1917 г. промыслы Сапожниковых котировались на рынке в 7 млн. рублей. Одна администрация промыслов обходилась ежегодно в 100 000 р. (И. Н. Арнольд).

Приглашенные одним из Сапожниковых откушать, Бэр и его спутники еле от него выбрались. Завтрак у Сапожникова состоял из икры и стерлядей. Меню обеда было еще своеобразнее. За горячим супом последовала холодная ботвинья с огурцами. Потом каждому подали отдельно по огурцу (в холерное время!) Бэр от этого блюда отказался. За отдельным огурцом пошел целый ряд обильных явств. Обед закончился громадными порциями дыни, арбуза и ананаса, водруженных на одной тарелке каждому гостю. Приехав домой, Бэр почувствовал себя плохо и решил во что бы то ни стало покинуть назавтра гостеприимный город. Вообще путешествие начинало принимать характер несколько анекдотический. Надо было спешить к месту основной работы, в Астрахань.

Но, переправившись через Волгу снова на левый берег, экспедиция стала все медленнее и медленнее приближаться к своей конечной цели. Дороги из-за дождей совсем испортились. Впрягали 3, а то и 4 почтовых лошади в один тарантас, и все же еле передвигались. В немецкий Екатериненштадт приехали поэтому не в 12 ч. дня, как предполагалось, а к 9 ч. вечера. Опрятные домики с крыльцами равнялись в одну линию. В колонии существовало несколько школ. Хорошо было поставлено сельское хозяйство. Лишь с древонасаждением дело обстояло неблагополучно. Налаженное, было, шелководство прекратилось из-за гибели тутовых деревьев.

Начиная от Екатериненштадта, каждый тарантас экспедиции медленно влекли уже не 3 и 4, а 5 лошадей.

24 июля экспедиция, снова переправившись через Волгу, достигла Саратова. Издали он выглядел красиво, вблизи же оказался скопищем по преимуществу деревянных, маленьких, невзрачных домов.

ГЛАВА V

ОТ САРАТОВА ДО АСТРАХАНИ ЛОДКАМИ ПО ВОЛГЕ. ПОСЕЩЕНИЕ ВАТАГ

В Саратове к экспедиции присоединился Данилевский. Комаров и мошек, составлявших истинное мучение в пути от Нижнего до Казани, стало много меньше, а потому решили ехать опять водою. Шульц с Никитиным спустились на парусной лодке вниз по Волге до Астрахани, посещая дорогою различные рыбные промыслы. На обрывистых берегах, вместо правильно расположенных и прочно выстроенных деревень верховых губерний, путешественникам стали встречаться лишь какие-то хатки-мазанки, а около — непокрытые, из плетня, загородки для скота.

Бэр и Данилевский отправились через Камышин по пустынным солончакам на Элтонское и Баскунчакское соленые озера, чтобы ознакомиться с тамошним важным для рыбной промышленности соляным производством. На озерах они ознакомились со способами добывания озерной соли. До 17 млн. пудов ее громоздилось в «буграх» на берегу Элтона. Баскунчакское озеро во времена экспедиции еще не эксплоатировалось. Пустынный ландшафт со своеобразными, почти лишенными листьев растениями произвел на обоих натуралистов сильное впечатление. Несмотря на солончаковую почву, здесь добывалась из глубокого колодца годная для питья вода. Она шла на утоление жажды 10 000 волов, которые в течение всего лета перевозили соль в Камышин, многократно путешествуя от Элтона до Камышина и обратно.

У Камышина экспедиция осмотрела два канала, представлявших собою остатки старых работ по соединению двух небольших притоков Волги и Дона.

Путешественникам по дороге в Черный Яр пересекли путь громадные тучи перелетной саранчи, быстро несшиеся вдоль зеленеющих волжских островов.

Высокий, почти отвесный берег Черного Яра содержал целые пласты раковин каспийских моллюсков, «свидетельствуя», пишет Бэр, «с полной очевидностью о бывшем здесь дне моря».

В Черном Яре Бэр с Данилевским наняли лодку и направились по Волге к Астрахани. Многочисленные рыбоядные птицы, бакланы, а потом и пеликаны, по местному — «бабуры», напоминали о близости моря.

12 августа оба отряда, Бэр с Данилевским и Шульц с Никитиным, соединились в главной квартире экспедиции — Астрахани. Издали город напоминал все другие приволжские города, которые видела экспедиция. Перед городом шла широкая полоса реки, на ней стояли суда с мачтами. На берегу, на первом плане, возвышался собор, бросались в глаза каменные казенные и купеческие дома, а дальше сбивчиво мелькали улицы, над которыми высились колокольни и каланчи. Виднелись сады. Вблизи, однако, Астрахань давала сразу почувствовать свой своеобразный «азиатский» характер. Маленькие деревянные домишки, как правило, прятались за заборами, а если какой редкий домик и выходил на улицу, то уже, во всяком случае, окна его были закрыты. Закоптелые каменные дома выглядели неуклюже со своими черепичными крышами и неуклюжими же галлереями во двор. На улицах города народ кишмя-кишел. Носил он при этом самые разнообразные, пестрые наряды, малахаи, персидские шапки, армяки, халаты, чухи. Отовсюду слышались звуки различных языков. По дороге встречалась пропасть мелочных грязных лавочек; тьма собак, даже коровы и свиньи, расхаживали по улицам. Мостовой не было и следа. Почтовые телеги, на которых взгромоздилась экспедиция со своими вещами, то и дело погружались в глубокие ямины, наполненные грязью, так что путешественникам пришлось ехать чуть ли не по тротуарам.

В доме купцов Сапожниковых, где экспедиция остановилась, проголодавшихся гостей не сочли нужным покормить. Здесь-то и находилась «штаб-квартира» экспедиции в течение 2 лет, до июня 1855 г., когда дом Сапожниковых сгорел.

В низовьях Волги, в казацких станицах, всюду экспедиции очень жаловались на уменьшение улова в последние годы. Размеры потерь, однако, в большинстве случаев производили впечатление явно преувеличенных. Бэр решил принимать в расчет только совершенно точные, не вызывающие никаких сомнений цифры. Но, при обследовании экспедицией положения дел, одни из жалобщиков не могли сообщить достоверных данных за их отсутствием у них, другие отказывались снабдить экспедицию имеющимися у них сведениями просто по невежеству. Наконец, удалось добиться у одного генерала-откупщика рас-

поряжения своему управляющему открыть экспедиции свои счетные книги его ловель, но управляющий точно нарочно заболел тяжкой формой холеры и не мог выполнить распоряжения своего хозяина.

Все же настойчивый Бэр добился своего. Экспедиция получила из нескольких мест точные, заверенные сведения, и они, действительно, подтвердили огромный упадок дела. Особенно страдали от уменьшения уловов поселенцы на низовьях Волги. Они не имели никаких других средств к существованию, кроме рыбной ловли и сенокосов по волжским островам. Хлебопашеством люди эти заниматься не могли. Почва правого берега волжских низовьев пропитана солью, левый же берег подвергается ежегодным наводнениям.

С давнего времени стекались сюда поселенцы из разных мест России — частью казаки с Дона, частью сосланные Петром стрельцы, перекрещенные калмыки и татары, а больше всего беспаспортные русские, словом, преимущественно беглые люди, которым на родине, как говорится, житья не было. Самые названия их селений: Безродная, Безымянная, Распутинская и т. д. — говорили о происхождении своих обитателей, состоявших, действительно, из людей, не помнящих родства, безымянных и т. д. Во времена Бэра все это разнородное население числилось уже казенными или помещичьими крестьянами, жило большими селами и деревнями на Волге.

Приезд экспедиции в Астрахань в середине августа был для местных властей несколько неожиданным. Порт получил из Петербурга приказ приготовить пароход или шхуну для экспедиции только к сентябрю, к началу осеннего рыболовства. Но Бэр нарочно прибыл в Астрахань на 2 недели раньше. Он хотел предварительно ознакомиться в Астрахани с положением рыболовного хозяйства и составить после этого реальные рабочие планы для отдельных экспедиционных исследований. На самом же деле Бэру потребовалось для этого, несмотря на всю его энергию, гораздо больше времени.

Прежде всего, к большому удивлению Бэра, не нашлось в местных учреждениях мало-мальски точных, внушающих доверие карт, которые помогли бы ориентироваться в предназначенных к посещению районах. Так, например, на одной карте были обозначены некоторые обширные заливы Каспия, которых на другой карте этого же района вовсе не существовало. Пришлось самим изготовлять карты при помощи одного местного офицера корпуса флотских штурманов, но и тут вмешалась холера. Опытный чертежник, которому поручили черчение карт, внезапно умер от ужасной болезни. Материалы же, которыми он пользовался, после его смерти долго не отыскивались.

Чрезвычайные усилия и масса времени затрачивались экспедицией для получения действительно достоверных сведений от самих рыбаков, чтобы добыть, так сказать, «языка». Местные жители, притесняемые и обираемые начальством — взяточниками и лихоимцами, к расспросам наезжих господ относились, естественно, с крайней опаской. Они подозревали в каждом таком любопытствующем пришельце ненавидимое «благородие», от которого непременно надо было ждать какого-нибудь подвоха.

А. А. Потехин,[1] командированный в 1856 г., вместе с Островским, Писемским, Максимовым и еще несколькими литераторами, на Волгу и другие места для «исследования быта жителей, занимающихся морским делом и рыболовством», писал по этому поводу: «Русский человек чрезвычайно осторожен и недоверчив: нужно крайнее терпение и особенные приемы, чтобы войти в его доверие. Официальным путем от него ничего не добьешься». Когда Потехин в одном казенном селении на Волге стал расспрашивать «первого попавшегося мужика» об их житье-бытье, то потехинский мужик этот, т. е. местный рыбак-крестьянин, упал перед ним на колени и заголосил: «Ваше высокоблагородие, ваше превосходительство, помилосердствуйте, ничего не имеем, совсем с голоду помираем. Хлеб не родится, земля негодная. В Волге рыба по нынешним годам не ловится, даже и вод наших никто не снимает. Промыслов никаких нет. Совсем погибаем». Насилу уверил Потехин крестьянина, что он не начальник и даже не чиновник.

Так забит и глубоко недоверчив ко всякому начальству был в то время русский народ! Но надо сказать, что сами власти сообщали ложные сведения «любознательным путешественникам». По словам Максимова, один волжский губернатор явившемуся к нему за сведениями участнику литературной экспедиции сухо и важно заявил: «Ничего не увидите. Нечего здесь смотреть. Рыболовства нет, потому что и рыбы нет, да и никогда и не было. Судостроение в жалком состоянии». Правда, через несколько времени начальник спохватился и предложил исследователю за всеми сведениями приходить исключительно к нему. «Если обратитесь к кому-нибудь другому», объяснил он, «так вас непременно обманут».

Угрожающие для экспедиции вести шли и из порта. Маленький пароход «Волга», предназначавшийся для экспедиции, оказался в полной неисправности и мог начать плавание не ранее начала следующего года. А, между тем, пароход «Волга» представлял собою единственное судно, которое соответство-

[1] А. А. Потехин (1829—1908) — известный писатель, был избран в 1900 г. почетным членом Академии Наук.

вало задачам экспедиции. Оно сидело не глубже 4 фт. и потому менее других судов рисковало задержаться на получивших печальную известность отмелях перед главным устьем Волги. Другие суда порта ходили глубже, и им приходилось зачастую для продолжения рейса дожидаться одну-другую неделю морского ветра, подымавшего уровень воды на несколько футов. Судну же экспедиции, по роду его занятия, следовало во время икрометания быстро и без задержки переезжать с места на место.

Перспективы становились еще мрачнее потому, что большое осеннее рыболовство вряд ли могло начаться в обычный срок, с 1 сентября. Свирепствовавшая в крае холера разогнала нанятых для рыболовства калмыков. Холерный мор переполнил чашу их терпения. «Слухом земля полнится», писал Писемский в своих «Путевых очерках», «о том, что с ними делают на рыбных промыслах». Методы эксплоатации калмыков были необычайно жестоки. Калмыка нанимали с тем, чтобы он имел все свои рыболовные снаряды. Во время же самой работы ни регулярной зарплаты, ни пищи ему не полагалось. Работодатель ограничивался обещанием платить ему по мере улова в продолжение всего лета. Работая постоянно на холоду и в воде, калмык не имел права ни разу заболеть, иначе ему каждый день ставился в рубль серебром, так что в случае неулова или болезни такой батрак попадал в полнейшую кабалу. Единственное средство оставалось ему в побеге. Итти наниматься к другому хозяину было бесполезно. Тот по взаимной стачке выдал бы его непременно прежнему хозяину.

При таких обстоятельствах Бэр решил просто отказаться на текущий год от постоянного судна и пользоваться только почтовыми пароходами и открытыми лодками. Впрочем, постоянного судна он так и не получил до конца Каспийской экспедиции. Не откладывая дела в долгий ящик, Бэр со своими спутниками отправился 23 августа на таможенном катере вниз по старой Волге и посетил несколько ватаг.

ГЛАВА VI

ПОЕЗДКА В НОВО-ПЕТРОВСК НА ПОЛУОСТРОВ МАНГЫШЛАК

Путешественники 10 сентября сели на пароход «Астрабад» для следования на восточный берег Каспия, в Ново-Петровское укрепление, лежавшее на п-ове Мангышлак. Уже на следующий день пароход сел на мель. Только через неделю он перешел через россыпи (местное название мели). В дальнейшем пути произошла еще одна кратковременная остановка. «Астрабад», имевший не более 40 сил при большом корпусе, не мог держаться против свежего противного ветра и простоял поэтому около полутора суток на якоре.

Войдя в настоящую морскую воду, экспедиция занялась с борта парохода драгировкой. Морское дно состояло преимущественно из живых раковин, основной пищи осетров, севрюг и молодых белуг. Экспедиция взяла также пробы воды, подвергнутые впоследствии химическому анализу — первому химическому анализу морской воды Каспия.

Вода в Каспийском море оказалась вполовину беднее солями, чем в открытом океане, и прежде всего поваренной солью, но сернокислой магнезии (горькой соли) в ней содержалось гораздо больше, чем в океанах. Еще опресненнее становилась вода в мелком северном Каспии, принимающем в себя пресные воды Волги, Урала и других рек. В то время как в воде среднего Каспия солей содержалось около 1.4%, в северном Каспии солей нашлось всего около $^1/_2$%. Бэр посвятил много времени вопросу о степени солености Каспийского моря. Вопрос имел и практическое значение. «Как животному нисколько не в пользу», писал Бэр, «если среднее содержание кислорода и угольной кислоты в воздухе какой-нибудь местности совершенно недостаточно; животное все-таки должно погибнуть, если только хотя по временам углекислота значительно умножается,

а свободный кислород уменьшается; то же самое должно случиться и с теми животными, в частности рыбами, которым для их жизненного процесса нужно известное содержание соли в воде, чтобы они могли жить. Смерть последует только немного медленнее».

Знаменитый английский геолог Мурчисон[1] (1792—1871) высказывал убеждение, что соль солончаковой степи между Волгой и Уралом происходит не от покрытия ее некогда водами Каспия, а из подземных пластов каменной соли. Оттуда она разносится на большие пространства дождевой и снеговой водой, пропитывая почву. Берлинский акад. Карстен считал, что все вообще соляные образования произошли из внутренности земного шара действием плутонических сил и не представляют собой морских отложений.

По взглядам некоторых ученых времени Бэра и до него, Каспийское море было прежде совершенно пресным водоемом и получало соль из окружающей степи. Сейчас Каспий, по их словам, высыхает, превращаясь в колоссальное, все более и более соленое озеро. В нем вымирают все моллюски (проф. Эйхвальд), т. е. главная пища красной рыбы Каспия, а следовательно, каспийским рыбным промыслам грозит неминуемая гибель.

Бэр подробно разбирает эти вопросы в двух больших статьях «Каспийские исследования»;[2] в них он защищает иную точку зрения.

Содержание соли в каспийской степи Бэр, в согласии с мнением Палласа, приписывает более обширному древнему морю, покрывавшему нынешние прикаспийские степные пространства. Море это, по его предположению, никогда совершенно пресным водоемом не было. Каспий, по его мнению, содержал прежде даже больше солей, чем сейчас, — Каспийское море в настоящее время скорее постепенно опресняется, чем обогащается солью. Много соли, по утверждению Бэра, Каспий теряет через образование по берегам его соленых озер. Наиболее крупным опреснительным аппаратом является вновь образующееся громадное соленое озеро на восточном берегу Каспия — залив Карабугаз, площадью в 3000 кв. миль. В узком проливе его заметно очень сильное непрерывное течение из моря в залив. Оно заменяет ежедневную убыль, происходящую в Карабугазе вследствие испарения. Других притоков Карабугаз не имеет. Убыль в заливе в результате испарения состоит из чистой воды, приток же — из солей,

[1] Один из немногих англичан, осмелившийся публично выступить в то время против надвигавшейся войны с Россией.

[2] Kaspische Studien, I. Bull. phys.-math., t. XIII, 1855; Kaspische Studien, IV. Ibid., t. XV, 1856.

а потому содержание соли должно в заливе непременно увеличиваться.

По вычислению Бэра, Карабугаз принимает ежедневно более 32 млн. пудов соли. Приведенные взгляды Бэра во многом оказались верными, в некоторых же случаях он здесь заблуждался. Бэр правильно приписывал, за некоторыми исключениями, содержание соли в каспийской степи древнему морю, покрывавшему нынешние прикаспийские пространства. Но он, надо полагать, ошибался, утверждая, что Каспий получает теперь только немного соли из этой степи. Правильно предполагал Бэр, что Каспий никогда не был совершенно пресным водоемом, но он неверно думал, что прежде Каспий был всегда солонее, чем теперь. На самом деле, как показали позднейшие исследования, в прошлом Каспийского моря существовали периоды, когда оно было, правда, не совершенно пресным, но все же более опресненным, чем в наше время. По новейшим данным, соленость Каспия относится к солености океанов, как 3 : 8, при сравнительном обилии, как и установил Бэр, гипса, извести и горькой соли (сернокислого магния).

В тихие сумерки, при свете луны, вошел «Астрабад» в совершенно закрытый от ветров Тюбкараганский залив. Песчаная коса охватывала его, загибаясь от севера к юго-востоку. Поутру путешественники сошли на берег, чтобы ехать в Ново-Петровское укрепление. На самой косе залива располагалась слободка, заселенная русскими поселенцами из верховых губерний. Кто существовал торговлей, кто — рыбной ловлей. Жили чисто. «А между тем», рассказывал побывавший здесь в 1856 г. Писемский,[1] «не говоря уже о бабах, даже мужики плачут о родине, — скучно!»

Крепость лежала в 5 верстах от слободы. По дороге к ней только и видны были, что песок да ракуша. Местами выдавался из земли известковый камень, шедший на постройку домов. С морского берега несся сильный запах гниющей «морской травы».

Чрезвычайно заинтересовали Бэра среди этой скудной и печальной природы два соленых озерка с розовым цветом и фиалковым «запахом воды». «Вода их, налитая в стеклянный сосуд», писал Писемский в бытность свою в этих местах, «красновата. У берега, где дно ракушечное, черноватое, она

[1] А. Ф. Писемский был командирован в Астрахань и на каспийское побережье Морским министерством, предпринявшим этнографическое изучение окраин России. В то время ему было 36 лет. Он служил в Удельном ведомстве, но уже приобрел тогда значительное имя в литературе. Через 2 года после поездки на Каспий, с появлением его романа «Тысяча душ», он стал уже знаменитостью.

представляется с бледнорозовым отливом, но дальше, где происходит уже осадок соли и где грунт дна белый, красноватость ее сгущается до цвета розы. Самая соль в первое время осадки, когда еще бывает сыровата, сохраняет розовый цвет, но высушенная делается совершенно белой... По мнению Эйхвальда, розовый цвет озерков происходит вследствие отражения солнечных лучей от растущей на дне красноватой травы; но почтенный ученый наш Бэр объяснил это иначе и более правдоподобно, он открыл в воде присутствие инфузорий, которые в живом состоянии окрашивают ее в розовый цвет, но, умирая, разлагаются и утрачивают это свойство». И, действительно, Бэр был прав, настаивая на биогенном происхождении этой окраски. Соль окрашивали особые жгутиковые солоно-водные водоросли (*Dunaliella salina* Teod.).[1] Изучение этих озер должно было послужить решению и другой, более широкой научной задачи, поставленной экспедиции Бэром, а именно — выяснению вопроса об изменении уровня Каспийского моря.

И этот вопрос, как и тесно связанный с ним вопрос об осолонении Каспия, имел также практическое значение. «Большая часть астраханских жителей, в особенности участвующих в рыболовстве, считает», писал Бэр, «непрерывное понижение моря делом вполне решенным и приписывает этому уменьшению моря упадок рыболовства. По этому воззрению придется со временем ездить из Астрахани в Астрабад по высохшему дну моря, точно так, как по теории № 2 (предположение об увеличении соли в Каспии) должно бы опасаться, чтобы все это пространство не превратилось в твердую соленую поверхность». Однако исследования Бэра по данному вопросу и в первый и в последующие годы экспедиции привели его к заключению, что постоянного, неуклонного понижения Каспийского моря за время существования бассейна не происходило. Каспий «спокон веков» не только понижался, но и повышался, другими словами, уровень Каспия колебался на расстоянии очень больших промежутков времени.

Одним из доказательств в пользу своего взгляда на вопрос о понижении морского уровня в Каспии явились для Бэра и указанные выше розовые озера на Мангышлаке. Судя по живущим в них моллюскам (из рода *Paludina*), совершенно подобным тем, которые обитают в заливе, Бэр признал эти

[1] Предположение, что красноватый цвет некоторых соленых озер зависит от «инфузорий», высказал уже до Бэра, в 1837 г., Ч. Дарвин; в своем «Путешествии вокруг света на корабле „Бигль"» он, описывая соленые озера в окрестностях р. Рио-Негро (Южная Америка), говорит: «На небольшом расстоянии некоторые части озера кажутся как бы красноватыми, что происходит, вероятно, от каких-нибудь мельчайших инфузорий» (Соч. Ч. Дарвина, т. I, ч. I, изд. О. Н. Поповой, СПб., 1896, стр. 41).

озера частями, отделившимися от залива. Отделение это должно было произойти очень давно. Поэтому следовало бы ожидать, что рассматриваемые соленые озера будут лежать гораздо выше современного уровня моря, раз уровень его непрерывно и прогрессивно понижается. Но этого как-раз и не оказалось. Измерения, произведенные Бэровской экспедицией, показали, что уровень моря понижался здесь непостоянно. Полученные данные свидетельствовали о многократных колебаниях морского уровня, а не о постоянном исключительно только его понижении.

Что уровень Каспия не остается постоянным, было давно известно и до Бэра. Об этом свидетельствовал еще в X в. арабский географ Масуди. Однако к специальному изучению этого вопроса наука обратилась только за 25 лет до экспедиции Бэра. Знаменитый петербургский академик Ленц, изучив тщательно литературные данные, пришел к заключению, что понижения уровня Каспия чередовались с повышениями, и объяснял эти колебания, как и акад. Паллас, изменчивостью условий погоды, отказываясь видеть причины колебания в явлениях поднятия или опускания суши. В бытность свою в 1830 г. на западном побережье Каспия Ленц, для создания прочной основы наблюдениям над уровнем моря, вбил в скалу у г. Баку и на противоположном ему о-ве Наргене железные болты и определил, при помощи точной нивелировки, высоту их над уровнем моря. Знаки эти давали возможность устанавливать и впредь в любое время высоту уровня моря. Но знаками Ленца успел воспользоваться только один ученый Абих в 1847—1852 и 1861 гг. Через год или два после этого последнего измерения скалу у г. Баку, с ценным для науки знаком, взорвали при постройке какого-то торгового склада, болт же из скалы на о-ве Наргене вырвали еще до экспедиции Бэра, так что, как говорили Бэру, и места, где он находился, теперь отыскать невозможно.

Бэр, по прибытии в Ново-Петровск, решил повторить опыт Ленца. Найдя в море, в нескольких верстах от Ново-Петровского укрепления, обломок скалы, выходящей из воды, он врезал в нее знак так, чтобы расстояние его от уровня моря могло измеряться без нивелировки. Производить здесь измерения уровня воды взял на себя местный доктор и метеоролог Никольский.

Бэр сумел среди всех колебаний уровня Каспия различить две основные их категории: сезонные колебания и вековые. На колебания первого порядка, зависящие прежде всего от приноса воды реками, он неоднократно указывает в своих «Ученых заметках» и отчетах. Уже в первом отчете за 1853 г. Бэр пишет: «Вода Каспийского моря может прибывать или

убывать вследствие разностей между количеством испарения и количеством притока дождевой и снеговой воды. Точное наблюдение за этим явлением затрудняется нагоном и выгоном воды, зависящим от направления ветров».

Колебаниям высоким, вековым Бэр уделил, однако, особое внимание. Их Бэр был склонен объяснять преимущественно процессами тектоническими, и такого взгляда придерживаются и сейчас некоторые современные ученые, занимавшиеся этим вопросом. «По моему мнению», писал Бэр в отчете за 1853 г., «очевидно, что кажущиеся изменения в уровне моря при Баку и вообще близ Кавказа должны преимущественно зависеть от понижения и повышения почвы (опускания и поднятия береговой линии), колебания же в меньших размерах могут легко происходить и в других прибрежных местах. Ведь, мы имеем же из многих стран примеры таких возвышений и понижений почвы, считавшихся долгое время исключительной принадлежностью Скандинавского полуострова; почему же не могут они иметь места также и вокруг Каспийского моря».

Объясняя таким образом ритм вековых колебаний Каспия, Бэр вместе с тем усматривал в совсем недавнем прошлом его геологической истории один момент особенно значительного и быстрого понижения уровня Каспия, обусловленного геологическими причинами. Об этом катастрофическом геологическом процессе, вызвавшем обнажение обширных пространств морского дна Каспия и значительное уменьшение объема древнего Каспийского моря, свидетельствуют, по его мнению, несколько сот весьма похожих между собою, удлиненных, почти параллельных бугров, скученных у северо-западного угла Каспийского моря. Простираются, впрочем, они также на несколько сот верст вдоль северного его берега до богатого Култука, вдоль обоих берегов Волги до Енотаевска, к югу же по крайней мере до прежнего устья Кумы.

Бэр тщательнейшим образом изучал во время экспедиции распространение, вид и строение этих «отмелых, частью островных участков бывшего дна Каспия», сложенных из мелководных глинисто-песчаных каспийских осадков. Бугры эти, по мнению Бэра, говорят о быстром стоке вод древнего Каспийского моря в Черное. Момент этой регрессии Каспия современная наука относит к доисторическим временам объясняя ее вместе с тем причинами климатическими. Современная историческая эпоха, согласно тщательно собранным в настоящее время данным, характеризуется высоким стоянием уровня Каспия.

Вопрос о причинах высоких колебаний уровня Каспия еще и до сих пор не может считаться решенным. Все же преобладающим взглядом в современной науке, вопреки Бэру, является

тот, который объясняет и вековые колебания уровня Каспия причинами климатическими и, главным образом, колебаниями в величине приноса воды реками, как это разъяснили Книпович и Шокальский. Всего, по Книповичу, реки и атмосферные осадки приносят в течение года количество воды, которое могло бы повысить уровень Каспия приблизительно на 130 см. Понятно, что колебания количества осадков, выпадающих в огромном водосборном бассейне Каспия (около 3 733 270 кв. км), неминуемо должны отразиться и на колебаниях уровня моря, причем главное влияние на это колебание оказывают зимние осадки в бассейнах Волги и Урала.

По мнению Л. С. Берга, в частности нет оснований принимать, что за последние 200—300 лет имели место тектонические колебания или вообще деформации земной коры на дне бакинской бухты. Колебания уровня моря на всем протяжении Каспия, по Бергу, как на волжском взморье, так и в Бакинской бухте и у Красноводска, происходят одновременно и согласно. Бэр был только прав, отрицая факт неуклонного, постоянного падения уровня Каспия. «Ни о каком беспрерывном падении уровня Каспия», согласно Бергу, «в историческое время не может быть и речи».

В колебаниях уровня Каспия существует известная периодичность. Так, в начале XIV и XV вв. был высокий уровень, с середины XVI и до середины XVII вв. был низкий уровень, причем в 1580 г. уровень падал до такой же высоты, как в XX в. (1923). Во второй половине XVII в. был сравнительно высокий уровень. В первой трети XVIII в. был низкий уровень, причем в 1722 г. он упал до такой же высоты, как в 1925 г. Примерно через 140 лет после вышеупомянутого минимума 1580 г., с 40-х годов XVIII в. и до начала XIX в., был высокий уровень, свыше 2 м над уровнем 1925 г. Период низкого стояния, начавшийся после 1820 г. и продолжающийся поныне, должен, по всем видимостям, смениться периодом высокого стояния. Этот вывод, полагает Берг, не лишен и практического значения — для вопросов судоходства, портостроения, рыболовства.

С ранней осени и всю зиму до поздней весны гуляли в Ново-Петровске бурные, восточные, холодные ветры, наводившие на человека уныние. «Ни купить, ни достать ничего нельзя», жаловался один местный капитан: «даже воды колодезной, кроме солонцеватой, нет... не даром солдаты наш форт „Сибирным Ново-Петровском" называют». Сообщение с остальным миром было очень затруднительно. Летом оно происходило через море с Астраханью и Гурьевом; с прекращением же навигации лед отрезывал форт почти на полгода от посторонних людей. Форт как бы замирал на всю зиму.

В укреплении стояло 2 роты солдат и с ними человек 20 офицеров, врач и священник. Одним из нижних чинов каторжного гарнизона Мангышлакской крепости был «поднадзорный рядовой из политических преступников» Тарас Григорьевич Шевченко. Знаменитый украинский поэт, лишенный права писать, талантливый художник, лишенный права рисовать, томился здесь, «забритый в солдаты», под особым строжайшим надзором ротного командира уже 3 года в «смердячей казарме».

Знал ли акад. Бэр, так интересовавшийся в свое время Аральским морем,[1] что в той же крепости находится сейчас не только соучастник «преступного» украинского Кирилло-Мефодиевского братства, но и участник многотрудной Аральской научной экспедиции 1848—1849 гг. Шевченко, прикомандированный к последней «для срисовывания видов в степи и берегов Аральского моря»? Знал ли ближайший сотрудник Бэра, славянофил Данилевский, о невольном пребывании в форте «последнего кобзаря и первого великого поэта новой великой литературы славянского мира»? (Аполлон Григорьев). Знал ли, наконец, автор «Горькой судьбины» Писемский о горькой доле томившегося здесь украинского поэта?

И если они знали, что Шевченко здесь, то как они отнеслись к нему?

Документы свидетельствуют неопровержимо: знали и отнеслись к нему душевно и тепло и далеко не безучастно к дальнейшей судьбе поэта.

Комендант Ново-Петровска Усков «представил» Тараса Григорьевича Бэру и просил принять в нем участие. Бэр не остался глух к этой просьбе, но стал действовать очень осторожно. В своем дневнике начальник «высочайше назначенной правительственной комиссии по исследованию каспийского рыболовства» ни словом о Шевченко не упоминает. Далее, мы узнаем, что не Бэр — видите ли, — а академический служитель при нем Петр везет в вещах экспедиции в Петербург скульптурные работы Шевченки[2] на показ преданному другу ссыльного поэта — Семену Степановичу Гулак-Артемовскому, известному баритону русской оперы, «Руслану» Глинки и композитору, автору «Запорожца за Дунаем». Не Бэр, а служитель Петр должен просить у Иохима в Петербурге барельеф для Шевченки, и этот подарок Иохима Бэр, при посредстве Петра, привозит Шевченке из Петербурга на следующий год

[1] М. М. Соловьев. Научная экспедиция и военный поход. Вестн. Акад. Наук СССР, 1936, № 8—9.

[2] Лепкой художник Шевченко заменил в Ново-Петровске высочайше и строжайше запрещенное ему рисование.

в свой второй приезд в Ново-Петровск. Все говорит за то, что Бэр, очевидно, был в молчаливом заговоре с Петром.

По инициативе и по плану Шевченки был разбит в форте сад. Деревья привозились частью из Астрахани и Гурьева, а большей частью, по совету Шевченки, из ущелья Ханги-баба. Отсюда доставлялись большие шелковичные деревья. Бэр подробно ознакомился с садом Шевченки и дал о нем самый лестный отзыв. [1]

По предположению биографа Шевченки А. Кониского, Бэр был как-раз тем человеком, который познакомил графиню Анастасию Ивановну Толстую, жену вице-президента Академии художеств (медальера, скульптора, живописца и гравера), графа Ф. П. Толстого, с бедственным положением художника Шевченки и просил помочь ему. Графиня, совместно с мужем, деятельно принялась за хлопоты, но отовсюду получала отказы. Второй раз «добрый старик», как называет Писемский Бэра в письме к Шевченке в июле 1856 г., просил о поэте уже графа, а не графиню, указывая ему, совместно с Писемским, на самое удобнос теперь время для ходатайств — перед коронацией. Граф последовал совету и за собственный страх подал от своего имени прошение Александру II о помиловании Шевченки ко дню коронации. Коронация состоялась, но «всемилостивейший» манифест не коснулся Шевченки.

По-человечески отнесся к Шевченке и случайный спутник Бэра по Каспию Писемский. В начале июля 1856 г. Писемский пишет, после посещения Ново-Петровска, Шевченке уже из Астрахани: «Душевно рад, что мое свидание с вами доставило вам хоть маленькое развлечение. Да подкрепит вас господь бог нести ваш крест!

«Не знаю, говорил ли я вам, по крайней мере, скажу теперь. Я видел на одном вечере человек 20 ваших земляков, которые, читая ваши стихотворения, плакали от восторга и произносили ваше имя с благоговением. Я сам писатель и больше этой заочной чести не желал бы другой славы и известности, и да послужит все это утешением в вашей безотрадной жизни! Все ваши поручения: и в Москве к Бодянскому и в Петербурге к Костомарову, исполню в точности. А астраханский климат и астраханские доктора добьют кажется меня окончательно».

Описывая этот сад в своем дневнике, Бэр, между прочим, отмечает хорошо принявшуюся и быстро разросшуюся вербу сада. Дерево это имеет свою историю. Когда в сентябре 1850 г. Шевченко по этапу препровождали через Гурьев в Ново-Петровск, он поднял на улице «вербовый кол» и, привезя его в Ново-Петровск, воткнул в землю на солдатском огороде. За 3 года, ко времени приезда Бэра, кол превратился в значительное дерево, под тенью которого Шевченко часто проводил свое свободное время в остальные 3 года своего пребывания в форте.

Что же касается ближайшего сотрудника Бэра по экспедиции Данилевского, то аттестацию ему пусть даст сам Шевченко.

«Данилевский такой человек», писал Шевченко своему другу Залескому 9 октября 1854 г., «что может в нашей пустыне вскружить и не мою голову. Во все время пребывания его здесь я почти не расставался с ним. Он своим присутствием оживил во мне, одиноком, давно прожитые прекрасные дни. Все, что хотелось бы написать тебе о нем, не поместилось бы на 2 дестях бумаги, а потому ограничусь, сказав только, что он во всех отношениях прекрасный человек; жаль только, что он ученый, а то был бы настоящий поэт». И через месяц после отъезда экспедиции Шевченко в письме снова вспоминает о Данилевском. «Он прожил у нас только 2 месяца, и за это время я сблизился с ним до искренней дружбы. Проводивши его, я чуть с ума не сошел. В первый раз в жизни моей я испытываю такое страшное чувство. Никогда одиночество не казалось мне таким мрачным, как теперь... Ты говоришь, что ты в своем углу (в Златоустове) сроднился со своим безотрадным одиночеством; я тоже думал, пока не показался в моей широкой тюрьме живой человек — человек умный, благородный в широком значении этого слова, и показался для того, чтобы встревожить мою дремавшую бедную душу; все же я ему благодарен глубоко».

Каспийская экспедиция, начиная с Бэра и Данилевского и случайного участника ее Писемского и кончая академическим служителем Петром, сыграла большую и благодетельную роль в несчастной жизни великого украинского поэта.

Взамен Данилевского остались в Ново-Петровске местные «благородные» офицеры. Как-то, уже после отъезда экспедиции, Шевченко, по его словам, проходя мимо офицерского флигеля, услышал в нем пение. Выбежавший из флигеля инженерный офицер Кампиони, увидев Шевченко, потащил его к себе, чтобы «погулять с вновь прибывшими лихими ребятами». «Лихие ребята» — офицеры — сидели и лежали на кошме, а перед ними красовалась полуведерная бутыль с водкою. Шевченко поспешил удалиться. Кампиони пустился за ним вдогонку, поднял крик, призвал дежурного унтер-офицера и велел арестовать Шевченко.

Ночь пришлось провести на гауптвахте, среди блох и клопов. Утром комендант объявил Шевченке, что Кампиони подал на него рапорт. В нем Кампиони доносил, что Шевченко в пьяном виде нанес оскорбление офицеру, выругав его матерными словами. «Что же мне делать?» спросил Шевченко. — «Просить прощения, иначе вы арестант. Он офицер, а вы солдат». Надев солдатский мундир, поднадзорный рядовой из

политических преступников отправился к Кампиони. Тот продержал его 2 часа в передней, а потом, после долгого упрашивания, согласился даровать амнистию, но с «условием, чтобы Шевченко сейчас же купил четверть ведра водки». Шевченко послал в кабак за водкой, а Кампиони отправился к коменданту. «Принесли мою водку, а его ябеду», пишет Шевченко в своем дневнике. Приглашенные Кампиони господа офицеры, вчерашние «лихие ребята», стали распивать водку, купленную рядовым Шевченко. Один из них, протягивая к Шевченко свою пухлую руку, сказал: «Что батенька! Не хотели по доброй воле познакомиться с нами, как следует людям благородным, так мы вас заставим сделать это», и вся компания захохотала.

ГЛАВА VII

РЫБОЛОВСТВО НА ВОСТОЧНОМ БЕРЕГУ КАСПИЯ. ТЮЛЕНИЙ ПРОМЫСЕЛ. ВОЗВРАЩЕНИЕ В АСТРАХАНЬ

Сведения, полученные экспедицией в Ново-Петровске о состоянии рыболовства на восточном берегу Каспия, оказались более утешительными, чем в низовьях Волги. Улов рыбы в отведенных Ново-Петровском для поселенцев участках ежегодно возрастал. Правда, восточный берег, несомненно, уступал западному и северному берегам в отношении величины улова, но все же он не был столь беден рыбой, как это говорили в Астрахани.

Жаловались Бэру астраханские торговцы, что красная рыба с восточного берега хуже вкусом. Платили они за нее поэтому меньше, чем за пойманную в других водах. «Однако», замечает Бэр, «не слыхать, чтобы они дешевле ее продавали».

В бытность же в Ново-Петровске экспедиция убедилась, что «сказания о совершенном преграждении р. Эмбы с морем», принятые за истину даже при составлении карт, не имеют основания. Река эта, по словам Бэра, далеко не так еще обмелела, как на западном берегу Кума, которая, действительно, в летнее время не достигает моря. И потому уменьшение эмбенского рыболовства не следовало приписывать всецело несуществующему разобщению Эмбы от моря. Причины падения улова и здесь, по его мнению, надо было прежде всего искать не в деятельности природы, а в деятельности человека.

В этот же первый свой приезд в Ново-Петровск экспедиция (Шульц и Данилевский) занялась исследованием тюленьего промысла на Тюленьих островах, лежащих близ северо-западной оконечности Мангышлакского полуострова, на расстоянии 35 верст от Тюбкараганского залива.

В Каспийском море водится сейчас, в довольно значительном количестве, особый тюлень — каспийский (*Phoca caspica*).

Зимой он держится в северном Каспии. На льдах располагаются огромные стаи — косяки из сотен и тысяч тюленей. Самки рождают тут своих детенышей и кормят их молоком. Зимою же, ближе к весне, и ранней весной тюлени линяют, после чего стадами откочевывают на юг. Продвижение их туда в это время года объясняют тем, что мелководный, со множеством островов и отмелей, северный Каспий нагревается быстрее и сильнее среднего. Каспийский тюлень питается, главным образом, рыбой, по преимуществу бычками, отчасти сельдями и воблой, а по исследованиям И. Н. Арнольда, в значительной мере и рачками мизидами.

Уже с давнего времени тюлень служил предметом особого промысла в Каспийском море. В тюлене ценились и ценятся шкурка и сало, составляющие иногда до 50% общего веса животного. Сало идет на приготовление жира. При надлежащей обработке и холодной прессовке последний является хорошим суррогатом трескового жира. Бэровская экспедиция нашла массы тюленей на многочисленных низменных и необитаемых островах Каспия.

Здесь тюленей и настигали промышленники. Даже зимой, как писали Данилевский и Шульц в своих отчетах, когда тюлень со своей семьей считал себя на льду в совершенной безопасности, не было ему от человека пощады. Иной бесстрашный тюленебойщик гонялся в зимнюю пору за своей добычей на плавающих льдинах.

Данилевский и Шульц обследовали все семь маленьких низменных, состоявших из песку, ракушки и морской травы островов, обозначавшихся общим именем Тюленьих. Бой тюленей производился во времена экспедиции только на двух из этих островов — Святом и Подгорном. Прочие же пять островов — Кулалы, Морской, Долгий, Круглый и Орлов — уже больше не посещались тюленями.

Почти прекратилась охота на тюленей в годы экспедиции и на островах мелководного, почти недоступного для прохода даже небольших судов залива Мертвый Култук (ныне Комсомолец) в южном углу северо-восточной части Каспия. В прежние же времена тюлени добывались там во множестве, отличаясь своей величиной и жиром. Водились тюлени в 50-х годах также на островах у устья Урала. В северо-западной части Каспия бой тюленей производился на о-ве Чечне и очень редко на Тюленьем острове. В былое же время на этом острове били массу тюленей. Так, например, в 1819 г. в одну ночь на Тюленьем острове искусные тюленебойщики убили 337 тюленей в 500 п. весом, а в 1822 г. осенью они убили на нем 800 тюленей, весом свыше 700 п. Среди островов Бакинской провинции главный бой производился на о-ве Жилом. В пред-

шествовавшие Бэровской экспедиции годы здесь убивали ежегодно более 4000 тюленей.

Били тюленей обыкновенно весной и осенью. Как только Волга и прибрежья моря начинали очищаться от льдин, отважные тюленебойщики пускались на своих кусовых (парусных палубных лодках) в открытое море на прибыльный промысел к Тюленьим островам. Сборным местом им служил о-в Кулалы, наибольший из Тюленьих островов. На нем стояло несколько амбаров, казармы и множество землянок. Часть промышленников, нередко до 500 человек, проводила в них всю зиму, занимаясь рыбной ловлей и охотой на тюленей, с расчетом как можно раньше начать главный весенний бой тюленей. Чем раньше весною промышленник отправлялся в море, тем больше добывал тюленей, так как заставал их еще на льдинах. Собравшись в артели, промышленники отряжали сперва на разведку нескольких товарищей узнать, на каких островах и в каких местах их расположились косяки тюленей. Приплывшая к берегу одного из островов стая тюленей размещалась вдоль него, занимая обыкновенно берег на 4—5 саж. в ширину. За этим косяком появлялся другой, который оттеснял первый и занимал его место. За вторым косяком следовал третий. Ворча и грызясь, тюлени пролагали себе дорогу и захватывали первоначальное место первого косяка у самого берега, в то время как первый косяк под натиском второго уходил еще дальше внутрь берега.

Таким образом все прибрежное пространство покрывалось тысячами тюленей. Они нежились на солнце, играли и, наконец, засыпали крепким сном.

Бдительный опытный глаз промышленника давно выжидал этой минуты. Сотни тюленебойщиков оставляли теперь свои кусовые, в которых они в напряженном ожидании стояли на якоре, и в маленьких лодках бесшумно стремились к берегу. Построившись во всю его длину в одну линию, в полной тишине старались тюленебойщики осторожно обойти весь косяк с моря. Успех зависел, главным образом, от умения подойти к зверю против ветра, так как тюлени одарены от природы чрезвычайно тонким чутьем. Каждый промышленник имел при себе колотушку, багор и несколько ножей. Колотушкой звалась довольно толстая и длинная палка, окованная до половины железом. На железе кругом наколочены железные шпеньки. В конце колотушки для большего полновесия влит или вколочен еще свинец.

Вооруженные таким образом, тюленебойцы подкрадывались в темноте ночи, ползком в сомкнутой линии, к косяку. По знаку своего старосты, наиболее опытного и отважного из их среды промышленника, они бросались с поднятыми коло-

тушками на тюленей и ловкими ударами наповал убивали их, после чего тотчас же откидывали убитых назад багром. В одну ночь уничтожались целые косяки тюленей, нередко до 10 000 шт.

Потом начиналась обрезка или обелка тюленей. Человек отбивал животному голову, вскрывал ему живот, вынимал внутренности. Шкура же с жиром нанизывалась на веревку, прикрепленную к бударке, и погружалась временно в воду. По окончании обелки кости, внутренности и все обрезки зарывались в землю или бросались на большом расстоянии от берега в море, чтобы ветер не заносил запаха к лежбищам тюленей. Вообще старались соблюдать возможную чистоту в местах боя, тщательно уничтожая его следы. Иначе тюлени скрывались и не показывались больше не только в местах боя, но и в окрестностях его.

Аккуратно прибрав за собой, промышленники в бударках отправлялись, таща за собою в воде веревки с добычей, к длинным и широким палубным лодкам — расшивам. На этих судах, длиною в десяток, а то и в два десятка сажен и шириной до 100 саж., обделанных тюленей солили, чтобы кожа их не попортилась от прилегающего к ней жира.

Осенью в Каспии практиковался еще другой род тюленьего промысла — с помощью ставных сетей, называвшихся аханами. Люди отправлялись на этот промысел в гонных лодках, сажени 3 длиной, $1^1/_2$ арш. шириной, беспалубных, о 4 веслах. Заметив косяк тюленей, промышленники, по сигналу атамана, выбрасывали в воду аханы, затем, соблюдая величайшую тишину, окружали косяк. Оставалось теперь только спугнуть тюленей с места. Подымали крик, били веслами, стучали колотушками. Разбуженный и испуганный косяк спасался от окружавших его лодок и людей в воду, ныряя и встречая на пути аханы. Стараясь высвободиться, тюлени все более запутывались в крупных ячеях аханной сети и становились добычей промышленников. Убитых колотушками животных складывали в лодки с помощью багра-сандова — двузубчатой острой железной вилы, насаженной на длинный шест. [1]

По окончании этой операции, тюленей для посола отвозили на кусовые и расшивы. «В старину», рассказывает Шульц, «тюлений промысел производился и зимой, обыкновенно в январе, преимущественно ради нежной, удобной к окрашиванию шкурки молодых тюленей, называемых беленькими или беляч-кой». Совершенно белого цвета, нежные шкурки новорожденного тюленя-«белка» весьма ценились тогда, очень ценятся и теперь. «Запасшись нужными к лову орудиями и провиантом»,

[1] Обычно сандовом во время половодья на ильменях (расширениях реки) и в затонах (речных заливах) били сомов и сазанов.

пишет Шульц, «отважный промышленник, пренебрегая опасностью, пускался за „белками" на небольших санях, на бодрой и стойкой лошадке, в необъятное для взора пространство по зимней оболочке опасного моря». Завидев где-нибудь на льду лазки,[1] промышленник поджидал появления на поверхности льда «белка», после чего убивал его из ружья или чекушей (колотушей), или даже, схватив руками, ударом головой об лед. «Но нередко в увлечении... он не замечал, как поднявшийся южный или юго-восточный гибельный для него ветер отделял его от сплошной массы льда и уносил на отдельной льдине далеко в море. Случалось несчастным несколько суток, даже недели, носиться... в этом необъятном пространстве...

«Счастлив был тот, кого противный ветер опять приносил к массам льда в северной части Каспийского моря или удачные прыжки его лошади, или собственные через щели между льдинами переносили благополучно к сплошной массе льда. Тогда он был спасен и благополучно достигал родного берега; но чаще, гораздо чаще, несчастный делался жертвой своей отваги... и находил могилу в пенистых волнах моря».

Ко времени Бэровской экспедиции бой беленького тюленя находился под запретом «как по опасности этого промысла, так и потому, что им искоренялось множество молодых тюленей».

До запрещения же охотники каждую зиму привозили в Астрахань более 60 000 беленьких. В настоящее время бой «белка» вновь разрешен. Тюленщики отправляются в море в начале февраля на парусных лодках, пробиваясь между льдинами. Тюленей сейчас бьют из ружья, но пускают в ход и колотуши. Промысел этот сопряжен с большими опасностями и теперь. Лодки тюленщиков замерзают во льдах. Иногда охотникам удается пробить дорогу застрявшему судну пешнями, иногда ветер сломает лед и освободит лодку, случается, однако, что лед лодку разбивает.

Из Ново-Петровска экспедиция предполагала направиться к устью Эмбы, чтобы подняться, в целях изучения рыболовства, вверх по этой мало исследованной реке. Но поездка не состоялась. Начальство не разрешило Бэру углубляться внутрь страны по Эмбе без военной охраны, в военном же конвое экспедиции было отказано из-за военных действий на кавказско-турецкой границе, создававших тревожное настроение среди населения восточного берега Каспия. «Во время войны», заявил Бэру комендант Ново-Петровской крепости, «совершенно нельзя доверяться киргизам». Это «несчастное

[1] Отверстия во льду, делаемые тюленями, чтобы дышать и вылезать на лед.

совпадение экспедиции с войной», на которое неоднократно жалуется Бэр в своих докладах, лишило Бэра возможности получить и обещанный ему специальный пароход для самостоятельного и длительного обследования мало изученных восточных берегов Каспия.

На обратном пути в Астрахань снова не обошлось без досадных задержек. Два раза пароход садился на россыпи, и драгоценные для экспедиции дни пропадали даром в ожидании морского ветра и подъема воды. Возвратился Бэр в Астрахань с больной, сильно воспалившейся ногой. Она доставила старику много страданий и в последующее время экспедиции.

ГЛАВА VIII

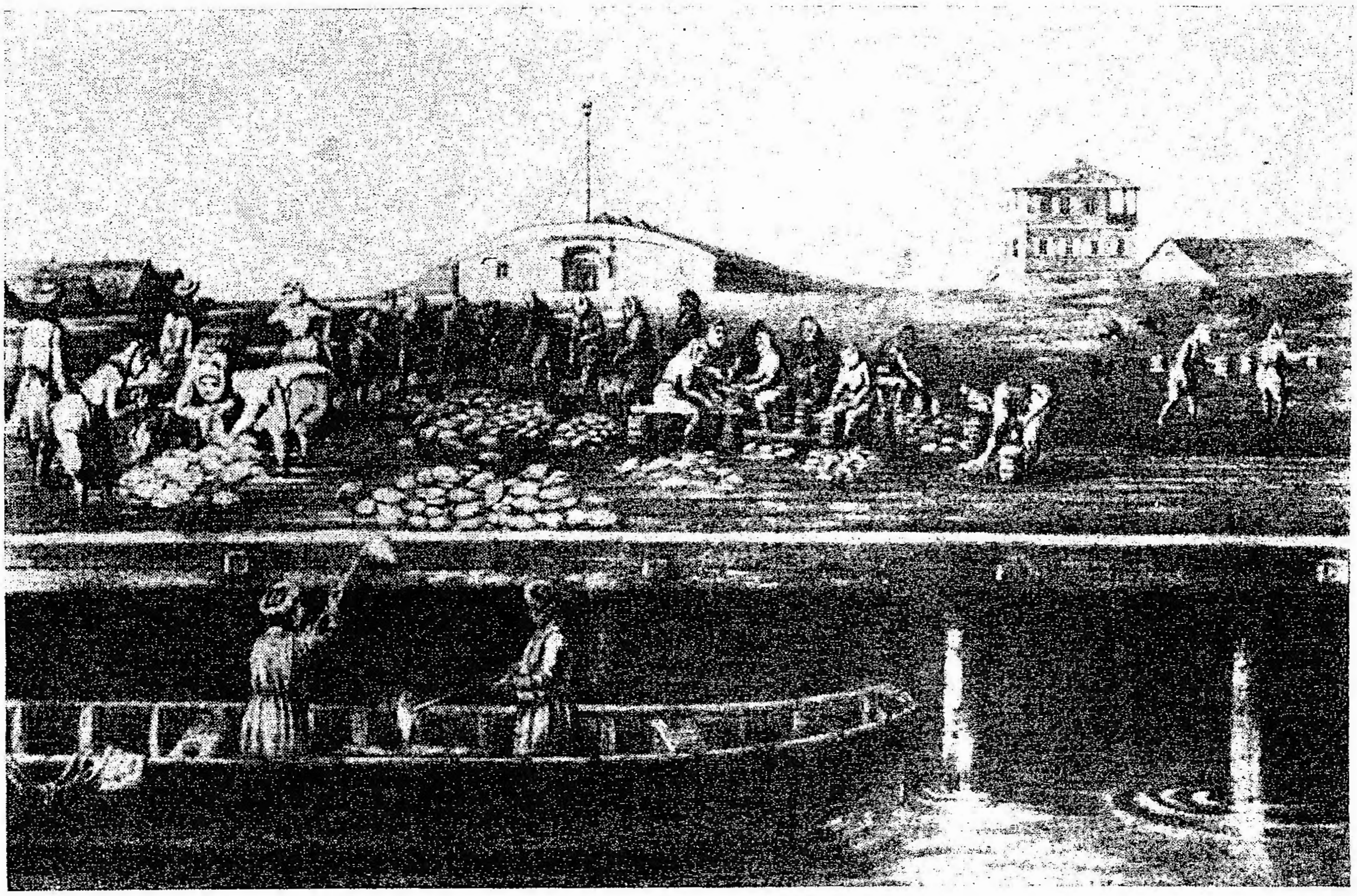
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ 1-ГО ГОДА ЭКСПЕДИЦИИ (1853)

По возвращении в Астрахань из 4-недельной экскурсии на Мангышлак, экспедиция совершила, пока река не покрылась льдом, еще несколько поездок на промыслы при устьях Волги, ниже Астрахани, для обследования лова частиковой рыбы. Знакомясь с доставкой рыбы к ватагам, путешественники, между прочим, обратили внимание на то, что вся основная работа на плоту ватаг лежала на женщинах (фиг. 15).

Данилевский в одном из своих отчетов подробно описывает эту работу. В его рассказе при этом, к сожалению, несколько проскальзывает распространенный в то время среди так называемого «хорошего общества» ретроградный взгляд на женский труд и недостаточно серьезное отношение к самой женщине-работнице.

«Женщины», пишет Данилевский, «были в мужском наряде, в сапогах, штанах и коротеньких куртках, нередко с растрепанными волосами, то с угрюмым морщинистым лицом, а то и со свежим, румяным, но тем не менее грязным, в повязках, концы которых торчат подобно рогам. Все эти существа вооружены ножом в правой и коротеньким багром в левой руке; они шумят, хохочут, бранятся и поют, сидя верхом на скамейках. Старик с длинной серою, словно козлиною, бородою обходит, постукивая палочкой, ряды этих рабочих...

«У каждой женщины два ведра, на края которых опираются концы доски — импровизированной скамьи. Сидя на ней верхом, она берет багром рыбу из лежащей подле нее с одной стороны кучи судаков или лещей, кладет ее перед собою на доску и, придерживая багром же, вырезывает ножиком ее внутренности, которые сбрасывает в ведро. В то же время она перебрасывает выпотрошенную рыбу багром в другую сторону,

15. Прием и резка частиковой рыбы на икряном промысле.

и туда таким образом вскоре переходит вся куча лежавшей прежде по ту сторону рыбы.

«Но вот пересчитанный и принятый новый транспорт судаков и лещей уже очутился на середине плота, и все работницы бросаются к этой массе рыбы. Каждая старается багром захватить судака или леща большей величины, из-за чего часто возникает ссора... Наконец, груда рыбы разделена на кучи, придвинутые каждой работницей к своей семье. Все уселись попрежнему, и женская деятельность, сопровождающаяся обыкновенно шумным смехом, песнями и бранью, снова закипела еще с большим рвением. Причина ссоры этих женщин следующая: женщины получают, вместо платы, внутренности выпотрошенной ими рыбы, которые поэтому и собирают в свои ведра для топления из них жира, а так как для этого большая рыба, разумеется, пригоднее, то очень естественно, что каждая старается завладеть ею и через очистку ее получить и более жирную ее внутренность. Эти женщины так ловки и навычны в своем ремесле, что иная в день очищает до 2000 судаков и, продавая натопленный ею жир, вырабатывает таким образом в месяц до 6 и более рублей».

При посещении промыслов Бэру удавалось получать от рыбопромышленников только такие данные, которые касались времени, места и способа лова рыб. Все же другое, касавшееся жизни рыбы, рыбопромышленников совсем не интересовало.

Весьма удивило, между прочим, знаменитого эмбриолога распространенное среди каспийских рыбопромышленников «противоестественное», по выражению Бэра, «мнение», что «три зернышка икры срастаются вместе для образования молодой рыбки». Одно зерно идет на голову, другое — на туловище, третье — на хвост. «Подобное мнение», замечает Бэр, «противное всем естественным условиям, едва ли можно было бы встретить между рыбаками Чудского озера». Особое внимание Бэр уделил вопросу о пище рыб. Наблюдения и вскрытия рыб привели его к заключению, что питательные вещества доставляются каспийской частиковой рыбе прежде всего реками и в первую голову Волгой и Уралом. Реки приносят в Каспий массы органических веществ, преимущественно копрогенного характера (выделения животных). Это — те компоненты донных отложений, которые на современном научном языке носят название тонкого детрита.

Осаждаясь у устьев рек и образуя главные составные части ила, тонкий детрит способствует разрастанию литоральных растений и прежде всего камыша. Их отжившие массы уносятся дальше от берега в море и, измельчаясь, идут в пищу рыбам и беспозвоночным моря. Последние, в свою очередь, поедаются рыбами.

Измельченные и деформированные остатки макрофитов литорали, осев на дно, входят также в состав ила и носят тогда название грубого детрита. Таким образом частиковые рыбы Каспия, по Бэру, питаются тонким и грубым детритом ила, так же как и животными, живущими в море, по преимуществу в том же илу.

Эта, в общем очень верная, концепция Бэра страдает только одним вполне понятным недостатком. Она почти игнорирует роль планктона в питании ряда рыб, но Бэр, естественно, не мог учитывать в должной мере этого важного биологического фактора по той простой причине, что фактор этот был науке в то время еще неизвестен. Планктон с его громадною ролью в жизни вод стал достоянием науки только через 30 лет после экспедиции Бэра. Теперь мы знаем, что планктон в Каспийском море иногда появляется в колоссальных количествах, обусловливая цветение моря.

В конце июля 1876 г. пароход «Персиянин», на котором плавал выдающийся исследователь Каспия, ихтиолог Гримм, вошел близ Дербента в сплошную «серовато-зеленую массу водорослей, растянувшуюся ковром на десятки кв. миль и имевшую в толщину не менее 5 фт. Со шхуны все это пространство казалось плотно скошенным лугом, так что хотелось встать на него ногой... было странно видеть себя в открытом море среди такой массы растительности».

Безукоризненно верно и с современной точки зрения Бэр оценил уже в первый год своей экспедиции практическое значение тщательного научного определения видов каспийских рыб в целях, прежде всего, правильного подведения обиходных их названий под научные обозначения. До Бэра в систематике каспийской ихтиофауны царил почти полный разрыв между теоретическим знанием науки и практической жизнью. Не идя по пути их сближения, зоологи-систематики понаделали при изучении каспийской ихтиофауны много ошибок. Даже такой крупный ученый, как Паллас, не избег их, и Бэру пришлось в некоторых случаях исправлять Палласа. Некоторые ученые, из желания увеличить список рыб Каспия, совершенно неправильно описали известные уже виды рыб как новые и исключительно принадлежащие Каспию. «Через все это», пишет Бэр, «произошла совершенная путаница, вредная не только для науки, но и для промыслового дела».

Все разнородные исследования, произведенные экспедицией в первый год своего существования, служили разрешению основной задачи — дать хотя бы приблизительный ответ на вопрос, уменьшается ли или нет улов рыбы в Каспии? Непосредственно подвести к решению этого вопроса могли только статистические данные об ежегодном улове каспийской рыбы

и ценности его. Огромные размеры каспийской рыбопромышленности и несовершенство тогдашнего учета чрезвычайно затрудняли работу экспедиции в этом направлении. Однако не в характере Бэра было отступать перед препятствиями. Упорные поиски, настойчивые требования необходимых данных как современных, так и прошлого столетия все же доставили экспедиции уже в 1853 г. материалы, достаточные для подведения предварительных итогов. Итоги эти оказались очень неутешительными.

Сопоставление сведений времен Палласа и Гумбольдта с данными, полученными Бэром, привели последнего к следующим предварительным выводам.

По всем вероятиям, рыба в Каспийском море находится в меньшем изобилии, чем прежде. Почти несомненно, что вся рыба в Каспии, и красная и прочая, стала мельче, или, точнее говоря, только меньшему числу рыбы в Каспии, как пишет Бэр, удается достигнуть своей полной величины. Соответственно уменьшению количества рыбы уменьшилась и добыча икры.

Итак, экспедиция в первый же год своих исследований констатировала упадок каспийского рыболовства. Но причины этого печального явления крылись, по заявлению Бэра, совсем не там, где хотели их видеть заинтересованные в прибылях люди и организации.

Виноватыми в упадке дела оказались не природа, не усыхание моря, не его осолонение, даже не новые водные пути сообщения — пароходы, а «людское невежество, помноженное на хищничество». Стало ясно: по всей Волге, начиная с истоков и кончая ее устьями, на всем протяжении Каспия происходит анархическое разбазаривание рыбного хозяйства, фактически, несмотря на массы инструкций, а может быть, в значительной мере и вследствие их, совершенно не регулируемого и не руководимого. Шел, как выразился Бэр уже в первом своем отчете, беспощадный грабеж Волги и моря.

«Подобно тому как в алмазных областях Бразилии», писал Бэр, «господствует громадная леность и бедность, так как каждый желает и надеется сделаться богатым при счастливой находке алмазов, так же действует в Астрахани и рыболовство, которое немногих обогащает, но большинство делает бедными. . .»

Предстояла грандиозная задача — ликвидировать этот грабеж громадного природного богатства страны и построить на новых рациональных началах дело рыбной ловли.

Задача эта, как мы увидим дальше, не в отдельных своих частях, а в целом, в условиях тогдашней русской действительности, естественно, оказалась невыполнимой.

Наступили холода. Волга замерзла. Бэр уехал в Петербург докладывать министру лично о ходе работ экспедиции и представить на утверждение план дальнейших ее занятий. Сотрудники Бэра остались на зиму в районе работ экспедиции. Данилевский продолжал усердно собирать данные об улове рыбы за прежнее и новое время. Шульц тщательно описывал орудия, способы лова и приготовления продуктов из рыбы, Никитин, по заданиям экспедиции, точно и художественно рисовал карандашом, пером и акварелью рыб, тюленей, сети, картины лова, ватаги и т. п. Прекрасные рисунки его по каспийскому рыболовству частью напечатаны,[1] частью хранятся, не увидев света, в Архиве Академии Наук СССР в Ленинграде.

Некоторые из этих рисунков воспроизводятся в нашей книжке.

[1] Рисунки к исследованию каспийского рыболовства. Изд. Мин-ства гос. имущ., СПб., 1861.

2-Й ГОД ЭКСПЕДИЦИИ (1854).
РЫБНОЕ ХОЗЯЙСТВО СЕВЕРНОГО КАСПИЯ

ГЛАВА I

ЧАСТИКОВАЯ РЫБА В НИЗОВЬЯХ ВОЛГИ

Весной 1854 года 62-летний Бэр, пробыв всего только несколько недель в Петербурге, спешно отправился обратно на нижнюю Волгу, к своей экспедиции, навстречу южной весне.

За Саратовом, при следовании на санях по Волге, кое-где чувствительно потрескивал лед, а по сторонам виднелись ничем почти не огороженные полыньи и проруби. На суше время полной распутицы еще не наступило, но на санях ехать стало уже невозможно. Снег, подогреваемый сверху весенним солнцем, снизу отходившей землей, заметно осаживался. Дорога не держала копыт лошадей. Темнобурый цвет уже резко отделил ее от полей, покрытых тонкой ледяной коркой. По утрам, по мере того как солнце подымалось выше, небосклон со стороны Волги синел и покрывался туманом, вернейшим признаком скорой оттепели. Но все же между Царицыном и Астраханью Бэр застал еще подледный лов.

Почтовые лошади мчались и сменялись. Степь дичала. Воздух с каждым днем все более нежил. Дружная весна неслась навстречу. В Астрахань начальник экспедиции приехал к самому вскрытию реки. Было тепло, сыровато и ветрено.

Вслед за отбывшими из города первыми рыболовными судами отправились и члены экспедиции вниз по Волге и ее рукавам.

Свидетельства рыбаков и собственные наблюдения экспедиции, так же как и многочисленные вскрытия рыб, произведенные Бэром во время этих весенних поездок, снабдили экспедицию ценными для ее задач биологическими сведениями.

Сопоставление их с данными прошлого года показало, что икрометание в Каспии происходит во все времена года, кроме

осени. Весною мечет икру частиковая рыба, ищущая для этого пресной воды. Ход частиковой рыбы и метание ею икры начинаются с апреля, а то и раньше, и продолжаются в нижней Волге до конца мая. Частиковых рыб, имевших торговую ценность (судак, лещ, сом, сазан, щука), большей частью — и в огромных количествах — вялили, прежде крепко посолив. Сельдь-бешенка в то время шла в низовьях Волги преимущественно на жиротопление. Красная рыба, как утверждала экспедиция, мечет икру в каспийских реках летом, при этом стерлядь раньше всего, почти весною, осетр же позже стерляди.[1]

Условия для икрометания и в низовьях Волги и при ее устьях оказались оптимальными. Весною, как только уровень реки начинает возвышаться, она, по словам Бэра, несет с собою воду, происшедшую от таяния снега, а следовательно, богатую кислородом. В воде этой содержится масса мелких органических частиц (детрит) и обильный микроскопический мир растений и животных. При слитии весенней воды сверх настоящих речных русел около них остаются большие, заполненные стоячей водою пространства — ильмени.

В ильменях, кроме камыша, растет множество других водяных высших растений (макрофитов), к которым прикрепляются поодиночке зерна икры. Небольшая глубина ильменя способствует пышному развитию в нем мелких растительных и животных форм. При спокойной воде в таком ильмене наблюдается в теплое время года весьма интенсивное и длительное «цветение» воды. Эти скопления стоячей воды, одни — постоянные, другие — временные, служат благоприятнейшими местами для выводки рыб, представляя собою как бы их «детские приюты» или «воспитательные дома» — по выражению Бэра. В них растущая рыба остается на все лето и всю осень. Успешное развитие ее здесь обусловливается, помимо обильной пищи, и высокой температурой воды мелких ильменей, особенно сильно нагревающихся ко второй половине лета. С наступлением зимы ильмени, вследствие их мелководности, скорее охлаждаются, чем рукава Волги, и потому к зиме большая часть молодой рыбы входит в Волгу, но пища для этой рыбы из ильменя следует за ней.

Вода ильменя, периодически стекая через естественные соединительные каналы (ерики) в Волгу, несет в нее и в ближайшие части моря значительные количества своих питательных веществ. Таким образом «ильмени», говорит Бэр, «служат

[1] Бэр несколько ошибся в определении времени икрометания осетровых, назначив его слишком поздно. Акад. Овсянников и О. А. Гримм впоследствии, на основании точных наблюдений и опытов, исправили эту ошибку.

также и провиантским магазином для своих выпущенных воспитанников... Избыток питательных веществ и удобнейшие места для икрометания здесь столь обширны и благоприятны, как, может быть, ни в одной реке мира... может быть, разве найдется подобное в Нильской дельте».

Казалось бы, при таких исключительно благоприятных условиях рыболовству на нижней Волге оставалось только процветать. А, между тем, доходы промыслов, несомненно, падали: рыбы вверх пропускалось меньше, чем прежде, рыбы стали пугливее, осторожнее, в каждой породе рыб большие неделимые сделались большой редкостью, лишь между сазанами, пойманными в море, случалось видеть большие экземпляры. Ближайшее ознакомление на местах с постановкой рыболовного дела только подтвердило неутешительные выводы, к которым Бэр пришел уже в первый год экспедиции.

Рыбное хозяйство велось так, что, несмотря на поражающее обилие рыбы, оно не могло не итти к упадку. Никто не думал о необходимости в низовьях Волги, как и в верховьях ее, «щадить рыбные запасы моря и Волги». «Здешнее рыболовство», писал Бэр во втором отчете за 1854 г., «имеет в виду лишь мгновенные выгоды и производится в самых сильных размерах в то время, когда рыбы собираются, приготовляясь к метанию икры... В то время, когда Волга, так сказать, переполнена рыбой, невода закидываются и вытягиваются так часто, как только возможно. При этом вылавливается столько рыбы, что лишь одна часть их, наиболее дорогая, отправляется на ватаги, остальная же, менее ценная, выбрасывается в воду как бесполезная». Невода в это время настолько заполнялись рыбой, что от тяжести пойманной рыбы часть ее гибла от давления прежде, чем быть выброшенной в воду.

«Во время одной из поездок наших», рассказывает Бэр, «вниз по одному из рукавов Волги, в последних днях апреля, мы видели тысячи этих выброшенных из неводов рыб мертвыми у берегов, и пресыщенные вороны и чайки не трогали их, выклевывая только глаза обращенной кверху стороны. Птицы эти, следовательно, насыщались одними глазами этих рыб. Это напоминает обеды римлян, на которых подавались целые блюда из одних павлиньих языков».

Некоторых видов рыб вылавливалось гораздо больше, чем даже требовал рынок. В результате, например, полумерные, т. е. не достигшие своей настоящей величины, лещи продавались дешевле стоимости соли, шедшей на их посол (2 р. за тысячу на месте). Владельцы промыслов не довольствовались колоссальными и беспощадными уловами по большим рукавам Волги. Алчность их доходила до того, что на некоторых промыслах волжской дельты они ставили вертикальные ставные

сети и вентеря [1] в устья ильменей. Мало того, некоторые из рыбопромышленников ловили даже в самих ильменях рыбу во время икрометания небольшими неводами — волокушами, чем, естественно, способствовали значительнейшему уменьшению рыбного богатства. Владельцы крупнейших промыслов оказывались при этом и наибольшими хищниками. Они пускали в ход заведомо осужденные практикой, крайне вредные рыболовные орудия.

Богатейшие купцы Сапожниковы ловили ими огромные количества рыбы при устьях Волги; родовитые дворяне Всеволожские делали то же при устьях Терека. И те и другие хищники уничтожали беспощадно таким способом лова целые косяки рыбы прежде, чем они сойдут в реку. От этого, между прочим, очень страдали промыслы, расположенные выше по реке.

[1] Рыболовные орудия, сделанные из сетей на обручах.

ГЛАВА II

БЕШЕНКА. ЖИРОТОПЛЕНИЕ И СОЛЕНИЕ

Пожалуй, наиболее ярким примером бестолковщины каспийского рыбного хозяйства того времени является известная история с «бешенкой». Бешенкой назывались тогда 2 вида очень резвых, очень жирных и нежных волжских сельдей, точно определенных только в 1913 г. (Л. С. Берг).

Это была волжская сельдь или железница (*Caspialosa volgensis* Berg) и наиболее крупная из волжских сельдей — черноспинка или бешенка (*Caspialosa kessleri* Grimm). Сельди эти в громаднейших количествах употреблялись в то время почти исключительно на жиротопление. Весною, с половины апреля до половины мая, шла каспийская сельдь в Волге по широкому раздолью половодья. «Идет она», говорили, «что туча валит!»

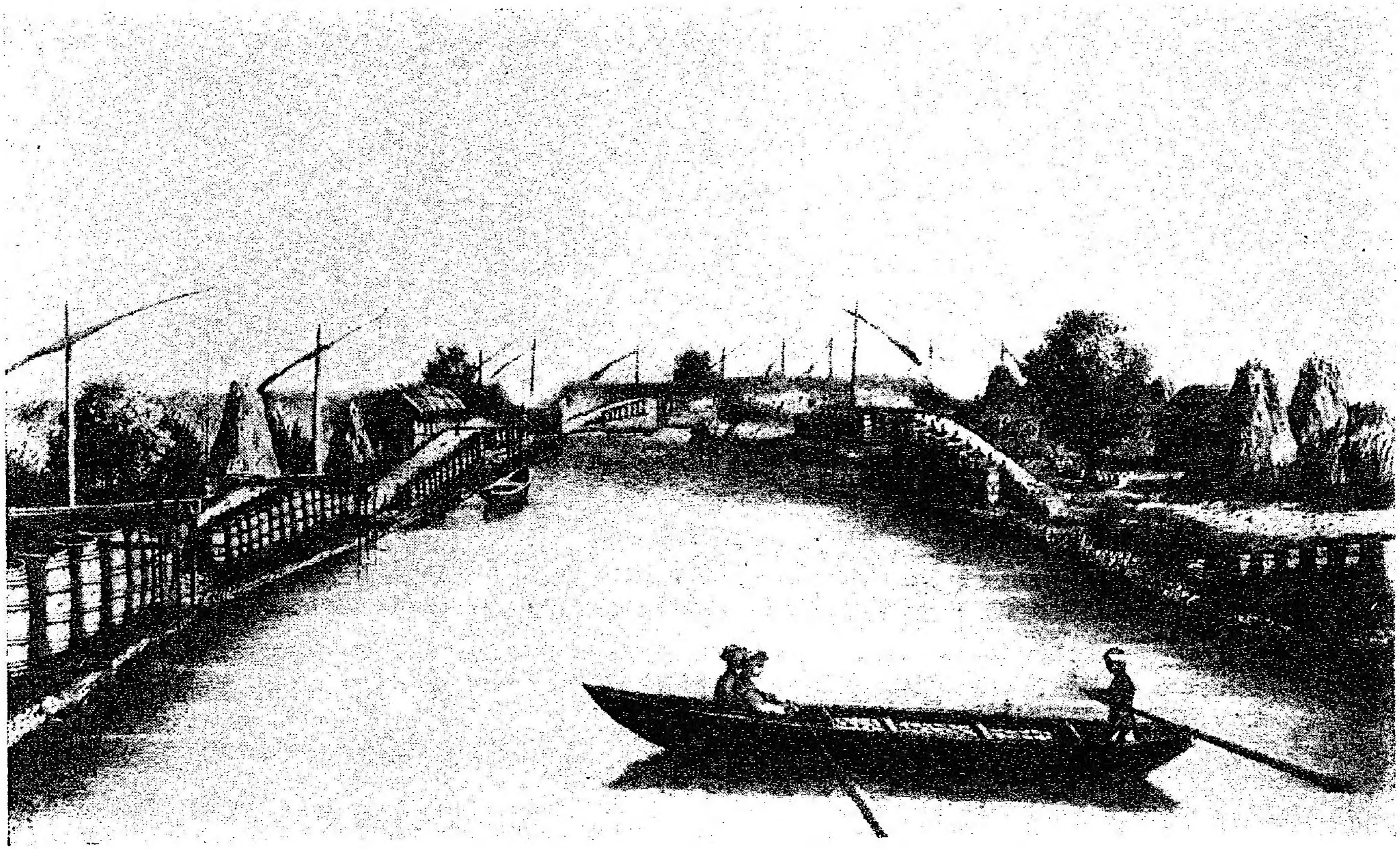
Бешенка поднималась по реке сначала весьма быстро. Ниже Астрахани она делала около 50 верст в сутки. Косяку этой рыбы хватало всего 2 суток, чтобы пройти путь от западных устьев Волги до Астрахани, выше же ход бешенки постепенно замедлялся. «Все места, которыми идет бешенка», рассказывал Шульц, «покрываются как бы твердой корой, образовавшейся из нахлынувшей бешенки. Рыба эта плавает иногда такими огромными косяками, что попадает даже на весла гребцов».

Жиротопленные невода, которыми вылавливали бешенку для жиротопления, достигали 400 саж. длины. У одного купца в Красноярском у. имелся жиротопленный невод даже в 1000 маховых саж. При каждом жиротопленном неводе работало от 15 до 17 человек, и тем не менее невод этот зачастую обременялся до того, что вытащить его стоило величайших трудов, а иногда и почти невозможно. Жиротопленные невода выметывались обыкновенно, вопреки закону, во всю реку, поперек ее,

от одного берега до другого, вышиною почти во всю глубину воды, и потому вычерпывали совершенно всю идущую рыбу. «Оттого живущие поверх жиротопленных заводов», докладывает Шульц, «терпят много вреда, улавливаемая же жиротопленными неводами частиковая рыбка (т. е. бешенка) гибнет миллионами при малозначительной пользе, проистекающей от добываемого жира».

На приволжских ватагах жиротопни занимали огромные пространства (фиг. 16). На каждой жиротопне, у самого берега, стояло несколько сотен бочек и громадных чанов. Против каждых 20 бочек жиротопни устанавливался в яме один громадный котел в сотню и более ведер. Под ним пылало яркое пламя. На топливо шел росший в избытке у берегов камыш. От котла тянулся жолоб вверх до реки или ильменя. На берегу женщины черпали ведрами воду и выливали ее в жолоб. «Но вот ловцы», рассказывает Данилевский, «на нескольких больших плоскодонных лодках — „рыбницах" — привозят богатую тоню выловленной неводами бешеники (от 250 000 до 30 000 шт.). Множество рук мгновенно приступают к делу; одни перекладывают рыбу в бочки и чаны, другие несут из котлов кипяток и наливают его ушатами на рыбу, третьи мешают в бочках „мешалами" обваренную рыбу, после чего выпускают воду из бочки через приделанный к ней кран. Операция обваривания повторяется три раза. После третьего раза воду уже не выпускают из бочки, а оставляют на сутки стоять. В другой части жиротопни одни счерпывают ковшами выступивший уже за сутки в бочках поверх воды жир и сливают его в особые бочки. Другие вываливают отстоявшуюся на дне гущу перепаренной рыбы и сваливают ее в реку или зарывают поодаль в глубокие ямы — спасительная и необходимая предосторожность, без которой и эти привычные к своему ремеслу жиротопы были бы вынуждены бежать отсюда».

Бешенки вылавливалось, однако, столько, что котлов для вываривания из нее жира нехватало. И жир поэтому из сельдей, как писал Бэр, вернее сказать, не вываривался, а выгнивался. Противный смрад жиротопен, распространяясь на большое расстояние, давал знать о близости их уже издалека. «Страшно вонючи волжские жиротопни», писал Бэр, «но едва ли возможно этого избегнуть, ибо жирные частицы освобождаются из рыбы только при полном ее разложении. Должно надеяться, что через несколько лет совершенно уничтожится жиротопление, на которое я не могу смотреть иначе, как на безумное расточение даров природы». Большая часть получаемого такого жира сбывалась в Москву в мыльные и кожевенные заводы, для разведения красок и для освещения. Опустошающий, по выражению Бэра, промысел этот давал ничтожный

16. Вид заведения для весеннего топления жира из бешенки на Сергиевском промысле.

доход — 11¾ к. с тысячи рыб, а между тем им с величайшим усердием занимались от устья Волги вплоть до Черного Яра в годы экспедиции на 128 жиротопнях, а 10 лет раньше даже на 228 жиротопнях. Они доставляли ежегодно до 60 000 п. жиру.

Уничтожением колоссальных количеств бешенки лишались источника питания и хищные рыбы, вследствие чего запасы их уменьшались из года в год. Курьезнее же всего, что, как открыл Бэр, эту же самую бешенку, яко бы не имеющую торговой ценности и негодную к пище, крестьянин Синюрин около Дубовки, за Царицыном, солил, после чего с большой для себя выгодой продавал на Украине (по 3 р. 71 к. за тысячу) под видом таганрогских сельдей. С таким фальшивым паспортом, пройдя длинный кружный путь, каспийские сельди охотно покупались в Чернигове, в то время как под настоящим своим именем и прямым кратчайшим путем в Великороссии они не находили сбыта. И виноватыми в этом оказались некоторые своеобразные повадки бешенки, заслужившие ей ее нелестное название. Бешенка во время метания икры нередко всплывает на поверхность воды и при этом кружится на одном месте, как будто бы бешеная, после чего издыхает. Люди, наблюдая такое странное поведение рыбы, решили, что она, действительно, впадает при этом в бешенство, и потому не принимали ее в пищу.

Бэр с присущей ему энергией поднял борьбу словом и делом с этим необоснованным, но тем не менее весьма распространенным по Волге взглядом, усердно пропагандируя посол бешенки для потребления ее в пищу взамен жиротопления. В 1854 г. он убедил, наконец, управляющего рыбными промыслами князя Долгорукова — Кожевникова — солить бешенку по способу голландских сельдей, научив его этому способу. Опыт оказался очень удачным. Бешенка в соленом виде не только не уступала обыкновенным сельдям, но при хорошем приготовлении даже мало отличалась от голландской. В результате, соленая в бочках, она, под названием астраханской селедки, начала быстро находить все возрастающий сбыт. В 1857 г. Бэр мог уже сообщить в своем окончательном отчете по экспедиции: «Мне пишут, что соление астраханских сельдей все более и более распространяется и что теперь даже астраханские казаки, упрямейшие защитники жиротопления, устраивают выхода,[1] дабы начать соление бешенки».

Позднейшие исследователи подтвердили выводы Бэра. В итоге работ Каспийской экспедиции 1904 г. Книпович при-

[1] Выход представляет собою вместе ледник и погреб, в котором солят выпотрошенную и уже распластанную рыбу и сохраняют ее от порчи.

знал, что главной причиной падения волжского сельдяного промысла является, несомненно, истребительный, непомерный характер его. «Волжская сельдяная промышленность», пишет Книпович, «пользовалась, так сказать, не процентами с капитала, а расхищением самого капитала». Указанная экспедиция Книповича, между прочим, установила, что далеко не все сельди, составляющие объект самого важного промысла, входят в Волгу для икрометания. Таков, например пузанок (*Clupea caspica*), который вовсе не связан исключительно с Волгой и размножается и в южной части моря, причем как в пресной, так и морской воде.

Однако другое мероприятие большого хозяйственного значения, предложенное Бэром на 2-м году экспедиции, не имело успеха. Тормозы на этот раз работали иные, и они характеризуют николаевское время едва ли не ярче, чем тормозы в деле с бешенкой.

Исследования экспедиции установили истинные причины упадка промысла частиковой рыбы на Каспии. Промысел стал нерентабельным из-за удаленности как мест сбыта, так и мест потребления частиковой рыбы. Несмотря на сильное соперничество извозчиков и дешевизну кормов, несмотря на дешевый водный транспорт, все же значительность расстояния приводила к тому, что на долю рыбопромышленника приходилась весьма малая часть из цены, которую платил потребитель.

Бэр предложил поэтому новый путь сбыта частиковой рыбы Каспия, путь, который окупил бы, по его мнению, с лихвой все расходы, а именно — снабжение русского флота соленой рыбой. Но интендантству, связанному круговой порукой с торговцами, поставлявшими флоту по дорогим ценам скверное мясо, мысль Бэра не понравилась, и его идею сумели ловко дискредитировать. Пока Бэр собирался сделать соответствующее письменное предложение Морскому министерству, кое-кто, узнав об этом его намерении, поторопился, без ведома Бэра и его контроля, послать партию заведомо плохо просоленной рыбы для пробы в Кронштадт, где рыбу нашли уже испортившейся. Напрасно возражал Бэр, что хорошо посоленная рыба портиться не должна, что иначе широко не употреблялась бы соленая треска в иностранных флотах и т. д. Предложение Бэра отвергли.

ГЛАВА III

КРАСНАЯ РЫБА В НИЗОВЬЯХ ВОЛГИ

Вся первая половина лета 1854 г. ушла у экспедиции на поездки вверх и вниз по Волге с целью проследить ход красной рыбы и определить места, где она мечет икру. Задача эта в отношении красной рыбы оказалась много сложнее, чем в отношении рыбы частиковой. Прежде всего приходилось считаться с почти полной неисследованностью жизни осетровых рыб. Тогдашняя наука изучала, и то только в известной мере, наружное и внутреннее их строение, почти совершенно игнорируя их образ жизни. В частности, ни люди науки, ни практики дела — владетели вод и рыбаки — почти ничего не знали о местах икрометания (нереста) каспийских осетровых рыб. При расспросах местные работники или отговаривались незнанием, или сообщали совершенно ложные данные. К последней категории неверных сведений относилось распространенное мнение в устьях Волги, что красная рыба мечет икру в глубинах Каспийского моря. «Этого взгляда», замечает Бэр, «кажется, вовсе не существовало здесь в прошедшем столетии. Породил это мнение просто эгоизм». Рыболовам ниже Астрахани важно было не пропускать красную рыбу вверх по реке и они преграждали ее устья. Рыболовы выше Астрахани, естественно, протестовали как во имя личных интересов, так и во имя интересов рыбного хозяйства. Они требовали свободного прохода рыбы для икрометания. Но рыбопромышленники с волжских низовий находили, что красной рыбе совершенно незачем для икрометания подыматься вверх по реке, так как рыба эта мечет икру в море. Правда, как замечает Бэр, не все, утверждавшие это, повидимому, этому верили. Внутренне убежденные в противном, они только из личной выгоды высказывали подобный взгляд.

Тщательное и всестороннее изучение вопроса привело Бэра к неопровержимому выводу, что красная рыба, действительно, входит в реки, подобно многим частиковым рыбам, для икро-

метания. Экспедиция, в основных чертах, установила сроки хода отдельных видов красной рыбы, протяженность их пути по Волге и места нереста каждой рыбы.

Выяснилось, что первыми в начале апреля появляются в Волге белуги — наиболее крупная красная рыба; они поднимаются выше Саратова, некоторые доходят даже до Костромы и дальше. После них идут вверх севрюги, но только немногие из них переходят за Саратов. Осетры следуют дальше севрюг, но все же не так далеко, как белуги. Что же касается стерлядей, то они встречаются по всей Волге до самых верхних ее притоков, даже в Белом озере и оз. Селигер.

Подымается красная рыба в реки мало-помалу, в течение нескольких недель, а не густыми косяками, как, например, бешенка. Здесь, в пресной текучей воде, в самых быстринах, на каменистых местах-грядах, осетровые породы и мечут икру. Первые удобные для метания икры места в Волге отстоят от моря более, чем на 500 верст. По всей Волге, как устанавливает Бэр, время икрометания красной рыбы почти одинаково — что для белуг, то и для осетров и севрюг. «Почему некоторые рыбы мечут икру на севере раньше, чем на юге, составляет еще „физиологическую загадку"», пишет Бэр.

Для возможно более детального ознакомления с процессом икрометания и развитием рыб, Бэр устроил в Сарепте особый садок. Садок представлял собою плоскодонную барку, снабженную отверстиями для проточной воды. Сюда посадили осетров в надежде, что они будут метать икру. Опыты, однако, не дали положительного результата.

Вслед за процессом икрометания экспедиция изучила возможно подробно и дальнейшую судьбу отнерестившейся красной рыбы. Оказалось, что, совершив свое далекое речное путешествие в целях икрометания, красная рыба, за редкими исключениями, возвращается в море. Все эти длительные передвижения по рекам, естественно, весьма опасны для рыбы. «Когда слышишь о необыкновенном количестве выставляемых снастей...», писал Бэр, «то едва можно постичь, как еще так много рыб проходит мимо них и как породы эти давно совершенно не истреблены».

Помогает им избегнуть истребления, во-первых, половодье. В эту пору течение выше Астрахани становится столь быстрым, что затрудняет рыболовство. Далее маскирует рыбу непрозрачность волжской воды. Но прежде всего, конечно, спасает красную рыбу от совершенной видовой гибели колоссальная плодовитость красной рыбы. Бэр, со своими помощниками, насчитал в одном небольшом осетре до 260 000 зрелых зерен икры, а в другом большом — до 664 000. Большие белуги должны заключать в себе несколько миллионов зрелых яиц.

Общий итог исследований 2-го года экспедиции в отношении красной рыбы оказался, таким образом, еще печальнее, чем в отношении рыбы частиковой. Выходило, что большой красной рыбы теперь ловилось меньше, чем прежде. Получалось соответственно меньше и икры. Общий запас красной рыбы в некоторых местностях на Волге и перед ее устьями, несомненно, уменьшился. Обеднение запасами рыбы шло пропорционально обмелению устья Волги и взморья перед устьями. Мели эти (россыпи) затрудняли красной рыбе вход в реки для икрометания. Необходимо поэтому, заявляет Бэр, начать решительную борьбу с обмелением волжских устьев. Следует периодически углублять их, как и устья других каспийских рек, например Эмбы. Польза этого мероприятия для рыболовства несомненна. Но проводить его надо организованно, общими силами заинтересованных в рыбном деле предприятий и лиц.

К сожалению, как раз стремления к общей работе ни у рыбопромышленников, ни у казны не наблюдалось. «Ничто так не доказывает», писал Бэр, «недостатка в согласии и единстве здешних владельцев и содержателей рыбных ловель, как то, что они не купили давно уже, на общий счет, чистительной машины, дабы сообща пользоваться ею, так как для каждого в отдельности починка и сооружение ее обошлись бы слишком дорого». Но едва ли не главной причиной уменьшения красной рыбы, по мнению Бэра, был излишний ее лов. «Собственно говоря», полагал Бэр, «лов красной рыбы в интересах дела следовало бы совершенно запретить как в устьях Волги, так и на некотором расстоянии от них, ибо эти места, как доказано и рыболовной практикой, наиболее опасны для красной рыбы. Можно предложить и другие, менее радикальные охранительные меры, например, если не запретить, то по крайней мере хоть ограничить лов красной рыбы в указанных районах. Важно только, чтобы эти меры выполнялись... Не слишком строгие охранительные меры, но совестливо выполняемые, гораздо действительнее самых сильных мер, остающихся без исполнения».

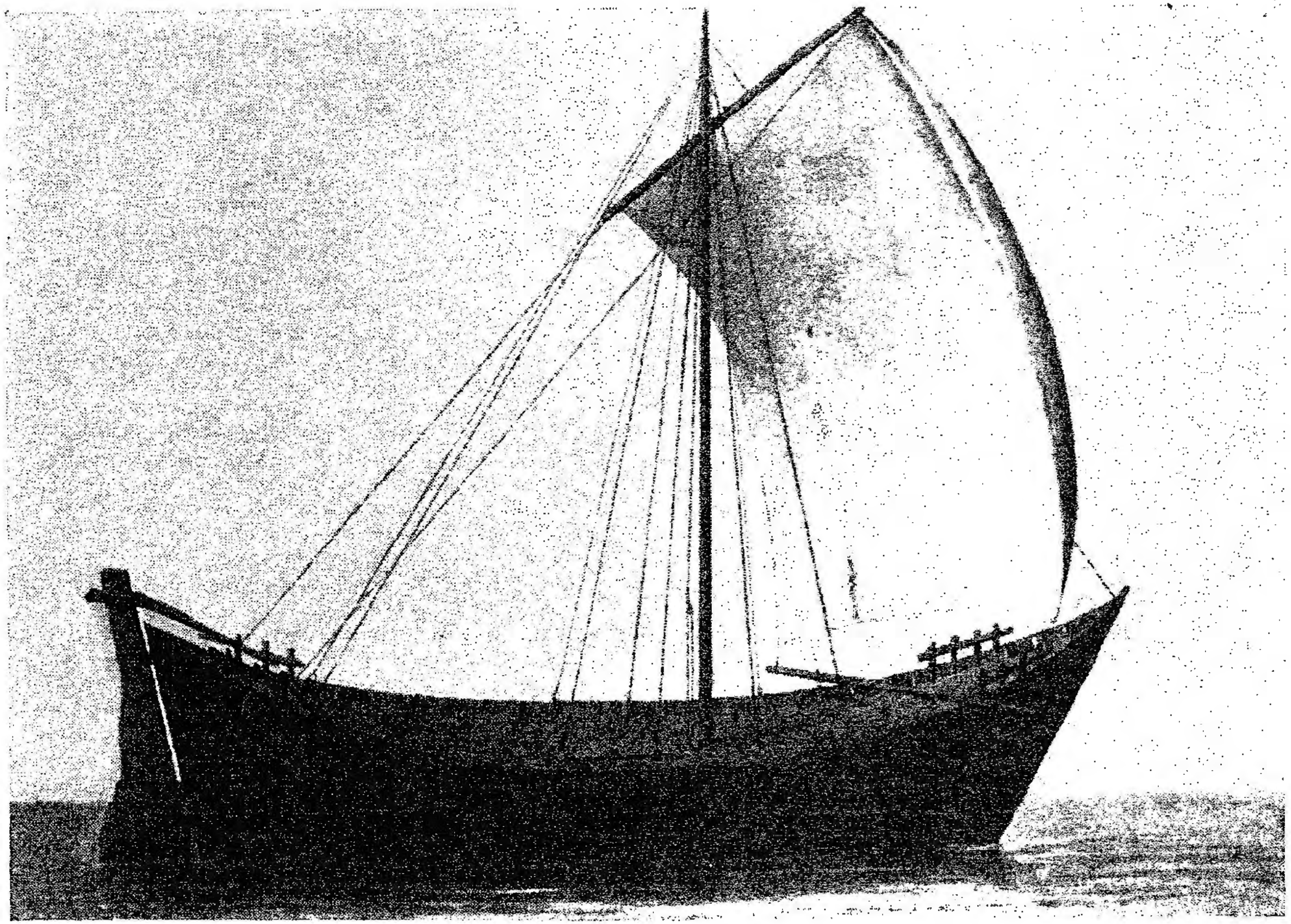
ГЛАВА IV

ЭМБИНСКОЕ РЫБОЛОВСТВО

При изучении рыбного хозяйства северного бассейна Каспийского моря, экспедиции пришлось обратить особенное внимание на состояние эмбинского рыболовства. «Об его упадке в течение уже нескольких лет говорили и писали как о предмете, не оставлявшем ни малейшего сомнения» (Бэр).

На пассажирском пароходе «Астрабад» экспедиция в первой половине августа прибыла на Мангышлак, в Ново-Петровск. Отсюда путешественники должны были отправиться на обещанном им отдельном пароходе в эмбинские воды. Но обещание оказалось невыполнимым. Все казенные суда мобилизовались теперь для других, более существенных надобностей. Они могли в любой момент потребоваться для переброски войск, для перевозки военного снаряжения и провианта. В эти исторические для России дни в соседнем с Каспийским Черном море, разобщенном от Каспия Кавказом, громадная неприятельская армада, в составе 34 линейных кораблей, 55 фрегатов и пароходов и более 300 транспортных судов, приближалась к крымским берегам. Она везла десантную армию в 62 000 французов, англичан и турок, вместе с 134 полевыми и 73 осадными орудиями.

Пришлось Бэровской экспедиции довольствоваться кусовой палубной лодкой, длиною в 3 саж. и шириною в $1^1/_2$ саж. (фиг. 17). В состав отряда вошли: Данилевский, Семенов и рисовальщик Никитин. Бэр и Шульц остались в Ново-Петровске. Как только кусовая, забрав провиант, снялась с якоря, задул на несколько дней противный и весьма сильный ветер, очень задержавший путешественников в море. В эмбинских водах встретились новые затруднения. Не только командир их судна, но даже и сами местные рыбаки, встреченные в этих водах, не могли указать в точности, где вливается Эмба в море. Сама же кусовая, на которой находились участники экспе-

17. Морская кусовая лодка (реюшка).

диции, по причине мелководья близко к берегу подойти не смела. Стали за справками ездить от одного рыболовного судна к другому в рыбацкой открытой лодке. Не получив никаких достоверных указаний от рыбаков, экспедиция начала сама искать устье Эмбы. Сперва путешественники целыми днями плыли в море в открытой лодке, но потом, когда пришлось от нее из-за мелководья отказаться, пошли пешком по морю и по наводненному на далекое расстояние берегу. Дно в этих местах, по словам Бэра, понижается столь медленно, что, собственно говоря, тут вовсе не существует настоящего берега. Граница между морем и материком зависит единственно от направления ветра. До членов Эмбинской экспедиции «ни один образованный человек», как писал Бэр, «не предпринимал в этот край затруднительной морской поездки, оканчивающейся путешествием пешком по воде».

Настойчивость все же привела к цели. Эмбу путешественники нашли. Устье ее оказалось весьма мелководным; вливалась Эмба в море только в середине лета.

Точно определив направление реки, члены экспедиции пришли к заключению, что при очистке устья оно не скоро бы занеслось волнами моря. В ближайшем соседстве с Эмбой экспедиция нашла лов довольно изобильным. «Неправильно представляют в Астрахани и даже в Петербурге», писал в связи с этим Бэр в своем отчете, «эмбинское рыболовство совершенно упавшим». В залив Мертвый Култук Данилевскому со спутниками войти не удалось. Никто не мог указать фарватера, который сделался весьма узким и извилистым. Местные рыбаки утверждали, что в Култуке больше нет никакой рыбы, годной для продажи. Только немногие казаки пробирались туда, как они уверяли, для собирания «выкинутого мертвого тюленя», на самом же деле для боя тюленей без разрешения.

ГЛАВА V

О-ВА КУЛАЛЫ И МОРСКОЙ. УСТЬЯ УРАЛА И ТЕРЕКА

В то время как Данилевский, Семенов и Никитин исследовали рыболовство северо-восточного берега Каспия, Бэр с Шульцем, покинув Ново-Петровск, направились к Тюленьим островам, на которых в прошлом году Шульц и Данилевский изучали тюлений промысел. На этот раз Бэра интересовало прежде всего определить высоту этих островов в связи с вопросом о колебаниях уровня Каспия.

Посещенные Бэром о-ва Кулалы и Морской состояли из песка и раковин и представляли собою, повидимому, наносы плавающих льдин, с тою только разницей, что Кулалы образовался раньше, когда уровень моря был выше, а Морской остров, повидимому, возник лишь в XIX в. на мели. Путешественники произвели нивелировку островов в целях выяснения вопроса о переменах в уровне Каспия.

Собственные наблюдения Бэра над здешним тюленьим промыслом привели его к заключению, тождественному с выводами в прошлом году его сотрудников. Тюлений промысел на Тюленьих островах падал. Тюлени уходили. Тюленебойщики обвиняли в этом пароходство, якобы напугавшее животных. Бэр же находил, что если кто разогнал тюленей, то были это не пароходы, а сами тюленебойщики, охотившиеся не только на тюленей, но и на птиц из ружей. Этой последней охотой тюленщики скрытно, но и усиленно на островах занимались. «Идя на пароходе», замечает Бэр, «часто видишь, как в недалеком от него расстоянии выныряли тюлени», они парохода не боятся. «Но тюлень, услыхавший выстрел, тотчас далеко уплывает». Не птиц стрелять, а рыбным промыслом следовало, по мнению Бэра, усиленнее заняться на островах в подмогу тюленьему промыслу. «Здесь с удобством можно завести

ватаги», доносил он в отчете: «это надо сделать уже потому, что вообще полезно содействовать организации ватаг на восточном берегу моря, где в зачатках они уже в большом числе существуют. Требуется только формальное дозволение их устраивать».

Возвратившись в Ново-Петровск, путешественники на товаро-пассажирском пароходе отправились к устью р. Урал, к г. Гурьеву, лежавшему на этой реке в 16 верстах от устья. Экспедиция обследовала дельту Урала. В Гурьеве, бывшем яицком городке, резиденции одно время Степана Разина, Бэр повидался с Григорием Силичем Карелиным (1801—1872). Бэру хотелось поговорить с этим отважным и талантливым натуралистом, исследовавшим малоизвестные восточные берега Каспия 20 лет до Бэра, в 30-х годах. Высланный в 1817 г. Аракчеевым из Петербурга в Оренбург, юный отставной артиллерийский прапорщик Карелин всецело предался в ссылке изучению естественных наук и вскоре стал выдающимся научным работником. Ряд проведенных им экспедиций создал ему славу разностороннего крупного ученого.

В 1832 и 1836 гг. Карелин руководил «Экспедициями для осмотра северо-восточных берегов Каспийского моря».[1] До Карелина ни один естествоиспытатель не посещал берега между Гурьевом и Старым Мангышлаком на протяжении слишком 900 верст. С давнего времени, как рассказывал Карелин, северо-восточные берега Каспия были страшны рыбопромышленникам по производившимся там морским разбоям. В 30-х годах немало судов рыбопромышленников разбивалось у этих берегов. Экипажи их умерщвлялись или увлекались в неволю. Разбойники отваживались нападать даже на большие суда. «В сих подвигах верными помощниками киргизов, а иногда и предводителями, были беглые матросы, солдаты... и всякого рода преступники...»

Карелину, когда его посетил Бэр, было 53 года, и он уже 15 лет жил безвыездно в Гурьеве. Из бесед с Григорием Силичем, оставшимся и в пожилых годах все тем же остроумным и жизнерадостным человеком, каким он был в молодости, Бэр почерпнул ценные сведения о местах икрометания и развития мальков красной рыбы на Урале, как и о величине здесь рыбного лова.

У Гурьева, по сообщению Карелина, убили белугу в 57 п. весу. Одна икра ее весила 7 п. По приблизительному подсчету Карелина, в ней содержалось 4 1/2 млн. икринок. Рыба была так велика, что ноги Карелина, когда он оседлал белугу, не до-

[1] На самом деле главной и секретной задачей экспедиции было отыскание места, удобного для постройки военной крепости.

ходили до земли. Очень заинтересовала Бэра поездка Карелина в 1824 г. по малоизвестной Эмбе на 100 верст вверх по реке. Уровень моря, по наблюдениям Карелина, опустился с той поры, что он знает Каспий, примерно, на 3 фт.

Рассказывал Карелин Бэру и о том, как безжалостно производят гурьевские казаки в «известном великими отмелями» заливе Мертвом Култуке «гонку» фламинго во время линяния этих птиц весною. Разыскав плавающих у берегов фламинго, промышленники отрезают им на своих бударках путь отступления к камышам и затем начинают усердно преследовать их, загоняя в открытое море. Птицы выбиваются из сил, и их перебивают либо веслами, либо палками, а то и еще проще берут живьем. Много рассказывал Карелин Бэру о своих прежних путешествиях по Каспию, русскому и китайскому Алтаю (целую зиму провел он в китайских владениях), по отрогу Алтайских гор — Тарбагатау, в пустынных ущельях которого водятся горные бараны-архары, о скалистых возвышенностях над степью — горах Улутау, богатых горным хрусталем и топазом.

Показал Карелин Бэру и богатейшие коллекции птиц и млекопитающих, собранные им во время его экспедиций (2900 шкурок и чучел).

Ночью с 1 на 2 октября экспедиция возвратилась в Астрахань из своего путешествия в северо-восточную часть Каспийского моря и сейчас же поспешила на небольшом, временно предоставленном ей, давно обещанном пароходе «Волга» к западному берегу Каспия, чтобы не упустить позднеосеннего хода рыбы в р. Терек.

В эти же дни в Крыму началась бомбардировка Севастополя, и с Малахова Кургана унесли смертельно раненого адмирала Корнилова.

«Я никогда не забуду», писал приятель Бэра Н. И. Пирогов, «моего первого въезда в Севастополь. Это было в позднюю осень, в ноябре 1854 г. Вся дорога от Бахчисарая, на протяжении 30 верст, была загромождена транспортами раненых, орудий и фуража. Дождь лил как из ведра, больные и между ними ампутированные лежали по-двое и по-трое на подводе, стонали и дрожали от сырости; и люди и животные едва двигались в грязи по колено; падаль валялась на каждом шагу; из глубоких луж торчали раздувшиеся животы павших волов и лопались с треском; слышались в то же время и вопли раненых, и карканье хищных птиц, целыми стаями слетевшихся на добычу, и крики измученных погонщиков, и отдаленный гул севастопольских пушек...» Лазареты, госпитали и бараки, присутственные места, училища и даже частные дома Севастополя, Симферополя, Перекопа, Херсона, Екатерино-

слава, Харькова и других городов были заполнены многими тысячами раненых и больных. Их перевозили в открытых санях при 20-градусных морозах за 400—500 и даже 700 верст, и они лежали в госпиталях с отмороженными ногами.

«Страшное это было время. Его нельзя забыть до конца жизни», писал близкий Бэру, так много сделавший для облегчения страданий защитников Севастополя, знаменитый хирург Н. И. Пирогов.

В то же время горцы, защищая во главе с Шамилем свою самостоятельность, повели особенно усиленную борьбу с русскими войсками на Кавказе. На восточном и юго-восточном берегу Кавказа, граничившем с Каспийским морем, было кое-где также неспокойно. Туда, на юго-западный берег Каспия, направлялась ранней весной 1855 г. экспедиция Бэра.

ГЛАВА I

САЛЬЯНСКИЕ ПРОМЫСЛЫ

С театра войны до экспедиции доходили тревожные вести. Войска союзников двигались по Черному морю на восток, высадились близ Керчи (12 V 1855), вошли в Азовское море и стали производить нападения на прибрежные населенные пункты, истреблия запасы, предаваясь грабежам. В Крыму шла жестокая война «в крови, в страданиях, в смерти». [1]

С первым же отходившим пароходом Данилевский, Шульц и Никитин двинулись в далекий морской путь, минуя Дербент и Баку, к устью р. Куры, на сальянские рыбные промыслы. На «Божьем промысле», знаменитой сальянской ватаге, уже цвели в это время фруктовые сады и цветники. На Волге же, когда члены экспедиции покидали Астрахань, держался еще кое-где лед. В порту вся прибрежная полоса воды была покрыта льдом. Проламывая и расталкивая лед, путешественники добрались в катере до маленького парохода. Ему надлежало доставить членов экспедиции на взморье, к почтовому пароходу.

Приняв пассажиров, пароходик было заворочался, но, затираемый льдом, перестал слушать руля и двигаться. Только употребив завозы, путешественники выбрались на фарватер. Потянулись однообразные, мертвенные берега волжских низовьев. Ближе к морю виды несколько пооживились. На якорях стояли большие палубные лодки — кусовые. В середине их помещались большие чаны для мелкой живой рыбы — приманки белуги. Бойко шли, иногда почти не отставая от парохода, косные — легкие, с зонтом, лодки на 6—10 весел. На берегу стали показываться ватаги. Перед калмыцкими кибитками толпились задымленные калмыки и нагие их ребятишки. На отмелях сидели бакланы и пеликаны, на языке промышлен-

[1] Л. Толстой. Севастополь.

ников — «бабы» и по поверью их — предвестники погоды. Если пеликаны кружились в воздухе с сильным криком, это обещало, как говорили рыбаки, сильный ветер. Тихий в прямом направлении полет птиц предсказывал умеренный ветер.

На одной из «россыпей» пароходик, конечно, сел. Путешественники, перейдя на катер, подошли к дер. Оле, где пересбрались на маленькие, едва сколоченные востроносые лодочки — бударки. Но и на них далеко не ушли. Встретились сперва со льдом, который пришлось проламывать, а дальше стало так мелко, что и бударки сели на дно. Еле добрались на плечах матросов до берега Бирючьей косы. На бесплодной почве из ракуши, плотно сцементированной глиной, стояли брандвахта, таможня, поодаль казармы для карантинной стражи и, наконец, сам роковой карантин, обведенный рвом. В карантине недавно погибали чумные, а теперь умирали холерные. У карантинной стражи путешественники переночевали.

На утро задула моряна. Воду нагнало на 2—3 фт. Можно было итти на катере. Однако, чтобы добраться до него, пришлось сперва въехать на долгуше, запряженной лошадью, в воду, а потом пересесть на бударки, которые и подвезли к катеру. Быстро понеслись в нем участники экспедиции до нового очередного препятствия — Ракушиной мели. Россыпь эта оказалась сплошь покрытой льдом. Следовало опять проламываться. Гребцы стали у носа колоть лед, а пассажиры раскачивать катер, вставая и ударяясь об его бока. Все же добрались до маячившего вдали большого почтового парохода. Прошли на нем Петровск, Тарки, Дербент, Баку. Пересели с парохода против устья Куры на плоскодонные лодки. С большим трудом, среди многочисленных мелей, проникли, погружаясь на лодках в ил берегового мелководья, в один из рукавов Куры. Поднявшись на веслах вверх по реке, вышли на берег у ватаги знаменитого «Божьего промысла». Здесь, в центре всего сальянского рыболовства, ловилось ежегодно от 1000 до 1200 белуг, от 20 000 до 30 000 осетров и от 150 000 до 200 000 севрюг. К этому присоединялось еще до 90 000 сомов. «Сомневаюсь», сообщал Бэр в своем очередном отчете, «чтобы гделибо в целом свете существовал отдельный пункт, на котором получался бы столь огромный доход от рыболовства, как на «Божьем промысле».

Берега Каспийского моря в Закавказье и р. Кура были на откупу у частных компаний. Прежняя компания платила за «Божий промысел» в казну 170 000 р. в год. Через 8 лет, за возобновление права на него, та же компания предлагала 261 000 р. и все-таки должна была уступить его другому откупщику, который обязался платить 312 000 р. в год и сверх

того содержать на свой счет больницу (расход от 300 до 4000 р. в год).

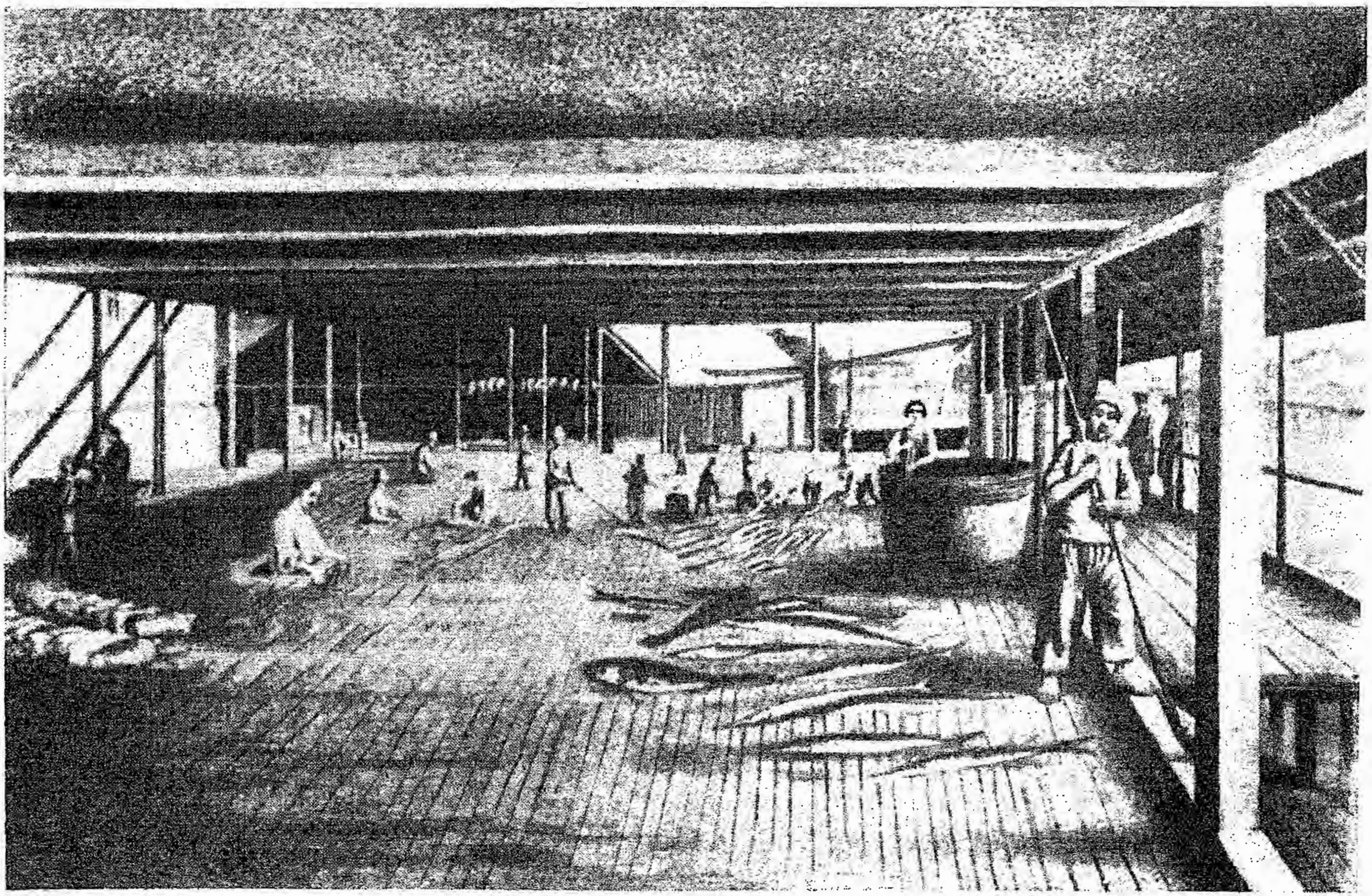
Вскоре после приезда на «Божий промысел» Данилевского, Шульца и Никитина прибыл сюда из Петербурга и Бэр, в сопровождении нового его помощника по естественно-исторической части, учителя естественной истории астраханской гимназии Вейдемана, взамен уволившегося Семенова. Бэра досадно задержало в пути донельзя произвольное движение пароходов по Волге. Расписание пароходных рейсов совершенно не выполнялось. С пассажирами на волжских пароходах отнюдь не считались, так как они представляли статью не только бездоходную, но и убыточную. Деньги давали только «фрахты», и потому движение пароходов находилось в полной зависимости от поступления грузов.

Теперь экспедиция в полном составе приступила к систематическому изучению «употребляемых на сальянских промыслах способов лова, приготовления и отсылки рыбы, а также приготовления икры».

Ватага «Божьего промысла» представляла собою нечто в роде небольшого городка, лежащего среди обширной солончаковой степи, в 14 верстах от устья Куры. Здесь стояло несколько сотен строений разного назначения — жилища для рабочих и служащих, амбары и магазины для рыбного товара, необходимых орудий для лова и припасов. Приятное впечатление производили фруктовые сады, цветники, беседки, павильоны. В последнее время улучшение жилищ и насаждение деревьев, как сообщал Бэр, привели к некоторому ослаблению лихорадки, свирепствующей на «Божьем промысле», как и во всей долине р. Куры.

«Дорога от моря к промыслу», рассказывает Данилевский, «идет сначала степью нагою, бесплодною, как вообще все прибрежье Каспийского моря. Беспредельная синева неба сливается вдали с безграничными степными пространствами. Глазам нет никакой точки опоры. Разве только одиноко торчащий отрог какой-нибудь песчаной горы займет взор на минуту, но и он, постоянно торча перед глазами, утомит донельзя. Палящий зной и удушье воздуха заставят путешественника вскоре забиться в угол экипажа...

«Визгливый лай полдюжины собак выводит подъезжающего к ватаге из размышления или сонного состояния. Стадо тощего скота плетется мимо его экипажа. Из кочевых кибиток высыпают навстречу приезжему нагие ребятишки и женщины в лохмотьях. За камышевой оградой, границей промысловой ватаги, тянутся прямыми линиями выштукатуренные и выбеленные домики с номерными дощечками и надписями: казарма, больница, контора и пр. и пр. Они стоят здесь недавно. Пре-

18. Внутренній видъ пріемнаго плота на «Божьемъ промыслѣ».

жде здесь ютились лачуги — гнезда никогда не прекращающихся злокачественных лихорадок и поносов с громадной смертностью...

«По дороге к ватажным заведениям слух путешественника поражается резкими криками постоянных пернатых хищников ватаги — ворон и чаек-мартышек. Они вьются в воздухе, преследуя друг друга из-за жирного кусочка. Их гамом почти заглушается в весеннюю пору щебетание многочисленных временных гостей ватаги — ласточек и скворцов. Но это только приготовление для слуха к тому человеческому крику и шуму, стуку и грохоту, которым подвергнется ухо в дальнейшем. Вообще три органа чувства — зрение, слух и особенно обоняние — утомляются донельзя при осмотре ватаги. Мы подошли к плоту. Это — помост на сваях, с крышей и боковыми стоками. В главном помещении принимается и режется рыба, в других отделениях плота приготовляется икра, вязига, клей, а на некоторых плотах производится и соление рыбы... (фиг. 18).

«Массы живой, бьющейся, убиваемой и распластываемой на части рыбы навалены на всем протяжении пола, деятельность сотен рук, неумолкаемый крик, стук багров и секир, беспрестанное шумное передвигание огромных рыб, наконец, визг, сопровождающий выжимание вязиги, и чмоканье ног по покрытому слизью и кровью полу — все это оглушает и поражает сперва настолько, что мозг осознает только одно — громадность промысла. Но скоро замечаешь, что вся эта, казалось бы, беспорядочная деятельность совершается планомерно, что у всякого тут своя работа, которою он исключительно занят...

«К плоту приближаются лодки, они пристают к досчатым наклонным скатам — волокам. Ловцы баграми бросают красную рыбу на волок. Двое работников на плоту подхватывают ее длинными баграми и железными крюками на веревках и втаскивают ими рыбу на плот, складывая ее в ряды.

«Опорожнив таким образом одну лодку, они принимаются за другую, ее заменяющую. В это время ловцы первой лодки вступают на плот и сдают свой улов плотовому приказчику. Число улова записывается в особую книгу на имя доставщика. Тот при этом обыкновенно недоверчиво поглядывает, почесывая затылок, на запись. Для неграмотного рыбака — это иероглифы, и они нередко расходятся с его расчетом. Между тем, израненную крючками и баграми да еще приглушенную ударом обуха рыбу переволакивают баграми, животом кверху, под секиру резальщика. Здесь ее ожидает окончательная казнь в буквальном смысле этого слова. Ловким и сильным взмахом топора навычный резальщик зараз отделяет громадную голову у самых жабер матерой белуги. Два-три судорожных дви-

жения хвоста говорят об издыхании рыбы. Не теряя времени, другой резальщик уже распарывает ей живот и вынимает из него мешкообразный ястык с икрой (яичник рыбы), потом вырывает внутренности и под конец ловко, одним движением, выдирает спинной хрящ, идущий на клей и вязигу. Далее резальщик пластает рыбу различным способом: одним — для крепкого соления впрок, другим — для приготовления балыка. В последнем случае рыба (севрюга, осетр, шип, лосось, белорыбица) режется на несколько продольных полос, которые потом солят и провяливают. Приготовление балыка на „Божьем промысле" достигало громадных размеров. Большая часть весеннего лова, приблизительно до 6000 шт. красной рыбы, шла на балыки...

«В то же время в икряное отделение беспрестанно приносят с плота ушаты, наполненные ястыками (яичниками рыб, наполненными икрой). Применялись различные способы соления для приготовления различных видов икры...

«Для получения зернистой икры ястыки вываливались на особые сита — грохоты. Они представляли собою деревянные рамы с переплетом из толстых ниток. Грохоты помещались на колодки или чаны. В грохотах ястыки с икрой слегка перетирались руками, отчего жировые перепонки ястыка оставались на грохотах, а цельные зерна икры падали через ячеи грохота в чан. Очищенную таким образом икру солили мелкой солью, размешивая ее руками. Затем икру откидывали на решето, чтобы стекла жидкость. Оставалось только уложить икру в липовые боченки, вмещавшие от 3 до 5 пудов икры. Готовился этот крупнозернистый сорт обыкновенно из белужьей икры. Для приготовления паюсной икры, икряные зерна, после отделения от перепонок, погружали на 5—10 минут в тузлук (насыщенный раствор поваренной соли), размешав икру с солью мешалками, переносили икру на решето. Тузлук стекал. Икру укладывали в рогожные кульки, прессовали их и укладывали в дубовые боченки, выстланные внутри салфеточным полотном, отчего икру эту называли салфеточной...

«В самом начале XIX в. паюсную икру приготовляли на сальянских промыслах несколько иным способом. Вынув из тузлука (свежего рассола) окрепшую икру, ее расстилали на лубках и ставили сушить на солнце, после чего складывали, пересыпая солью, в 30-пудовые бочки. В них икру, перед тем как заколотить бочки, старательно уминали ногами!

«Наконец, на плоту красная рыба почти вся убрана. Остались на полу только головы и внутренности. Все эти остатки красной рыбы просто бросали с плота в воду...

«С давних времен эти лакомые куски привлекали сюда целые полчища сомов. Почти целый год они пребывали около

ватаги в совершенной безопасности. Сомов ловили на „Божьем промысле" только зимою, в январе, „в убеждении, что в другое время их соль не берет". Вели себя поэтому сомы здесь необычайно смело. Из-за них промысловые жители не только отказались от разведения уток и гусей, но не отваживались даже сами в летний зной купаться в нижней Куре».

Привыкнув к ежедневным угощениям, эти речные акулы появлялись ко времени окончания работ в огромных количествах под плотом и около него. То там, то сям высовывалась на мгновенье из воды черная плоская голова или громадное плавило, или часть спины, а то взмахивал и хвост, производя круги на поверхности воды. Не будь вода так мутна, можно было бы видеть в ней целые стаи этих алчных речных хищников, достигавших громадных размеров. Между тем, остатки красной рыбы сдвигаются работниками все ближе к воде. Отдельные белужьи и осетровые головы скатываются уже в воду, соскользнул за ними и целый ворох внутренностей. Вода заколыхалась. Большие и малые головы вечно голодных рыб появляются поверх воды и схватывают падающие вниз головы на лету. Сплошная масса внутренностей, не успев погрузиться, расхватывается по частям. Но вот и вся грязная, громадных размеров, куча попадает в воду. И тут-то начинается в воде давка, давка неимоверная. Зияющие пасти высовываются одна за другой. Отбрасывая соседей, выдвигается вдруг один какой-нибудь гигант, чтобы с наполненной пастью уступить немедленно место новым жадным чудовищам.

Плот очищен. Сомы прячутся; волнение уменьшается, только кое-где над поверхностью воды показывается голова для поимки кружащихся жировых частиц и оставляет за собою расходящиеся круги.

Бэра не только поразило, но и возмутило это «прекрасное и вместе с тем ужасное зрелище». Он полагал, что «сомов прекрасно возьмет соль» и не только зимой, но и летом. Надо лишь завести на р. Куре ледники. О необходимости их устройства на Каспии, в местностях южнее Терека, он распространяется подробно в своих отчетах, о чем нам придется говорить еще дальше. Если бы сомов ловили здесь летом, то, по словам Бэра, они не только составили бы ходкий товар, но и способствовали бы умножению частиковой рыбы, ибо сом — рыба весьма прожорливая и хищная. Вместо того чтобы кормить их по два раза в день остатками с плота, нужно было бы только надевать эти остатки на большие крючки, спускать последние в воду на веревках и вытаскивать по несколько раз в день крючки с сомами.

Однако не все промыслы на Куре и по соседним берегам моря находились в таком положении, как «Божий промысел».

Некоторые места лова в этом районе были, к большому ущербу для населения, совершенно заброшены вследствие откупной системы. Все местные рыбные промыслы находились в руках одного откупщика, а он считал более выгодным для себя сосредоточить лов в нижней Куре и против ее устьев, обрекая на голод и нищету население выше по реке. Таким образом вверх пропускалось как можно меньше рыбы, и лов и надзор за ним не раздроблялись на несколько пунктов, что удешевляло откупщику дело.

При описании ватаг, Бэр неоднократно отмечает, между прочим, сильный и неприятный запах на их плотах, в особенности к концу весеннего лова. Плоты стараются содержать, как отдает должное Бэр, в чистоте, ежедневно моя их. Но старания эти не достигают цели, так как на большей части промыслов на плот доставляется ежедневно рыбы более, чем сколько успевают ее вычистить и посолить. «Если несколько тысяч, иногда до 55 000 и до 100 000, лещей пролежат ночь, то плот нельзя мыть: вытекающая из них слизь протекает в пол, так что обыкновенным мытьем нельзя уже вывести дурного запаха».

Вскрытия местной красной рыбы убедили Бэра, что для нее наступает время икрометания, и он решил установить места, на которых в Куре мечут икру осетры и севрюги. По полученным на промысле данным, нерестилища их начинались от Минчегаури, где р. Кура последний раз в своем стремительном беге прорывается через невысокий горный отрог. В Минчегаури Бэр и отправился по почтовой дороге.

Сведения относительно мест нереста оказались совершенно верными. Однако непосредственно наблюдать в реке у Минчегаури самый акт икрометания не удалось. Вода в Куре, несмотря на то, что давно уже начала спадать, была от примеси глинистых частиц мутнее, чем волжская вода в любое время года. Уже сквозь слой воды в три вершка толщиной не представлялось возможным что-либо различить, глубина же реки доходила до двух саженей.

Не пришлось организовать в Минчегаури Бэру и задуманных им опытов искусственного икрометания и оплодотворения икры осетровых. Здесь для этого не оказалось ни одного ручейка, ни одной речки, не нашлось ни парома, ни лодки, ни одного рыбака. Осуществить замысел Бэра удалось только через 57 лет А. Н. Державину. В 1913 г. он в Минчегаури произвел впервые оплодотворение икры севрюги. Примененный им на р. Куре в следующем 1914 г. метод отмывки икры водой со взвешенными в ней частицами ила значительно уменьшил при искусственном оплодотворении икры процент ее гибели.

Из Минчегаури Бэр спустился, на недавно появившемся здесь единственном пароходе, вниз по Куре. Узкая кайма живописных лесов тянулась по берегам. Леса могли расти здесь только постольку, поскольку солоноватая почва опреснялась рекой. Там и сям по берегам были разбросаны красивые татарские деревни. Через Шемаху, где Данилевский изучал архивные материалы сальянской опеки, Бэр по почтовой дороге вернулся на «Божий промысел».

Подробное непосредственное изучение сальянских промыслов, тщательная проработка добытых Данилевским с величайшим трудом статистических данных привели экспедицию к печальному заключению, что в этом богатейшем рыбном районе красная рыба идет на очень значительное уменьшение. И такой вывод являлся, по мнению Бэра, для местного рыбного хозяйства едва ли не роковым. «Я позволю себе напомнить», пишет он в отчете, «что на основании бывших доселе опытов в Балтийском и Средиземном морях должно заключить, что если в каком-нибудь ограниченном водовместилище улов красной рыбы значительно упадал, то возвышение его уже не удавалось».

Подходя к вопросу о причинах уменьшения красной рыбы на р. Куре, Бэр прежде всего отводит, как неверные, два предположения. Неправильно думать, что уменьшение рыбы вызвано недостатком кормов, так как ничто не указывает на истощение в здешних окрестностях запаса частиковой рыбы. Также неосновательны обычные жалобы на недавно введенное пароходство. Уменьшение рыбы здесь началось задолго до его введения. Да и всего-то ходит по Куре один, довольно редко появляющийся, пароход. Главная беда в сальянском рыболовстве и не в усиленном лове, а в почти совершенном перегораживании обоих рукавов Куры забойками, т. е. заборами во всю ширину реки для преграждения рыбе пути вверх по реке. Оттого мест икрометания достигает только немного рыбы. Вина и здесь лежит, таким образом, прежде всего на людях, совершенно не заботящихся о сбережении рыбы для ее распространения. При создавшейся обстановке Бэру пришлось ограничиться указанием на срочную необходимость некоторых наиболее доступных реализации мероприятий по усовершенствованию рыболовства на «Божьем промысле» и вообще по р. Куре.

Так, по словам Бэра, не хорошо, что здешняя соль столь грязна, что она скорее серого, почти черноватого, чем белого цвета. Между тем, известно, что голландцы обязаны отчасти славою своих рыбных произведений употреблению очищенной, так называемой рафинированной соли. Но недовольного грязной солью Бэра «успокоили». «Грязь соли смывается», разъяснили ему, «каплями жира, выступающими из балыка при его

провеске». Уложенный в арбу, столь своеобразно отмытый от грязи, покрытый жидким жиром балык люди утаптывали ногами в сапогах, в которых только что ходили по земле. Где уж тут было хлопотать Бэру о чистоте соли! Да, наконец, о чем было разговаривать — такой товар покупали. «Для введения большей опрятности при приготовлении товара», зло замечает по этому поводу Бэр, «нужны, конечно, покупатели, которые бы ценили товар. Поэтому, я думаю, что от соления балыка лучшей солью нельзя ожидать выгоды».

Наибольшей пользы для развития сальянского рыболовства Бэр ожидал от устройства больших ледников. Крайне изумило его, что южнее Терека нигде по берегам Каспия нет запасов льда. «Лето здесь слишком жаркое», поучали Бэра: «лед не может долго сохраняться». Однако же, по замечанию Бэра, во всей Италии держатся запасы льда или снега в продолжение целого года.

«А температуры почвы, от которой тут все зависит, там не ниже, чем на берегах Каспийского моря», притом доставка льда на берега Каспия гораздо легче, чем в Италию, где, за исключением северной части, надо добывать лед или снег с отдаленных гор. Вблизи наших и персидских прикаспийских городов лед и снег не только долго лежит на соседних горах, но его можно получать в огромном количестве для набивания ледников на больших судах с устьев Волги. Запасы льда, естественно, обеспечили бы лучшее сохранение рыбы и уменьшили бы количество соли, требуемой для просолки. Рыба поднялась бы в цене, ее не нужно было бы вторично пересыпать солью в Астрахани, и не приходилось бы бросать в воду тысячами испортившуюся соленую рыбу, что в то время нередко случалось на местных промыслах.

«Не худо было бы заняться», говорил дальше Бэр, «на „Божьем промысле" и ловлей миног. Около Елисаветполя некоторые ловят ее и посылают знакомым в Тифлис как лакомство и редкость, между тем как в низовьях Куры весьма жирных тамошних миног сушат, и в таком виде бедный класс народа жжет их вместо свечей». Бэр предлагал организовать «правильный лов этой весьма уважаемой в некоторых местах рыбы», указывая способ приготовления и маринования ее. Для ловли здесь миноги Бэр советовал ввести употребляемые в Нарве, нанизываемые на одну веревку воронкообразные приборы, сделанные из древесной коры, так как в обыкновенные сети минога редко попадается. Указание Бэра и в этом деле оказалось рациональным и жизненным. В настоящее время каспийская минога стала предметом довольно значительного промысла. В 1915 г. ее было поймано около 135 000 п. в Волге и в Куринском районе.

ГЛАВА II

ЛЕНКОРАНЬ

Занятия экспедиции на Куре продолжались до половины июня 1855 г., после чего Бэр с Вейдеманом отправились морем дальше на юг. Сперва они побывали на о-ве Лопатине в Кизилагачском заливе, где производился также значительный лов. Далее держали путь на о-в Сару и на приморскую ватагу Кумбаши. Выводы, к которым пришел Бэр при изучении рыболовства в только что пройденных водах, совпали с итогами прошлогодних исследований. Молодая красная рыба живет по преимуществу на небольших глубинах моря, там, где нет притока пресной воды, взрослые же, половозрелые особи стремятся в места, хотя бы и мелкие, но имеющие приток пресной воды.

Из Кумбаши путешественники сухим путем добрались до Ленкорани. «С самой северной части русского государства начал я», писал Бэр в своей автобиографии, «теперь привелось присоединить к ней самую южную». Ленкорань лежала на низком болотистом берегу Каспия. Бóльшая часть населения состояла из талышинцев. Живописные окрестности Ленкорани резко отличались от прибрежья Каспийского моря на север вплоть до Апшеронского полуострова. Кура текла по бесплодной солончаковой пустыне. Кто хотел ехать прямым путем из Сальяна в Баку — запасался на дорогу пресной водой. На больших расстояниях он не встретил бы по пути ни одного колодца с годной для питья водой. У Ленкорани же, почти параллельно узкому низменному берегу, тянулась высокая цепь восточного склона Талышинских гор, составляющих северо-западную оконечность Эльбрусского хребта. Вершины их безлесны и покрыты лишь лугами. Но к Каспию горы образуют множество отрогов, покрытых до самого низу лесной растительностью. За высокогорным безлесным поясом следуют тенистые буковые леса вперемежку с кленом. В густых нижних лесах, перевитых лианами, растет каштанолистный,

с вечнозелеными листьями, дуб и железное дерево.[1] П. Ф. Рисс, посетивший в 50-х годах эти непроходимые леса, писал: «Растительность везде роскошная; гигантские деревья, обвитые плющом, диким виноградом и множеством других вьющихся растений, принимают самые чудные, самые необыкновенные формы; растительная сила так велика, что иногда ветки разнородных деревьев, находясь в соприкосновении, срастаются и образуют натуральную прививку... В лесах — множество дичи: уток, фазанов, кабанов, оленей и пр.; из хищных зверей — неимоверное количество шакалов; водятся также гиены, волки, лисицы; тигры и барсы встречаются, но довольно редко».

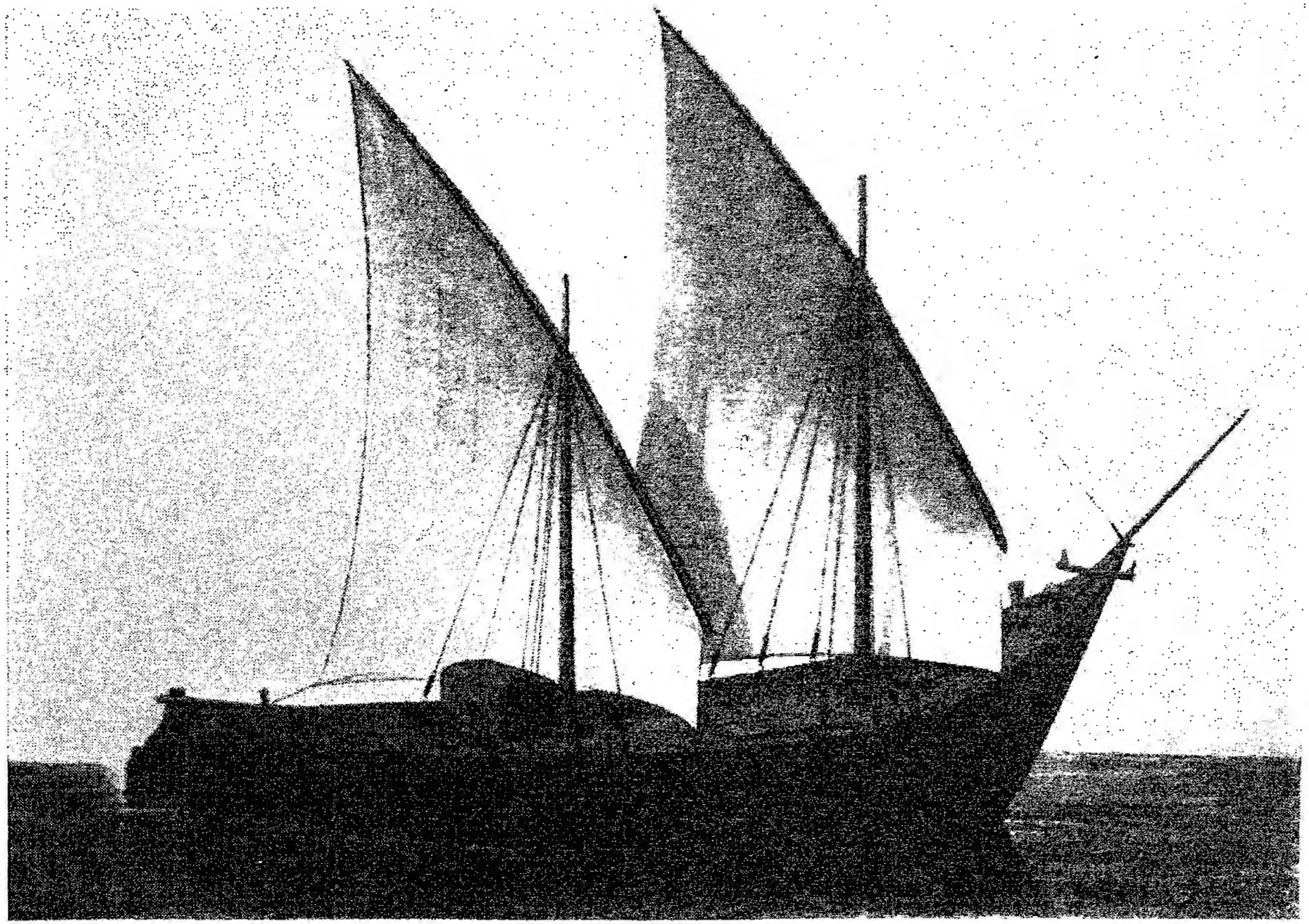
Множество мелких речек стекало с гор. Берега их, каменистые и обрывистые, были необычайно живописны. С обеих сторон деревья, растущие на самом краю, наклонялись над водою и, сцепляясь с одного берега на другой, составляли красивые аркады. В верховьях этих речек водились превосходные форели, а в низовьях ловилось много и другой рыбы. В прибрежной полосе виднелись затопляемые водой рисовые поля. Воздух отличался сыростью, ночью томили ужасная духота и комары.

Сильные, пенящиеся буруны нагромоздили у здешнего берега широкую дюну. Ее не могла прорвать ни одна из здешних мелких речек. Вода их скопилась перед дюной и образовала длинный пресный водоем, который имел только в одном месте у Кумбаши открытый сток в морс. Это так называемое морце частью заросло очень интересной флорой — водяным орехом и водяными папоротниками. Южный тростник достигал в морце вышины более 10 фт. По мелководью в морце бродили, погружая голову в воду и роясь в илу своим высоким, толстым и перегнутым клювом, краснокрылые фламинго, горделиво шествовал среди тростников черный аист.

Морце представляло собою настоящий рассадник молодых рыбок, их тут водилось бесчисленное множество. Местами вся вода казалась от них черною. Кроме молоди, жили в морце и взрослые рыбы, питающиеся растительной пищей, например лещи. Они, в свою очередь, привлекали сюда хищных рыб — судаков.

В этом огромном естественном садке можно было при ловле рыб обойтись без невода. Один человек разъезжал в маленьком челноке и бросал круглую ручную сеть — малушку, диаметром в 1 саж. или немногим более. В несколько часов налавливалось рыбы больше, чем сколько один человек мог снести. Подобные мелкие, с неясными береговыми очертаниями,

[1] Древесина его плотная и твердая и по тяжести своей тонет в воде, откуда и название дерева.

19. Морской биржи.

скопления пресной воды, отделяясь от моря только песчаной дюной, находились и к югу от Ленкорани и простирались за русскую границу. Даже сам Энзелийский залив, как пишет Бэр, не что иное, как такое морце, только в увеличенном размере. Эти морца, подобно ильменям волжской дельты, являлись настоящими «детскими приютами» рыб. Они, по утверждению Бэра, только и спасали Каспийское море от уменьшения в нем частиковой рыбы.

К большому огорчению Бэра у него нашлось для работы в Ленкорани больше свободного времени, чем он сам желал. Бэр собирался сесть на первый прибывший в Ленкорань пароход для следования в Энзели — приморскую гавань у Решта, главного города персидской провинции Гилянь.

Но пристани в Ленкорани не существовало. Суда останавливались на открытом рейде, в полуверсте от берега. Пароход же, придя на ленкоранский рейд вечером, вместо положенных 6 часов, стоял на якоре всего только 2 часа, и экспедиция не успела доехать до парохода на местных плоскодонных лодках — киржимах (фиг. 19), как он уже ушел. Чтобы не терять даром 2 недель до следующего парохода, Бэр решил отправиться на киржимах до Энзели, но встретил единодушный отпор со стороны всех ленкоранских властей. «Кроме опасностей, которым вы себя подвергаете», говорили ему, «вы даже не выиграете времени. Нет никакой возможности доплыть на киржимах до Энзели ранее 2 недель». Пришлось отказаться от этого намерения и дожидаться следующего парохода в Ленкорани. Освободившимся временем Бэр воспользовался для различных экскурсий в окрестностях Ленкорани. Одну из поездок Бэр совершил в береговые горы Талыш, представляющие собой северо-западные отроги персидского Эльбрусского кряжа. Почти отвесные с восточной стороны, от моря, они только очень постепенно и немного спускались к западу, образуя персидское нагорье. Подымались экскурсанты на крутые восточные склоны и спускались с них на обратном пути верхом на «с виду жидких» лошадях, ступавших, однако, удивительно верно по ужасным тропам. Но «невозможно короткие татарские стремена» превращали Бэру верховую езду в мученье. Опираясь на них все время, при сильно согнутых коленях, старый академик натрудил больную ногу, вызвав повторно сильное ее воспаление.

ГЛАВА III

ПЕРСИДСКОЕ РЫБОЛОВСТВО НА КАСПИИ

Между тем, от Шульца и Никитина, посланных Бэром вперед в юго-восточную персидскую часть Каспия, пришли дурные вести. Посетив, согласно инструкции Бэра, русскую морскую станцию на о-ве Ашуре, у Астрабада, они заболели там сильнейшей «перемежающейся» лихорадкой и лежали сейчас у русского консула Гамазова, в г. Реште. Бэр, несмотря на свое положение «инвалида», направился в сопровождении Вейдемана с ближайшим пароходом к своим больным товарищам.

Прибыв в персидский портовый город Энзели, он осмотрел его бухту и признал ее, как мы уже упоминали, за «морце», т. е. «совершенно определенно береговое пресноводное озеро с протоком в море».

От Энзели он поднялся на лодке вверх на несколько верст по небольшой речке Перибазар. «Впечатления от этой поездки», вспоминает Бэр в своей автобиографии, «относятся к самым ярким и глубоким, которые я когда-либо во время моих путешествий получал... Нигде я не видел такого пышного развития растений в сильно нагретой воде. Приходилось без преувеличения продираться сквозь космы паникелий и нитчатые скопления наядовых. На берегу нас встретил величественный лес из высокоствольных гледичий и других деревьев. По ним вползали дикие массивные виноградные лозы, толщиною в бедренную кость, а иногда еще более крупные. Нередко они превышали даже вершины деревьев своими длинными парящими в воздухе гирляндами. Особенно теснился лес на берегах узкой реки, так что лодка шла точно в темной галлерее».

Высадившись на берег, спутники Бэра поехали в Решт верхом. Бэр же, из-за больной ноги, поместился в носилки. «Такой способ передвижения дал мне возможность», рассказы-

вает всегда жизнерадостный Бэр, «прекрасно изучить неровности нашего пути, который все время прорезывался маленькими канавками. Носильщики иногда так накреняли носилки, что я боялся из них выпасть. Все же въезд в Решт мне пришлось совершить верхом. Другой способ въезда, по мнению русского консула, совершенно исключался для правительственной экспедиции».

Больных Шульца и Никитина Бэр нашел в тяжелом положении. Особенно сильной лихорадкой страдал Никитин.

Он так переменился в лице, что его трудно было узнать. В Реште количество больных экспедиции умножилось. У самого Бэра (а ему было тогда уже 63 года) от поездок верхом, да еще по горам, да еще в татарских стременах, нога разболелась всерьез. Пришлось слечь и ему. Скрепя сердце, академик задержался у гостеприимного консула, поручив Данилевскому и Вейдеману отправиться верхом на поиски р. Сефид-руд. Там происходил важнейший в Персии лов рыбы. Русские суда туда вовсе не заходили.

Но не повезло и Данилевскому. Крепкий, дюжий человек вернулся с полдороги, заболев также лихорадкой в тяжелой форме. Таким образом только Вейдеману удалось добраться до Сефид-руда и ознакомиться с тамошними рыбными промыслами. «Мы же все», пишет Бэр про себя, Данилевского, Шульца и Никитина, «составляли настоящий лазарет в доме г. Гамазова, постоянно любезного и внимательного, несмотря на все беспокойства, которые мы не могли не причинять ему».

«Река Сефид-руд», рассказывал по возвращении Вейдеман Бэру, «образуется из соединения двух значительных рек, протекающих на всем их протяжении по гористым местам. Сам Сефид течет в горах целые 40 верст, после чего несется вниз в равнину. Лесистая и вместе с тем очень болотистая равнина эта расстилается вдоль всего персидского берега между горами и морем, представляя собой гнездо самых злокачественных лихорадок. По низине река протекает еще 80 верст. Дно реки здесь усеяно множеством округлых камней. В горных верховьях Сефид отрывает в своем стремительном беге куски скал, раздробляет и окатывает обломки и устилает ими все дно реки в ее последней, низменной части...

«Красная рыба, главным образом осетры, начинает подыматься вверх по Сефиду с начала марта. В апреле ловится осетров круглым счетом от 1000 до 1500 шт. и более в сутки. В мае количество их быстро уменьшается. В остальное время года улов рыбы незначителен...

«Рыбы, у которых икра созревает рано, мечут ее вблизи устья на грядах камней, большинство же рыб поднимается значительно выше, туда, где дно сплошь состоит из округленных

обломков скал. Часть рыб проходит в мелкой воде так далеко, что спины их уже не покрываются водой. Один местный рыбак сам видел, как у таких рыб вытекает икра. Рыбу били на реке попросту баграми, насаженными на длинные древки, — наудачу и наверняка. Такое ее было множество. Часть рыбаков стояла у берега, колотя воду беспрестанно баграми. Зацепив рыбу, они не поднимали ее прямо из воды из опасения, что она сорвется или сама жердь разломится от тяжести. Рыбаки тянули ее багром по воде к берегу и тогда уж снимали с крючка». Другая часть рыбаков разъезжала в кулазах — маленьких лодочках, выдолбленных из одного дерева, и «разводила» также баграми. Пойманную рыбу тащили за собою в кулазах к берегу, после чего таким же образом снимали ее с крючка багра.

И все же, несмотря на исключительное изобилие рыбы, и здесь слышались жалобы на уменьшение количества ее. Во всяком случае, серьезного упорядочения дело в этих местах, несомненно, требовало. Достаточно указать, что в год экспедиции (1855) на сефидрудских промыслах выбросили, за недостатком соли, около 10 000 пойманных севрюг и свыше 1000 выловленных сомов.

ГЛАВА IV

БАКУ

Путешественники, наконец, настолько окрепли, что могли, хоть и с трудом, ехать верхом. Экспедиция отбыла в Энзели и там, после томительного многодневного ожидания, села на первый почтовый пароход, шедший в Астрабад.

Побывав на Астрабадской морской станции, Бэр собрался на Трухменский берег, чтобы попытаться проникнуть в залив Гассан-кули в юго-восточном углу Каспия, на русско-персидской границе, а оттуда до устьев р. Атрек, впадающей в северную часть залива и населенной по берегам кочевниками-трухменами. Но начальник морской станции, несмотря на все расположение к Бэру и задачам его экспедиции, категорически отказался доставить Бэра на берег в виду волнения среди трухмен. «Трухмены еще недавно», говорил он, «ограбили русский купеческий шкоут и экипаж его взяли в плен». Ничего не оставалось другого, как возвращаться тем же пароходом назад.

Шульц и Никитин, еще не совсем оправившиеся от перенесенной болезни, поехали долечиваться в Астрахань. Данилевского Бэр командировал в Баку. Туда же позже направились, съездив предварительно в Ленкорань и на «Божий промысел», Бэр и Вейдеман. В Баку следовало выяснить причины весьма малых уловов рыбы. Все попытки устроить вблизи Баку ватаги очень скоро кончались неудачей.

Пароход вошел в дугообразный, изогнутый бакинский залив. На берегу стояла крепость. Около крепостной стены поднималась круглая «Девичья башня», предмет восточных легенд, обращенная впоследствии в маяк. Над крепостью шли, возвышаясь террасами, белые, с плоскими крышами, домики. Образуя как бы пирамиду, они венчались ханским дворцом красивой мусульманской архитектуры XV в. и соседней древней мечетью XI в. «С моря», писал в 1836 г. Карелин, «Баку имеет

вид треугольной шляпы, которой служит как бы султаном высокая, толстая башня, известная под именем „Девичьей". За ней поднимается довольно возвышенная, раздвоенная гора, называемая „Бакинскими ушами". Город выходит амфитеатром; все дома с плоскими крышами уподобляются длинным рядам лож». Грудь не могла здесь надышаться «благорастворенней-шим» воздухом. Персияне называли Баку «своей душой». Для русских астрабадских крейсеров Баку служил в те времена санаторией. Часто, изнуренные лихорадкой, моряки приезжали сюда из Астрабада и в неделю поправлялись. Тогда еще нефтяные богатства Баку почти не находили никакого применения. На берегу моря не существовал еще Черный город с густым черным дымом многочисленных нефтяных заводов. Нефть, правда, добывалась, но в самых незначительных количествах и самым первобытным способом. Она выкачивалась из простых колодцев бурдюками, т. е. кожами животных, смазанных нефтью же. Это было еще до того, как Менделеев, Бейльштейн и Морковников положили своими научными работами основание делу рационального использования бакинской нефти, время до Нобеля и Ротшильда, захвативших впоследствии более, чем на полвека, все нефтяные богатства Баку.

Однако прелесть первого впечатления от Баку совершенно пропадала при входе в самый город. Путешественники пробирались между стенами без окон, по двое в ряд, не больше. Третий уже не поместился бы. Над собой они видели только полосу неба, а под ногами — грязь.

Во время пребывания в Баку Бэр совершил несколько поездок в море, причем посетил не только соседние, но и более отдаленные острова.

Бедность моря рыбой объяснялась прежде всего отделением отравлявших воду нефти и горючих газов в этой части моря. «В Баку каждому известны», писал Бэр, «несколько богатых ключей черной нефти, находящихся в море. Почти столь же известно, что далее города и несколько глубже в море есть место, на котором из глубины 3 саж. подымаются пузыри газа пятью сильными и почти бесчисленными слабыми токами. Академик Абих в первый раз зажег этот газ, и с тех пор опыт часто повторяется. Вместе с газом выходит на поверхность и белая нефть. Вблизи этих газовых истечений, которые мы весьма часто посещали, нельзя было найти ни одного плавающего живого существа. Между лежащими на дне раковинами также не было живых, что, очевидно, происходит оттого, что эти газы и сильно пахучая нефть неблагоприятны для животной жизни. На еще большее пространство действует черная нефть. Заключающиеся в ней жирные и пригорелые вещества долго остаются на поверхности воды, образуя на ней как бы

тонкую перепонку». Но существовала, по мнению Бэра, и еще другая, более общая причина редкости рыбы в бакинских водах. Она заключалась в почти полном отсутствии притока пресной воды в здешнее море.

Ознакомился Бэр в Баку с богатыми нефтяными колодцами, с опустившимся под воду каравансараем, проехался верхом и в глубь страны, причем в пути его внезапно захватила сильная буря. Посмотрел Бэр и на так называемые «вечные бакинские огни». Там стоял монастырь, где жили огнепоклонники. Прежде в монастыре «спасалось» до 80 отшельников, но монастырь разорился, «братия» перемерла, новые не приходили, и во времена Бэра в монастыре остались всего два монаха — желтолицые, худые, босые индусы. «Они производили жалкое впечатление. Один из них уже несколько лет исполнял положенный на себя обет нечесания волос, и потому можно судить», пишет Бэр, «в каком состоянии находилась его голова, другой тоже, кажется, не чесался, но уж так, без искуса».

Во второй свой приезд в Баку в 1856 г. Бэр присутствовал, вместе со всеми высшими каспийскими властями и их женами, так же как и с писателем Писемским, на богослужении бакинских огнепоклонников. В центре монастырской площадки стоял главный жертвенник — что-то вроде каменной, на четырех столбах, беседки. Один из индусов принялся зажигать огни; сначала он бросил огня на пол беседки, и пламя вспыхнуло, потом поднес на длинных шестах огня к верхушкам столбов, и те запылали.

Далее, именитое общество: адмирал, губернатор, уездный начальник и их дамы, вместе с Бэром и Писемским, — отправились на богослужение в моленную огнепоклонников. В небольшой комнате с купольным сводом, в одном углу ее, стояли колокольчик, раковины, вода в чашечке и медные истуканчики. «Я взял одного из них», рассказывает Писемский, «и спросил индуса, что он изображает. — „Баба-Адам", отвечал он. — „А другой?" — „Абель". — „А этот третий?" —„Дьявол". — Словом, пустынножитель, не зная сам хорошенько, болтал мне, что только пришло ему в голову». Индусы стали раздеваться, так как по их закону совершать молебствие им надлежало нагими, но начальство, в виду присутствия дам, запретило им, как пишет Писемский, «выполнение этих подробностей». Пришлось молиться одетыми. Начали монахи с того, что в нескольких местах зажгли проведенный в трубочки газ; один из индусов сел на корточки, что-то зачитал, потом покадил, потом позвонил в колокольчик, в то время как другой, понурив голову, бил в тарелочки. В моленной, между тем, стало невыносимо жарко и душно. «Будет!» сказал, махнув рукой, уездный начальник, сам задыхавшийся и заметивший, что все

посетители побледнели до обморока. Молебствие прекратилось.

Среди темной ночи сановная экскурсия подъезжала к Баку, богато иллюминованному по случаю приезда начальства. По горе извивались разнообразными линиями огни, по дороге стоял народ с зажженными факелами из нефти. «Каково бакинцы торжествуют!» заметил Писемский. — «Это им дешево стоит, всего девять целковых», ответил один из губернаторской свиты. — «Девять целковых — тысячи огней! в Петербурге переулка не осветишь на эти деньги! Что бы сделали и каких бы фабрик настроили здесь англичане, имея под руками даровое топливо и освещение», подумал Писемский. Иностранные капиталисты, совместно с отечественными, здесь впоследствии, действительно, и поживились.

ГЛАВА V

ВЫСОКОГОРНОЕ РЫБНОЕ ОЗЕРО ГОКЧА

По плану экспедиции следующим важным этапом ее значилось изучение наиболее значительного в закавказской Армении оз. Гокча, «знаменитого», как писал Бэр, «разнообразием пород превосходных форелей».

Гокча, одно из самых больших альпийских озер в свете, лежит на высоте 6340 фт. над ур. м. Обширная котловина, в которой находится озеро, окружена со всех сторон высокими скалистыми, лишенными растительности горными кряжами, состоящими по большей части из массивных вулканических пород. Со склонов гор в озеро стекает до 28 речек.

Пресная вода озера, несколько жесткая, вполне годна для питья и отливает синевато-зеленым цветом, вследствие чего озеро, вероятно, и получило свое название (в переводе — синее, зеленое).

Бэр очень заинтересовался этим горным озером, между прочим, по следующей причине. Монахи уединенного монастыря, находившегося на Гокчинском острове Севанга, не только рассказывали об огромном количестве рыбы в озере, но и распространяли повсюду поверье, что каждый месяц в озере появляется новый вид рыбы, а прежние исчезают. Последнее утверждение, по сообщению Бэра, как и следовало ожидать, оказалось неверным. «Басня эта поддерживалась монастырем только для того, чтобы сохранять славу о чудесах края». На самом деле, как установил Бэр, в озере постоянно жили только 4 вида форелей. Все они встречались только в Гокче и Гокчинском бассейне. Во время икрометания они принимали различные цвета, метал же икру каждый вид форели в различное время года, последовательно один вид вслед за другим. Люди в озере ловили только ту рыбу, которая шла в речки для икрометания, и потому, естественно, во всякое время ловили только один вид или много два вида. Это и послужило

основанием поверью, что в Гокче появляется всегда только один вид, прочие же до срока исчезают. «Монахи Севангского монастыря», пишет Бэр, «округлили и пополнили этот чудный рассказ, присоединив к породам рыб Гокчинского озера несколько видов из окрестных мест, и таким образом насчитывают как-раз 12 видов разных рыб, по числу 12 месяцев в году. С тех пор как русские поселенцы начали ловить в озере сетьми и вытаскивать разом несколько пород рыбы, рассеялось все чудесное Гокчинского озера... Несмотря на то, армянское духовенство поддерживает прежнее поверье с той же настойчивостью, с которою утверждает, что никто еще не всходил на Арарат, хотя генерал Ходзько с целым отрядом казаков провел более недели на вершине этой горы».

Зато сведения о богатстве Гокчи рыбою оказались верными. Изобилие рыбы и простота способов лова превзошли ожидания академика. В доказательство он приводит, между прочим, следующий курьезный факт. В озере, кроме лососевых, водились карповые рыбы. Один из видов карповых (по-русски храмуля) весною входил в массах для метания икры из озера в небольшую речку Чубухлы. В 1838 г. около этой мелководной речки стояло лагерем полроты солдат. «Когда солдаты увидели», рассказывает Бэр, «как эти рыбы теснились в реку, то некоторые из них побежали за ведрами, а по недостатку их другие ловили рыб просто руками, пока одному из солдат не пришло в голову снять штаны, перевязать ножные концы их и верхним открытым концом ловить рыбу. Его примеру последовали другие, и таким образом в короткое время наловили рыбы более, чем весь отряд мог ее съесть и посолить... Другие реки шире и текут по чисто утесистому дну, усеянному множеством больших и мелких камней. В такие речки входят форели. Их ловят, перегораживая эти реки каменными плотинками. Пространство между ними вверх по реке постепенно суживается и оканчивается небольшой камерой, из которой вычерпывают рыбу простым черпаком. По плотинкам устраивают также небольшие искусственные водопады, а под ними ставят корзины. Рыбы, стараясь перепрыгнуть через такие искусственные водопады, часто сами попадают в расставленные корзины, так что рыболову остается только труд уносить их к себе. Вот простые приемы тамошней рыбной ловли. До заселения русских деревень по берегам этого озера, что началось около 15 лет тому назад, сети и даже лодка были там совершенно неизвестны».

Ознакомившись с характером озера и его населением, Бэр высказался за пересадку в озеро сазанов и лосося. Кроме того, он предлагал устроить в окрестностях озера ледники, чтобы отправлять рыбу в свежем, более ценном виде в Тифлис.

3 недели пробыли путешественники на оз. Гокча, питаясь только форелями. Потом они совершили небольшую поездку в Эривань, а оттуда в Эчмиадзинский монастырь. Полюбовались Араратом «во всей его красоте», но отдать ему визит не решились.

В половине октября экспедиция прибыла в Тифлис для ознакомления с рыболовными архивами и рыболовством на верхней Куре. «Эта река течет около Тифлиса так стремительно», пишет Бэр , «что ни лодки, ни невода на ней использовать нельзя». На Куре поэтому, как и вообще в горных реках Армении и Грузии, применяли другие способы лова, чем в равнинной России. Там основой всего рыболовства служил невод, а за ним шли в ход уже другие сети; здесь, в горных странах, их место заступали плотинки и разного рода загородки. «В магометанских же землях», писал Бэр, «употребительнейшим и, вероятно, первоначальным орудием лова крупных рыб являлся багор. Сами русские удивлялись ловкости, с которою трухмены, татары и персияне его употребляют».

Требования на рыбу в исследованных экспедицией горных странах были чрезвычайно велики. «Мы имели случай», пишет Бэр, «наглядно познакомиться с наклонностью грузин к рыбной пище еще до нашего прибытия в Тифлис, остановившись у Красного моста на р. Храм. Духанщик, т. е. содержатель харчевни, торгующий разными мелочными товарами для низшего класса народа, преимущественно же съестными припасами, раскинул здесь свою лавку. В те времена года, когда теплота становится умеренной, хотя все еще довольно чувствительной, он варит каждое утро большое количество рыбы и раскладывает на большой широкой доске, рассчитывая наверное, что проходящие караваны раскупят у него этот недолго держащийся, но лакомый для них товар прежде, чем он успеет испортиться...

«С уверенностью можно сказать, что едва ли в какой-либо другой стране станут продавать вареную рыбу вне города или деревни, в глухой степи, не имея даже по соседству какого-либо жилья».

Этой большой потребностью в рыбе умели пользоваться хитрые городские торговцы. Они производили продажу рыбы так, чтобы покупатели не могли видеть, как велик запас рыбы, и не были в состоянии при покупке выбирать товар. На тифлисском базаре, перед каждой рыбной лавкой, стояли круглые деревянные блюда, наполненные водою, с живою рыбою. Уснувшая рыба тотчас же вынималась и помещалась на небольшую доску, ибо ей цена другая. По утрам на базаре, около этих лавок, особенно много толпилось народу. Из-за толкотни покупателю не позволялось долго задерживаться у прилавка и

выбирать товар, иначе, продавец попросту отнимал у покупщика без дальнейших рассуждений уже отобранные им для себя рыбы. Продавец, ведь, знал, что, и не будучи особенно вежливым с покупателями, он непременно продаст свою рыбу, даже и самую плохую.

Еще своеобразнее производилась в Тифлисе торговля гокчинской рыбой. Бо́льшая часть лавок с этой рыбой запиралась не настоящими дверьми, а забивалась досками. Продавец, открывая лавку, вынимал только одну доску, чтобы не быть задавленным множеством покупателей. В такую щель не мог пройти человек. Туда просовывалось столько рук, сколько могло поместиться с абазами (двугривенным) между пальцами. Продавец вынимал поодиночке эти монеты из протянутых рук и, вместо них, давал по маленькой связке с тремя гокчинскими рыбами; вслед за тем рука, получившая желанное, отдергивалась, и сам владелец ее тотчас удалялся со своей покупкой. Таким образом покупатели не могли видеть покупаемого ими товара.

16 ноября 1855 г. последовала сдача Карса, и в Тифлисе стали появляться военнопленные. Сначала прибыли англичане: генерал Виллиамс со своим секретарем Черчилем, полковник Лек, капитаны Тисдель и Томсон. Вслед за ними приехали турецкий главнокомандующий анатолийской армией и турецкие генералы и офицеры.

В эти дни тифлисское, так называемое, «общество» веселилось по случаю прибытия в город чрезвычайного посла Персии, следовавшего из Тегерана в Петербург. Шли беспрерывные спектакли, обеды и прочие «развлечения с овациями». Но участие в них принимало, как пишет археолог и исследователь Кавказа А. П. Берже, понятно, только меньшинство; «в массе же населения слышались плач и стенания по поводу свирепствовавшего в то время в Тифлисе голода». Голод не был «следствием недостатка в Закавказском крае хлеба, которого, напротив, имелись большие запасы, а скорее являлся результатом ни пред чем не останавливающегося корыстолюбия монополистов. Благодаря действиям их голод достиг своего апогея; цены на пуд простой муки возвысились до 5 р. серебром, хлебопеки были вынуждены закрыть пекарни, и в среде низшего класса населения были случаи, что несчастные женщины с детьми бросались в р. Куру, предпочитая мгновенную смерть продолжительным и мучительным страданиям... Это плачевное положение дел продолжалось до исхода 1856 г.» (Берже).

В Тифлисе Бэр остановился у своего старого университетского товарища, генерала Рота, с которым он встретился на Кавказе после чуть ли не 40-летней разлуки. «Образованное сословие приветствовало Бэра», пишет Берже, «с уважением и

радушием..., к сожалению, нельзя было того же сказать о Муравьеве», бывшем тогда наместником Кавказа и главнокомандующим кавказских войск.

«По заведенному порядку», рассказывает Берже, «лица, приезжавшие в Тифлис, обыкновенно являлись к главнокомандующему... К. М. Бэр в один из приемных дней, сопровождаемый членами экспедиции, прибыв в дом главнокомандующего, был введен генералом Ротом в адъютантскую, где в то время находились еще три или четыре посетителя и между ними молодой прапорщик или поручик одного из кавказских полков.

«Лишь только часы пробили 12, как двери кабинета растворились и вошел Муравьев, тут же обратившийся к акад. Бэру, который стоял у самого входа.

«— Кто вы такой? спросил он.

«— Академик Бэр, был ответ.

«— А зачем вы здесь?

«Бэр объяснил.

«— Ну, извините, продолжал Муравьев, ничем не могу вам быть полезен; вы хлопочете о размножении рыб, а я — солдат, время военное.

«— Я с удовольствием помог бы вам, генерал, возразил маститый ученый, наклонив голову и разводя руками, да, к сожалению, слишком уже стар.

«Оставив Бэра, Муравьев обратился к другим присутствовавшим и, между прочим, к офицеру, которого тут же пригласил к обеду.

«Тем аудиенция и кончилась. На следующий день Муравьев поехал к Бэру с визитом: было ясно, что ему уже сообщили те сведения о знаменитом путешественнике, о которых он, к стыду своему, не имел понятия, но которые давным давно были известны всему ученому и образованному миру...»

«В одном, полученном мною впоследствии, письме акад. Бэра из Астрахани, куда он выехал 24 декабря», пишет Берже, «говоря о Муравьеве, Бэр называет его вандалом, применяя это слово как к его личности, так и к системе его управления». Далее Берже рассказывает: «Посвятив все время своего пребывания в Тифлисе науке, акад. Бэр встретил здесь более, чем ожидал, людей научно-образованных, и в особенности его поразило обилие книг по всем отраслям знания. „Тифлис", говорил он мне, „опередил в этом отношении многие губернские города империи"».

Между тем, наступало позднее время года. Пора было покинуть Тифлис, чтобы приехать в Астрахань, по возможности, еще до наступления зимы.

Надеждам этим, однако, не суждено было сбыться.

4-Й ГОД (1856). ЗАПАДНЫЙ БЕРЕГ КАСПИЯ и р. УРАЛ

ГЛАВА I

КАВКАЗСКИЙ ХРЕБЕТ. ПЕРЕЕЗД ИЗ ТИФЛИСА ВО ВЛАДИКАВКАЗ

Архивные материалы по рыболовству в Тифлисе (более 100 тетрадей, заключавших в себе не только списки об улове рыбы, но и счеты о покупке материалов и о продаже рыбного товара) оказались столь великими и ценными, что над ними пришлось посидеть очень долго. Детальным изучением их в течение нескольких месяцев занялся Данилевский. Бэр же решил перебраться вместе с Вейдеманом через Главный Кавказский хребет, по Военно-Грузинской дороге, на север для обследования терского рыболовства.

Однако неожиданно настала ранняя для Закавказья зима. Выпал большой снег, прекративший сообщение через Крестовый перевал (на высоте около 8000 фт. над ур. м.).

Только что расчистили путь через Крестовую гору, как произошел снежный горный завал. Почтовое сообщение прекратилось. Еще раз стали восстанавливать через перевал дорогу. Потом выжидали проезда путешественников и почты, скопившихся по ту и другую сторону перевала. Время стояло военное, и потому на почтовых станциях набралось народу исключительно много.

Наконец, в последних числах декабря Бэр с Вейдеманом, в сопровождении неизменного Петра, выбыли из Тифлиса, несмотря на снег, не на санях, а на двух, запряженных жалкими клячами, тарантасах. По другую сторону хребта ни в коем случае не следовало наверняка рассчитывать на санный путь.

Путешествие это, как пишет Бэр, изобиловало приключениями, характерными для отдаленных местностей Российской империи. Для поездки Бэр нарочно выбрал лунное время, дабы не прекращать пути в течение части ночи. Учитывя возможность непредвиденных остановок из-за военного времени,

Бэр с уверенностью мог надеяться на приезд к устьям Терека не раньше 1 января 1856 г., но уже, во всяком случае, не позже 10-го числа этого месяца. Однако и таким скромным надеждам не суждено было осуществиться. В первые же дни поездки начались многочисленные и длительные задержки. Лошадей нехватало и на перевозку причастных к военным действиям лиц. При этом большие чины и вельможи захватывали столько лошадей, что другим военным, не говоря уже о вольных, ничего не оставалось. Так, в одно время с Бэром по Военно-Грузинской дороге следовал только что отвоевавший с Шамилем в Кахетии молодой кахетинский князь и флигель-адъютант Д. А. Чавчавадзе, сын поэта Чавчавадзе и шурин творца «Горе от ума» Грибоедова. На каждой станции к его приезду заранее приготовлялись 24 лучших лошади, Бэр же не мог добиться и 5 «одров». На станции Апанаур смотритель впряг в один из тарантасов Бэра уже не лошадей, а быков. Тарантас этот, естественно, двигался медленнее и прибывал на каждую станцию на несколько часов позже тарантаса с лошадьми.

Особенно загромождали путь большие транспорты турецких пленных, офицеров и солдат, из турецкой крепости Карса, взятой 7 ноября 1855 г. русскими войсками. Апанаурская станция была забита офицерами всяческих рангов, требовавших неустанно лошадей. Среди них привлекал внимание один пленный турецкий генерал, везший с собою чрезвычайно много поклажи.

«Генеральские» комнаты станции занимали два пленных английских офицера с Кавказского фронта, и акад. Бэру посчастливилось поместиться, с их разрешения, в их прихожей. Англичане, узнав, кого они пустили к себе в прихожую, пригласили Бэра в генеральские комнаты и любезно с ним побеседовали. Старший из них, полковник, говорил, кроме своего родного языка, только по-французски, младший же, его адъютант Томсон, учился в Боннском университете в Германии, говорил свободно по-немецки и побывал до Турции в Индии. На этой станции Бэр ожидал $4^1/_2$ часа своего второго тарантаса с быками, а после его прибытия сидел 3 часа в прихожей у англичан, ожидая лошадей для своего тарантаса. Наконец, лошадей Бэру подали. Англичане, рассчитывавшие на них, очень разгневались. Но Бэр не мешкал и быстро уехал.

За 2 версты до Пассанаура везомый быками тарантас, в котором помещался Вейдеман со всеми научными пожитками, торжественно развалился. Экипаж пришлось бросить. Ничего не оставалось, как нагрузить другой, тоже не внушавший доверия, тарантас Бэра всеми аппаратами, коллекциями и книгами с Вейдеманом в придачу.

Прибыли путешественники в Пассанаур в 8 ч. вечера. Смотритель направил Бэра в генеральские комнаты, но они оказались на ключе. В них заперся жандармский поручик с женой. «Здесь спят», закричал он на стук. — «Я тоже в снегу лежать не буду», храбро ответил ему через двери Бэр и добился впуска. За все время пребывания Бэра в комнате жандармский офицер вел себя в отношении старика ученого столь вызывающе нагло, что Бэр послал на него жалобу тифлисскому коменданту. Впрочем, в ту же ночь в генеральские комнаты все равно набилась, к большому удовольствию Бэра, масса офицеров, которые тоже, как пишет Бэр в дневнике, должны были где-нибудь ночевать.

Смотритель станции Пассанаур оказался, как отмечает Бэр, не только рассудительным, но и доброжелательным человеком, несмотря на то, достойное сожаления, положение, в котором он находился. «Казбек нахлобучил шапку», обратил он внимание Бэра, что значило — покрылся облаками, а следовательно, надо ждать непогоды. «Расстаньтесь-ка вы лучше с вашим ненадежным тарантасом и возьмите сани. Я вам дам военный пропуск через горы. Другой же тарантас с вещами, под охраной слуги Вейдемана, пусть медленно следует за вами. Если и не сейчас, то все же на днях он перевалит и догонит вас в пути».

Бэр последовал благому совету и относительно быстро, в легких санях, среди зимнего ландшафта грузинских гор, поднялся, вместе с Вейдеманом, от Млеты по очень затруднительному подъему на Гадаур, а оттуда по карнизу Гуд-горы — к перевалу Крестовой горы. С одной стороны узкого пути высились отвесные громадные горы, с другой стороны зияла пропасть, на дне которой текла р. Арагва.

Перевалив Крестовую гору, путешественники благополучно, на санях же, спустились в защищенную обнаженными скалами, все более суживающуюся долину р. Терек. Утром 31 декабря 1855 г. Бэр с Вейдеманом остановились у самого подножия «горного исполина», на станции Казбек.

Погода стояла морозная, и в помещении станции градусник показывал 4° выше нуля. Несмотря на топку печи, к вечеру в комнате температура поднялась только на 1°. Так провели путешественники канун 1856 г. «На следующее утро, по случаю первого дня Нового года», пишет Бэр в дневнике, «нас порадовали известием, что весь запас дров израсходован, запас же дров на новый год еще не сделан, так как разрешение на эту операцию пришло только накануне». В довершение бед тарантас с вещами экспедиции где-то у Кашаура окончательно застрял и не появлялся вот уже 4-й день. Бэр с Вейдеманом поехали назад на поиски пропавшего экипажа. «Все лучше, чем сидеть

в морозной комнате», записал Бэр в дневнике. По дороге остановились переменить лошадей на полустанции. Но на ней ни лошадей, ни свободного места для отдыха не нашлось. Все было занято военными. Отправились в гостиницу «Степанова сакля», в 2 верстах от полустанции. Гостиница была уже превращена в казармы. В одной части ее жили солдаты, в другой — офицеры и врач. Этот эшелон войск предназначался для приема и отправки в Россию возвращавшихся с военных действий войск. Путешественники вернулись на станцию Казбек, так и не найдя тарантаса. «Открывалась», пишет Бэр, «приятная перспектива — в январе месяце на высоте почти 6400 фт. над ур. м. провести еще некоторое время без дров». И, действительно, 8 дней прожил здесь старик Бэр с больной ногой, в комнате с постоянной температурой в + 4°. Температура помещения упорно не подымалась, несмотря даже на произведенное Бэром «расхищение казенного имущества». В виду отсутствия топлива, Бэр не только распорядился, но и принял сам деятельное участие в разборе плетня станции для ее отопления, после чего сам же донес о совершенном им «уголовном преступлении» письмом.

Пока Бэр отсиживался на станции в ожидании тарантаса, его настигли пленные со станции Апанаур: турецкий паша, выдержавший осаду Карса, и английские офицеры — фактические руководители взятой русскими крепости.

Бэр отмечает при этом одну характерную подробность поведения турка, свидетельствующую об острой наблюдательности академика при всех жизненных обстоятельствах. Пленный паша прибыл на станцию в удобном экипаже с мягким сиденьем. Находясь в экипаже, он, как все европейцы, держал колени согнутыми под прямым углом.

Войдя в комнату, турок сейчас же направился к жесткому дивану и сел на него с ногами. Его ноги могли отдохнуть, только будучи совершенно поджатыми под себя.

На следующий день приехал на станцию русский генерал. При входе в помещение станции он попросил поесть. Бэр предложил проголодавшемуся супу, и русский стал его есть стоя. На вопрос Бэра, почему он не сядет, тот ответил, что ему хочется отдохнуть от сидения.

Бэр допускает, что у жителей Азии, привыкших с ранних лет сидеть с поджатыми ногами, произошли анатомические изменения в суставных поверхностях бедра, изменения, которых не имеется у современных европейцев.

«В течение этих 8 дней», пишет дальше Бэр, «мы не подвергались в той же мере лечению голодом, в какой подвергались лечению холодом, но все же присуждены были к равномерной диэте. Ничего, кроме русской национальной пищи —

кислых щей и черного хлеба, мы за это время не получали. Каждое утро к нам являлся унтер-офицер, исполнявший роль ресторатора, и спрашивал, что мы хотим заказать к обеду, но на самом деле регулярно на обед преподносил нам только кислые щи, с извинениями, что заказанные нами блюда якобы поглощены другими проголодавшимися проезжающими... Я ни в какой мере», говорит Бэр по этому поводу, «не жалуюсь на монотонность этой диэты у Казбека, так как „schtschi" подавались всегда превосходно приготовленными. К тому же этим подтверждался правильный старый взгляд, к которому я самостоятельно пришел во время моих путешествий, а именно, что в каждой стране надо предпочтительно придерживаться национальных блюд. Они всегда и наиболее съедобны и наилучше приготовлены. В Ленкорани я 4 недели ежедневно ел пилав и очень хорошо себя чувствовал, в калмыцкой степи я питался, главным образом, супом из кирпичного чая. Иногда мне приходилось превозмогать себя для этого, но вскоре я убедился, что жажда при этой диэте менее мучительна, чем если бы я ее утолял только водою. К такому почитанию национальных блюд я пришел еще во времена моего первого большого путешествия, а именно на Новую Землю... В течение 3 дней мы как-то кормились в пути только холодной пищей, когда попали, наконец, в Вытегру. Здесь пришлось ненадолго остановиться в гостинице. Так как она носила очень громкое название, я заказал бифштекс, чтобы им как следует подкрепиться. Нам принесли действительно какую-то черную субстанцию, но на счет нее я до сих пор серьезно сомневаюсь, была ли она когда-нибудь каким-либо сортом мяса или представляла собою жареную подошву от сапог. Даже самые молодые зубы моих сопутчиков не были в силах нигде ее прокусить. С Новой Земли я вернулся убежденным почитателем русской каши. Было только забавно, что наш унтер-офицер у Казбека, для поддержания чести своей ресторации, считал необходимым делать вид, что он располагает большим разнообразием блюд».

На 6-й день тарантас еще не прибыл, хотя Бэру стало известно, что он несколько дней как уже покинул Пассанаур. Бэр послал Вейдемана навстречу затерявшейся повозке с поручением доставить на станцию Казбек если не тарантас, то хоть поклажу экспедиции.

Наконец, на 9-й день, как пишет Бэр, возвратились сперва господин Вейдеман, а вскоре после того и тарантас, но оба в попорченном виде. Господин Вейдеман, при двоекратном переезде через горные вершины, заполучил сильное воспаление горла. Тарантас задержался в дороге из-за Казбека, который «снова нахлобучил на себя шапку». Налетела снежная буря, тарантас сперва погрузился в глубокий снег, а потом и

перевернулся. Значительная часть вещей из него вывалилась и большинство из выпавших вещей пропало. Особенно жалел Бэр об утере многочисленных банок со спиртом, в которых помещались консервированные в них «натуралии». По всем видимостям, как говорит Бэр, небрезгливые люди, «помогавшие» собирать упавшие вещи, нашли содержимому банок лучшее с их точки зрения применение, выбросив предварительно из банок находившиеся в них объекты.

Невзгоды, между тем, продолжались. Смотритель станции «Казбек» отказал Бэру предоставить быков для прибывшего накануне тарантаса без особого на то предписания со стороны высшего начальства. То, что разрешалось за 11 верст на предыдущей станции, то оказывалось противузаконным на следующей. Царили и здесь, как и везде в России, по крылатому слову Ленина, «истинно русский взгляд и привычка полудикарей, желающих сохранить законность калужскую в отличие от законности казанской».[1]

Все же Бэру удалось, наконец, вырваться из Казбекской станции и продолжать путь по Дарьяльскому ущелью, вдоль бурливо несущегося чистого и прозрачного зимой Терека, дальше на север.

К сожалению, как рассказывает Бэр, ему было не до романтических видов в виду опасности пути. В теснинах ущелья, среди поражающих величием и дикостью скал, экипажи, то подымаясь, то опускаясь, скользили по обледеневшей дороге, обнаружившей к тому же сильный «крен» к Тереку. Пять осетин, кроме тормозов, еле сдерживали на ледяном насте повозки с поклажей, в то время как Бэр с больной ногой шествовал позади. «Если бы не осетинцы, мы бы слетели в Терек», рассказывал Бэр.

«Дорога сегодня имела особенно оживленный и живописный вид», записывает Бэр 9 января. Многие сотни туредких пленных двигались по направлению к Владикавказу, а им навстречу шли батальоны рекрутов со всеми своими обозами. Нескончаемая лента людей и повозок вилась по дороге. Проезд среди этих масс людей, лошадей и фур брал очень много времени, а иногда становился и опасен.

Наконец, ущелье стало раскрываться, и к вечеру дорога вышла на равнину. По ней продолжал нести свои воды несколько успокоившийся Терек.

Дальше станции и форта Балка ехать не позволил офицер, комендант форта. «Здесь ночью рыскают лезгинцы», заявил он: «они нападают при въезде или выезде из ущелья на проезжающих и уводят их». Бэр тем не менее настаивал на про-

[1] Ленин, Собр. соч., т. XXVII, 1935, стр. 293—299.

пуске. «Я уже получил от начальства», ответил командир, «реприманду за неосторожный пропуск проезжающих ночью без военной охраны и потому многих приехавших сегодня вечером задержал кроме вас. Вы не исключение». — «Позвольте», кипятился Бэр: «нас всех, задержанных вами, набралось вместе с почтальоном 10 человек в 3 экипажах. Неужели мы не можем сами защитить себя от лезгинцев?» Командир в ответ только рассмеялся. Бэр потребовал тогда, на основании имевшихся у него бумаг, конвоя. «Военные посты», возразил комендант, «находятся не на станции. Один из них расположен за 4 версты выше, другой — за столько же верст ниже. Сейчас вызывать их уже поздно. Надо было вам об этом заявить раньше».

Холодные и сухие отказы совсем разволновали вспыльчивого старика. «Вы что же думаете», вскричал он, «что имеете право меня арестовать». Офицер несколько смутился. Бэр позвал своего служителя и приказал ему итти вместе с ним сейчас же пешком дальше, экипаж же распорядился выслать на следующий день. Так они и сделали. Прошли благополучно с четверть версты. «Стало уже совсем темно», рассказывает Бэр, «когда мы услышали позади себя приближающиеся к нам громкие окрики и невероятный шум. Мы обернулись и при последних лучах вечерней зари ясно различили в темноте дороги сверкающее оружие. Неужели лезгинцы выследили нас? Нечего было и думать уйти. Мой слуга уже храбро вынул из ножен свой черкесский кинжал, который он всегда носил при себе. Так начали мы, остановившись, ожидать нападения. Меня удивило только то, что я не слышу конского топота. Неужто лезгинцы производят теперь набеги уже пешком? Увы, дальнейшее развитие событий оказалось ни столь опасным, ни столь интересным. „Храбрый" комендант все же забеспокоился за нашу судьбу. Он нашел возможность послать вслед за нами полвзвода солдат и наш экипаж. Таким образом я настоял на своем и в тот же день вечером прибыл во Владикавказ». В гостинице, в двух отведенных усталому Бэру комнатах; стояли комод, три этажерки, стенное зеркало, изрезанное сверху до низу надписями, элегантные стулья и твердый диван. Не полагалось только кровати.

ГЛАВА II

ПУТЕШЕСТВИЕ ВНИЗ ПО ТЕРЕКУ

Между тем, злоключения Бэра не прекращались. «Необычно ранняя зима», пишет Бэр в дневнике, «напала на меня в Тифлисе и своими лавинами отгородила меня от всего остального мира. Во Владикавказе, наоборот, в середине января наступила весенняя погода. На первых порах мы недостаточно взвесили последствия этого коварства природы, но у Екатериноградa, когда мы добрались до настоящей степи, мы поняли, почему, несмотря на завоевание Карса, пришлось вскоре нам заключить мир. Через степную землю, когда она размякла, пытаться обеспечить армию! Это значило бы погубить весь гужевой скот». «Каковы были тогда дороги», писал Н. И. Пирогов, «можно заключить из того, что я, проезжая в ноябре 1854 г. из Симферополя в Севастополь, на курьерских, должен был употребить более полутора дней. Итак, немудрено, что при таких путях сообщения сено, например, съедалось волами по дороге прежде, чем оно могло быть доставлено армии; тяжести оставались в топкой новороссийской грязи вместе с фурами, скот падал, цены за доставку были неимоверные...» Из-за решительной оттепели лед на Тереке прошел, все перебойки [1] льдом снесло. По причине невылазной грязи сообщение по терским станицам прекратилось.

Всякий вопрос, к решению которого подходила экспедиция, изучался в интересах дела возможно всесторонне. Так поступил, в частности, Бэр и при исследовании построенного на совершенно своеобразных общественных началах казачьего рыбного хозяйства Терской обл. Одинаково поступил, как убедимся дальше, и Данилевский при тщательнейшем изучении уральских рыбных промыслов. Судя по запискам дневника и

[1] Заборы поперек реки, установленные для преграждения рыбе хода вверх по реке.

другим материалам Бэровского фонда Академии Наук, Бэр обстоятельно ознакомился с историей этого края, в частности с историей образования Терского казачьего войска, изучил «особые положения», на основании которых управлялись терские казаки, условия жизни станичных обществ. Все это помогло ему, при обследовании рыбных промыслов на войсковой территории, дать верную, нелицеприятную картину состояния терского рыбного хозяйства и вскрыть настоящие причины его несомненного упадка.

Северное Предкавказье, куда приехал Бэр, носило не менее воинственный вид, чем южное Закавказье. Здесь шла неустанная, постоянная, упорная борьба между горцами и терскими казаками. Всюду встречались вооруженные люди. Ночью не выпускали из станиц.

«Каждый казак», рассказывал Бэру начальник всех станиц Екатериноградского округа, «при наступлении 14-летнего возраста считается уже состоящим на казенной службе. 19 лет он становится военнообязанным. В 20-летнем возрасте казак может быть призван в поход на боевую службу. Военная служба его длится 25 лет. После такого срока казак в течение 5 лет несет охранную службу в ближайших к его станице крепостях и 5 лет у себя в станице. По прошествии 35 лет военной службы, или в возрасте 55 лет, казак совершенно свободен от военной службы». Бэр заинтересовался судьбой казачки при таком положении ее мужа. Полковник не мог ему дать по этому вопросу толкового ответа. Повидимому, замечает Бэр, казачьи жены должны сами помогать себе, даже если они многодетны.

Ежегодно полковник отсылал небольшую часть подчиненных ему станичных казаков в поход на места военных действий, значительно же больше людей направлялось для несения гарнизонной службы в закавказские крепости. Несколько человек ежегодно откомандировывалось в Петербург, независимо от того, женаты они или нет, для службы в течение 25 лет в гвардии.

Все казаки попеременно несли сторожевую службу на постах по своей кордонной линии. Посты состояли из земляных сараев, наблюдательной вышки и какой-нибудь ограды со рвом. О появлении абреков и прорыве кордона давали знать сигналами или нарочными на соседние посты.

Самой тяжелой повинностью для казака, по утверждению начальника одной станицы, являлась обязательная поставка подвод для казенных надобностей. Зачастую эта повинность прямо разоряла казака. «Вот сегодня», жаловались Бэру, «в станице Ардонской казаки подали 60 подвод, и уже к завтрему пришло распоряжение поставить еще 100. Все это для

перевозки раненых и пленных». Особенно губительно действовали на хозяйство такие распоряжения во время уборки хлеба и сенокоса, которые здесь по времени обычно совпадали.

Рассказывали Бэру в станице и о набегах горцев. Нападения большими скопищами со времени основания кордонной линии (1839), как говорили ему, почти прекратились. Неудивительно поэтому, что во времена, совсем недалекие от Бэра, путешественников на Кавказе конвоировали с пушками, которые везлись на быках. Иногда небольшие пушки помещались прямо на лошадях. Так, Николай I следовал здесь в 1837 г. в сопровождении конницы с пушками. «Сейчас», рассказывали казаки Бэру, «стало тише, о больших набегах не слышно. Появляются иногда только небольшие партии абреков». Им нередко удается уводить коней и скот у станичников. Иногда горцы отбивают от них целые стада скота и конские табуны. Погони за горцами далеко не всегда удачны. Особенно трудно найти их следы в весеннюю и осеннюю распутицу. На проезжающих горцы нападают чаще в оврагах, куда путешественники неосторожно заезжают, ища в тени отдыха. В таких случаях абреки обычно отбирают только лошадей. Иногда горцы подстреливают почту, если она едет без конвоя, опять-таки для того, чтобы увезти лошадей.

12 января Бэр проехал к горной речке Садон, недалеко от впадения ее в р. Ардон, приток Терека. Стремительно несся Садон в глубоком мрачном ущелье, среди грандиозных скал. Здесь находился Садонский серебряно-свинцовый рудник со своими шахтами. На руднике производились сортировка и измельчение руды при помощи машины, приводимой в движение водой р. Садон. Руда для дальнейшей обработки отвозилась за 30 верст на Алагирский свинцово-серебряный завод, начавший действовать за 3 года до посещения его Бэром. В последний год, как сказали Бэру, на заводе добыли 4000 п. свинца и 12 п. серебра.

«Я нашел постройки завода», писал Бэр в дневнике, «совсем не столь великолепными, как их описывает в пышных фразах Соллогуб». [1] Мазанки рабочих малы, построены на скорую руку, дома офицеров несколько лучше, зато начатый строительством дом директора хочет стать, повидимому, излишне великолепным. Роскошна и церковь, и уже совершенно излишне обременительна для казны разбивка обширного директорского сада вокруг его будущего дома — дворца.

В тот же день Бэр посетил бедный осетинский аул около Алагира. Подробно осмотрев его, он описал в своем дневнике

[1] Граф Владимир Александрович Соллогуб, писатель (1814—1882).

общий его вид, вид саклей, наружность и образ жизни их обитателей и роды их занятий. С большим интересом прислушиваясь к их древнему языку, Бэр с грустью вспоминал своего большого приятеля акад. Шегрена (1794—1855), которого он недавно похоронил. От этого знаменитого филолога и лингвиста осетины всего только 20 лет тому назад получили впервые свою азбуку.[1]

14 января Бэр приехал в Екатериноград, который оказался не городом, а только большой станицей. Переехав мутнобелые воды Малки, впадающей здесь в Терек, бричка направилась к почтовой станции. Станционный смотритель повел себя с Бэром до странности неучтиво. Пришлось чуть ли не силой войти в помещение станции. По крайней мере, ждать разрешения на вход заставили долго.

По наведенным справкам, в здешнем районе Терека и Малки водились лососи, сазан, лещ, судак и щука. Красная рыба не попадалась.

Следующую остановку Бэр сделал в «плохо скроенном» городишке на левом берегу Терека — Моздоке. На укрепленный город этот еще 15 лет тому назад нападал Шамиль. Переночевал Бэр, за отсутствием в городе гостиницы, на чистеньком постоялом дворе. И в Моздоке жаловались на падение уловов, обвиняя в этом низовщиков, которые вылавливали всю рыбу. Понаставленные всюду ниже по реке плетневые забойки с вентерями, как возмущались рыбопромышленники Моздока, не дают совсем рыбе подниматься. Сейчас хорошо, если поймают в год сотню севрюг, десяток осетров, а белугу за 3 года убили всего один раз. Зимою ловят лососей.

В городе, по причине продолжающейся оттепели, царила невылазная грязь. Чтобы доставить письмо на почту, нечего было и думать итти пешком. Приходилось посылать для этого верхового.

Продвигаться из одной станицы в другую становилось все труднее и брало все больше и больше времени. Лошади на каждой станции добывались только с бою. Утром на станциях люди подымались поздно. Бэр, как всегда, требовал лошадей к 6 ч. утра. «В такую рань», отвечали ему на одной станции, «ехать слишком темно, а потому опасно». Бэр предложил подать лошадей на час позже. «В 7 ч.», ответил флегматично смотритель, «тоже еще совершенно темно». Категорический тон Бэра убедил лентяя, что в 7 ч. утра сейчас так же светло, как в 5 ч. пополудни. По дороге целыми днями стоял густой туман. К своему удивлению, Бэр нашел долину Терека, по ко-

[1] «Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-российским и российско-осетинским», вышедшая в 1844 г., была увенчана во Франции Вольнеевской премией.

торой шел путь, совсем не столь богатой лесом, сколь он предполагал.

Медленно по чрезвычайно плохой дороге плелись лошади от одной станции до другой, от старинной станицы Наурской до старообрядческих станиц Калиновской и Червленной. И отовсюду неслись жалобы на падение уловов, в особенности начиная с 1851 и 1852 гг. Начальник станицы Наурской, полковник Зелинский, рассказывал Бэру про падение местного рыболовства много такого, чего Бэр не счел возможным записать в дневник. Начальник этот не отказывался, если его запросят, изложить письменно рассказанное Бэру. В станице Наурской казаки сдавали рыболовство на откуп; но откупщик нес обязательство продавать пойманную рыбу прежде всего в станице, и только после удовлетворения станичников рыбой он получал разрешение на продажу рыбы чужим.

«Был у нас с Зелинским разговор и о положении казаков вообще», глухо отмечает в дневнике Бэр. «Рожь часто здесь не удается», сообщал, между прочим, Зелинский, «из-за бездорожья. В прошлом году погибли и хлеб и трава как по причине засухи, так и из-за саранчи. Казаки полагаются больше на виноделие».

В станице Червленной рыбный промысел не отдавался на откуп, жители ловили рыбу сами. Хлебопашеством здесь уже совсем не занимались, а только виноделием, вино меняли на хлеб. Колодезная вода была в этих местах соленой и употреблялась только для скота. Люди для себя брали воду из Терека. По отзывам полковника барона Розена, командира Гребенского казачьего полка, с которым Бэр встретился в этой станице, рыболовство и здесь падало.

О своем собеседнике Бэр, между прочим, только кратко отмечает: «Барон Розен, по его словам, родом из Эстляндии, между тем он совершенно не знает немецкого языка, говорит только по-русски и к тому же православного вероисповедания». Между тем Алексей Александрович Розен представлял собою не только обрусевшего барона. Сын адъютанта Суворова, деятельного участника Суворовского похода в Италию и войн 1812 и 1814 гг., двоюродный брат декабриста и писателя Андрея Евгеньевича Розена, Розен все 30 лет своей боевой службы на Кавказе провел в непрерывных жарких схватках со смелыми горцами, проявляя неизменно большую храбрость и незаурядные военные способности. В 1856 г., когда Бэр познакомился с Розеном, последний находился со своим полком все время в авангарде действующих отрядов, успешно отбивая нападения чеченцев.

18 января погода, наконец, прояснилась. Открылась на юге цепь гор, заблистал снежной вершиной Казбек. Везде на пути

лежал снег, но не морозило, в середине дня даже казалось довольно тепло.

При приближении к станции Шелкозаводской дорога настолько испортилась, что лошади сперва пошли шагом, а потом и совсем остановились. Пришлось их отправить обратно. Бэр пошел вперед пешком. Вскоре его нагнал один из сопровождавших казаков и предложил ему пересесть на лошадь. Бэр 10 верст проехал верхом, все время следуя вдоль Терека.

На станции Шелкозаводской смотритель отказался говорить с Бэром о состоянии рыболовства. Бэр обратился за сведениями к начальнику станицы в присутствии смотрителя. Но и у него трудно было выудить что-либо путное. Все больше пел он старую уже для Бэра песню: рыбы ловится, дескать, меньше, потому что казенная служба берет слишком много времени. На следующий день, 19 января, в 6 ч. утра, Бэр покинул Шелкозаводскую, продолжая путь верхом в сопровождении нескольких шелкозаводских казаков. Разговорившись с ними, Бэр узнал причину отмалчивания начальника станицы. «Мы собственно не казаки, а грузины», сказали они ему: «грузин и начальник станицы, с которым вы беседовали. Он стеснялся говорить с вами в присутствии смотрителя — армянина. Не так уже это было давно, — русские, взяв в плен большую партию грузин и армян, предложили им поступить на русскую службу, образовав отдельную станицу. Армяне отказались, грузины согласились и занялись в своей станице шелководством, откуда и название станицы. Дело пошло на лад, но пришли помещики, и мы теперь в таких клещах у них, что не знаем, как пропитаться». — «Откуда у вас помещики? Ведь, везде вокруг у вас казачья страна?» — «За несколько лет до вас появился в здешних местах помещик, по фамилии Галюстов. „Добросовестно" напоив старшин, он добился уступки ему части казацкой земли. С тех пор Галюстов все время расширяет свои владения, в больших размерах сеет хлеб, разводит вино, шелк, устроил винокуренный завод, поставляет дрова в кизлярский госпиталь и содержит вот уже 4 года почту от Кизляра до Никитинска. Не то он сам, не то его сын уже титулярный советник. За сыном титулярного советника пришел богатый генеральский сын Хастатов. Этот помещик владеет у нас лесами. Стоит казаку попасться с охапкою хвороста в его лесных владениях, и у захваченного казака забирается в залог буйволица, либо конь, либо повозка. На первых порах генеральский сын-помещик еще малодушествовал, ну, а потом, как стал себя понимать, в такого же идола, как Галюстов, превратился».

Снова застелился туман. Через час после отбытия из Шелкозаводской Бэр уже въезжал в станицу Каргалинскую и оста-

новился у полковника Суходольского. «У нас казаки ловят рыбу сами», говорил хозяин Бэру, «откупов нет. В реке встречаются лососи, много шемаи, щуки, сазана. В заводях водятся судаки, очень редка в реке севрюга, в кои веки раз попадается белуга, сомов же много. Ловят рыбу только вентерями, ставных сетей употреблять нельзя из-за каршей, зимою ставят очень много забоек. Все они, однако, ледоходом срываются. Самые крупные уловы производятся на старом Тереке, в станице Александровской». Оттуда Суходольский обещался вызвать нужных людей для их опроса Бэром. Рыболовство стало падать, примерно, 7 лет тому назад, тогда же начали мелеть главные рукава Терека.

Проехал Бэр по дороге к г. Кизляру и в «корень гребенского казачества» — станицу Старо-Кладовскую. «В ней более, чем в других», писал Л. Н. Толстой, «сохранились нравы старых гребенцов, и женщины этой станицы исстари славились своей красотой по всему Кавказу».

За 4 года до приезда Бэра в станице стояла постоем 14-я батарея 20-й артиллерийской бригады с 24-летним юнкером Толстым. Через 5 лет после посещения Бэром этой станицы 33-летний Толстой дал в своей повести «Казаки» ее подробное описание в летнее время.

ГЛАВА III

НИЗОВЬЯ ТЕРЕКА. ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРСКОГО РЫБОЛОВСТВА

На вторую половину дня 19 января Бэр уже прибыл в уездный город и крепость Кизляр, лежавший на левом берегу Терека. Ни гостиницы, ни съезжего двора в городе не существовало. Бэру предоставил помещение в своем домике один унтер-офицер местного полка, он же и сапожник.

Холодная комната, будучи натоплена, сильно нагрелась к ночи. Проголодавшийся Бэр проглотил куриный суп, которым его угостила хозяйка, и заснул. В это время к Бэру прибыл с официальным визитом полицеймейстер города, осведомленный о приезде «петербургской персоны». Заботливый Петр, однако, не счел возможным будить Бэра для полицеймейстера. В сознании своего с Бэром столичного превосходства, он не нашел нужным доложить Бэру, даже после его пробуждения, о неудачном визите местного начальства. За полицеймейстером последовал вечером комендант Кизляра. Тому удалось повидать Бэра, но не удалось уговорить его переехать к нему, коменданту, на постой. Бэр остался жить у своего унтер-офицера — сапожника.

В Кизляре числилось 13 000 жителей, среди которых многие, по словам коменданта, ворочали миллионами. 6—8 купцов значилось по первой гильдии. Немало домовладельцев владели, кроме того, обширными поместьями, и тем не менее город представлял собою «мерзость запустения». Ни тротуаров, ни мостовых в нем не полагалось. На улицах, во дворах домов царила невылазная грязь.

Бэра очень интересовало попасть на местный базар, в рыбный ряд. Для этой цели комендант любезно предоставил академику свою бричку, запряженную лихой тройкой. «Мои лошади», заверял комендант, «вывезут из любой грязи». И все же экипаж застрял в вязкой густой грязи перед самым въездом

на базар так основательно, что пришлось возвращаться. Только на следующий день опытный кучер коменданта с большим трудом довез благополучно Бэра до рыбного ряда, подъехав к нему с другого конца.

Местоположение г. Кизляра оказалось наредкость неудачным. Некоторые из рукавов Терека вблизи Кизляра текли выше окружающей их местности, и город поэтому ежегодно в половодье подвергался наводнениям из этих протоков. Окаймлявшие город искусственные дамбы очень плохо выполняли свое назначение. Противоречащие друг другу меры, принимавшиеся властями города к ограждению Кизляра от этих регулярных стихийных бедствий, не только не достигали цели, но еще порой и ухудшали дело. Не разрешая основной задачи спасения от наводнений, они вредили то рыболовству, то садоводству, то виноделию и огородничеству. Создавшееся положение привело к весьма обостренным отношениям отдельных групп населения друг к другу. Все садоводы воевали с рыбопромышленниками, а богатые садоводы в отдельности, владея более возвышенными участками земли, притесняли бедняков — собственников маленьких садов, лежавших ниже. Как-раз в 1855 г. ужаснейшее наводнение уничтожило в Кизляре несколько сот маленьких нижних садов. «Городское управление, конечно в руках богатеев, только для вида», писал Бэр, «старалось выказать большую ревность к охранению города и садов от наводнений».

Бэр думал помочь делу, переговорив по этому поводу с кизлярским городничим. Но на пути стали почти непреодолимые препятствия. Первым из них оказалась все та же грязь. Из-за нее городничий оказался почти совершенно вне пределов досягаемости. Бэр попросил Вейдемана сходить к городничему с приглашением к Бэру, но хозяин дома, в котором наши путешественники остановились, решительно воспротивился этому опасному предложению. Он христом-богом заверял Бэра, что Вейдеман, если пойдет пешком, то наверняка и без всяких преувеличений потонет в грязи, в лучшем случае, если ему посчастливится, он в грязи потеряет только сапоги. До дома городничего можно было добраться только верхом и то с трудом. Поэтому содержатель лошадей дал Вейдеману лошадь при непременном условии, чтобы он, хозяин, его сопровождал на другой лошади. Это на случай, если лошадь Вейдемана завязнет в грязи так глубоко, что уже не будет в состоянии выкарабкаться одна без посторонней помощи.

Еще бóльшим препятствием, однако, оказалась занятая городничим позиция в этом деле. Городской голова в беседе с Бэром решительно восстал против каких-либо новых затрат на охранение города и садов от наводнений. «Город», утвер-

ждал городничий, «не желает укреплять и удлинять уже существующие валы. Заменить непосредственное, чинимое наводнением, не сопряженное с трудом орошение садов искусственным орошением при помощи каналов (как это предлагал Бэр) совсем не в интересах города». — «Какой странный город», занес в свой дневник Бэр после визита к нему городничего: «он ничего не делает и ни о чем не думает».

Бэр счел долгом сообщить о положении г. Кизляра в своем очередном отчете министерству. Предмет беседы его с городничим, несомненно, выходил, по признанию Бэра, за пределы задачи экспедиции, но предложения, которые он делал городничему для упорядочения городского хозяйства, вызывались, как оправдывается Бэр, постоянным стремлением экспедиции прежде всего смотреть на предметы своих исследований с практической точки зрения. «Мне было бы очень жаль», говорит Бэр, «если бы мои отчеты не носили на себе характера и не заключали в себе доказательств этого стремления».

ГЛАВА IV

АСТРАХАНЬ — ЦАРИЦЫН — МАНЫЧ

Астепель, между тем, упорно держалась. Невозможные дороги и скверные почтовые лошади чрезвычайно замедлили путешествие вдоль Терека, и время для посещения всех притоков Терека в его низовьях поэтому ушло.

По словам полковника Суходольского, хозяева почты заведомо держали плохих лошадей в личных интересах. Правительство за каждую тройку лошадей для местных станций платило по 380 р. Каждая станция обязывалась держать 8 таких троек, следовательно получала от казны около 3000 р. Содержание же лошади обходилось, примерно, в 90 р. ежегодно. При этих условиях поставщикам лошадей оказывалось выгодным возможно чаще заменять негодных лошадей новыми, столь же негодными. Так и поступал упоминавшийся выше шелкозаводский помещик, содержатель почты Галюстов, владетель больших степных табунов, прокорм которых ему почти ничего не стоил.

Пространство между рукавами Терека представляло настоящий лабиринт бесчисленных пресных и соленых озер, болот и речек, покрытых камышом. На протяжении многих десятков верст тянулись в этих местах плавни, т. е. места, залитые водой и заросшие болотными растениями. Малярия и тучи комаров отравляли жизнь здешнему человеку. В густо заросших камышом болотах находилась и размножалась саранча — бич сельского хозяйства. На более возвышенных местах стояли поселки, кочевки, хутора, почтовые станции.

По новейшим данным, западное побережье Каспия, около теперешней р. Терек, в XVII в. погрузилось под воды Каспия и лишь в очень недавнее (с геологической точки зрения) время вышло из-под его уровня (П. А. Православлев). В последние годы Каспий снова энергично наступает в некоторых из этих мест (около поселка Новотерецкое).

Вообще же северо-западное побережье Каспия в настоящее время находится в стадии относительного поднятия, и береговая линия Каспия имеет здесь отрицательное движение (в среднем около 12.5 см в год). Что служит причиною указанных явлений, самостоятельные ли движения каспийского водоема, и одни ли они, или же играет роль также и движение земной коры, — это остается не вполне установленным (Православлев).

Из-за упущенного времени Бэру удалось попасть только на один северный рукав Терека — Прорву. Здесь, в 70 верстах от г. Кизляра, Бэр посетил богатый рыбный промысел Черного рынка, одного из древнейших русских поселений Терской обл., основанного в конце XVIII в. на месте разоренного русскими аула.

Как мы видели, собранные по станицам и полученные от начальства казачьего войска сведения не могли не привести Бэра к заключению, что и на Тереке уловы против прежнего значительно уменьшились, причем главной причиной обеднения рыбою являлось не обмеление всех устьев Терека, как это выставлялось старожилами, а перегораживание во многих местах плетнями и рукавов и самого среднего Терека. Особенно занимались этим, в нарушение всех правил, откупщики. Всякими неправдами они добивались права на «содержание» во взятых ими участках обоих берегов Терека, после чего незаконно перегораживали всю реку. Многочисленные «перебойки» эти, наряду с усиленным ловом при устьях, и вызывали уменьшение уловов в верхней части реки. Поэтому число рыб, которые достигали удобных для икрометания мест, сводилось к минимуму. «Нельзя даже не удивляться», писал Бэр, «как это еще удается некоторым рыбам. И если удавалось, то уже, во всяком случае, не благодаря „полицейским охранительным мерам"».

В защиту рыб вступала только, по выражению Бэра, сама природа. Так, осетровые породы «поднимались» в реку во время половодья, когда перебойки не могли устоять; лососи шли вверх по реке перед ледоставом, а люди строили перебойки, когда лед уже окреп. Иногда средний и нижний Терек вовсе не покрывались льдом, и тогда живущие по среднему Тереку рыбаки сильно жаловались на худой лов, но зато лососи более размножались. Напротив, при раннем наступлении морозов люди ловом на среднем Тереке были довольны, но зато весьма немного лососей достигало мест, удобных для икрометания. Отсюда Бэр делает снова общий вывод о необходимости, в целях рационального устройства рыболовства, проявлять максимальную заботу о размножении рыб, так же как точно определять, где именно рыба имеет большее значение для государственного богатства? Так, на Тереке, не имею-

щем больших пунктов потребления, рыба чем выше подымается по реке, тем более теряет в своей торговой цене. При устьях же Терека, откуда рыбу удобно доставлять водой к складочным местам рыбной торговли, цена на рыбу гораздо выше.

Совершенно противоположное замечается на Волге. Чем выше подымается по ней рыба, тем бо́льшую ценность она приобретает, и не потому только, что она получает лучший вкус (в этом смысле становится она, пожалуй, ценнее и на Тереке), но в особенности потому, что приближается к местам значительного сбыта. Рыба, так сказать, сама себя перевозит. И это, по замечанию Бэра, — не безделица, так как в некоторые годы перевозка с моря до Царицына бывает весьма затруднительна, особенно зимой.

Первым складочным местом для рыбного товара в то время являлся Саратов, и рыба осетровой породы, доходившая до этого города, становилась вдвое или втрое дороже, чем при устьях Волги. «Поэтому», заключает Бэр, «если бы право на производство рыболовства в Тереке и Волге не было роздано или если бы оно находилось, по крайней мере, в одних руках, то с точки зрения государственного хозяйства до́лжно бы советовать на Тереке поощрять рыбный лов при устьях, на Волге же производить его сколько возможно выше по реке, по крайней мере для тех рыб, которые входят в нее из моря, как это было во времена царя Иоанна Васильевича III, когда главное рыболовство происходило в окрестностях Вольска».

В задачи экспедиции на западном берегу Каспия входило еще изучение рыболовства на р. Сулак, в юго-восточном Предкавказье. Река эта, берущая начало на северном склоне Главного Кавказского хребта, впадает в Каспий южнее Астраханского залива. Посетить ее помешала, однако, та же причина, которая многократно лишала возможности Бэра развить в должной мере работу экспедиции, а именно — «несчастное совпадение экспедиции с войной».

В бассейне Сулака, в северной и средней части Дагестанской области, как-раз в это время героически боролся против русских войск за независимость горцев знаменитый их вождь Шамиль. «По причине неизвестности, какого образа действия в отношении экспедиции будет держаться Шамиль», Бэру рекомендовали от поездки на Сулак воздержаться.

В конце января 1856 г., потратив на путь от Тифлиса до Астрахани целый месяц, возвратился Бэр в Астрахань, совершенно больной лихорадкой, очевидно схваченной в болотистых низовьях Терека. Теперь уже все участники экспедиции во главе с начальником стали малярриками.

В продолжение 2 месяцев болезнь не оставляла Бэра. Старик так ослабел, что не мог пройтись по комнате. Бэр очень

скорбел, что болезнь срывала ему поездку на Дон и Черное море, но он не осуществил бы ее в те дни и будучи здоровым. Крымская война разорила донские и черноморские рыбные промыслы. Неприятель занимал все берега Черного и даже Азовского моря. Наконец, в конце марта пришло известие об окончании войны и последовавшем затем заключении мира. Всегда живой и энергичный Бэр и во время постигшей его чрезвычайно изнурительной болезни и дальнейшего медленного от нее выздоровления никак не мог оставаться без дела. При его деятельном участии возник в это время Астраханский естественно-научный музей,[1] стали на очередь вопросы об устройстве в городе артезианского колодца и улучшении Астраханского ботанического сада. Советовал, между прочим, Бэр заняться искусственным разведением пиявок в окрестностях города.

Вступая в сношения по всем этим делам с представителями разнообразных слоев астраханского общества да и просто наблюдая жизнь города, Бэр поражался невежественным и безнадежно расшатанным строем мертвой русской провинции николаевского времени.

Дневник Бэра в период вынужденного его астраханского сидения пестрит заметками, живо рисующими в мрачных красках дикий быт краевого губернского города середины XIX в. «Сапожниковская фирма ежегодно уплачивает», пишет он в начале января, «всяким чиновникам 40 000 р. взяток». И дальше дословно: «22 декабря в Астрахани поймана банда, изготовлявшая фальшивые паспорта и фальшивые к ним печати. Она печатала также фальшивые деньги, нападала на улице на прохожих, их грабила. По одним сведениям, банду составляли 8 человек, по другим сведениям — 13 и даже 15...

«На днях разошлись в городе слухи, что жандармский офицер Скосырев не отослал семье покойного генерала Гурве запечатанного пакета, найденного среди бумаг покойного, с надписью: „Моей жене, моим детям и друзьям". Пакет этот Скосырев взял с собою в присутствии 4 лиц, что он, однако, отрицает. Обвинение против Скосырева предъявили судебной власти за своей подписью полковник Васильев, врач Голубовский и астраханский комендант, недавно переведенный из Чудновска. Вслед за этим стали туда же поступать от семьи покойного генерала Гурве письма. В них обвинение Скосырева

[1] Музею этому не суждено было долголетие. «После ухода гражданского губернатора Струве, покровительствовавшего музею», пишет Бэр в своей автобиографии, «мудрые отцы города его закрыли» [Об учреждении естественно-научного музеума в Астрахани. Астрах. губ. вед., 1856, № 42; перепечатано в «Журнале Министерства государственных имуществ» (т. LXI, 1856, отд. II, стр. 261—275].

объявлялось ложным. Последний читал эти письма в разных инстанциях, в частности губернатору. Управляющему же делами губернатора он якобы заявил, что не будет молчать. Он собирается, куда надо, сообщить о том, что местный винный откупщик предъявил казне фальшивые документы на 60 000 р., которые ему и уплатили, после чего 2 января откупщика нашли убитым в его постели. Убийство совершили двое „людей" откупщика, парень 17 лет, „девка" 18 лет и кучер коменданта, подавшего заявление на Скосырева по делу Гурве. Главный убийца, кучер коменданта, принес полную повинную, но решительно отказался указать, где находятся деньги. Они ему понадобятся, заявил он, так как дело должно дойти до царя. Преступник посоветовал также однажды не слишком тщательно его допрашивать, так как иначе в дело придется запутать высокостоящих лиц...

«В это же время велось в городе расследование преступлений банды, приехавшей из Чудновска, откуда перевелся и комендант», и т. д.

В письме к А. П. Берже Бэр жалуется, что во всем городе ему с большим трудом удалось найти один географический атлас. Атлас этот, отыскавшийся в местной гимназии, «был стар и далеко неполон. На карте Азии, например, недоставало Камчатки».

Не вполне еще оправившись от изнурительной болезни, Бэр снова принялся за свое прямое дело. Он поднялся по Волге до Царицына, чтобы вполне ознакомиться с ходом бешенки и окончательно разрешить вопрос о возможности ее использования в качестве пищевого средства взамен жиротопления. О блестящем выполнении этой задачи мы уже говорили выше.

Бэр прекратил на Волге «расточение народного богатства — ужасное истребление составляющей хорошую пищу рыбы на топление из нее жира». Добившись массового посола бешенки, он вместе с тем требовал если не совершенного запрещения жиротопления, то хотя бы сокращения существующих сроков. Жиротопление, как писал Бэр, обогащает богатых и служит обеднению бедных. Им могут заниматься только жители, способные на значительные издержки: покупку и починку котлов, сетей, бочек и т. д.

Между тем, болезнь не оставляла Бэра. Непрекращающиеся ее приступы заставили его отправиться для поправления здоровья в долину р. Маныч, притока Дона, вяло текущего в широкой низменности между Азовским и Каспийским морями. О географических результатах этого путешествия он послал сообщение в Петербург Географическому обществу.

Долина Маныча, оказалось, склоняется от высшей своей точки в ее центре на две стороны — восток и запад. С этой, наиболее возвышенной, местности долины направляются весною два противоположных потока, ни в какой мере не представляющих собой одной непрерывной реки. Река Маныч, как она изображалась на картах того времени, на самом деле не существовала и не могла существовать. Поездка эта ознакомила Бэра также с рыбной фауной в местных степных озерах и реках.

«Здесь же удалось», пишет Бэр, «видеть простейший из всех возможных способов рыбной ловли, а именно: хватание рыбы руками, без пособия какого бы то ни было орудия».

ГЛАВА V

РЕКА УРАЛ И ЕГО РЫБА

Вернувшись с Маныча, Бэр встретился в Астрахани с Данилевским. Последний, работая в Тифлисе над архивными материалами по рыболовству, в конце мая 1856 г. серьезно заболел. Несмотря на болезнь, он уже в начале июня прибыл в Астрахань и, ознакомив Бэра со своими изысканиями, отправился во второй половине июня на р. Урал [1] для изучения тамошнего рыболовства.

У устья Урала, у Каменного острова, тюлени, не выходя на берег, играли на мелях и часто выпрыгивали из воды. Старые гурьевские казаки по движению этих животных предсказали шторм, что и сбылось. К вечеру подул крепкий ветер, превратившийся к полуночи в бурю. Шум волн, порывистый свист ветра не давали уснуть.

По дороге в г. Уральск Данилевский на месяц остановился в Гурьеве. Здесь он собрал, при помощи Карелина, предварительные сведения о положении рыболовства на р. Урал. 10 дней взяло у Данилевского путешествие от Гурьева до Уральска, где он оставался 2 месяца, до конца сентября 1856 г. Результат своих трудов, «Подробное и достоверное», по отзыву Бэра, «описание уральского рыболовства», Данилевский представил Бэру уже в Петербурге.

«Река Урал», пишет Данилевский в своем классическом отчете, «от Уральска до Гурьева течет по ровной глинистой степи нешироким руслом, имеющим в верхней части не более 50 саж., у Гурьева же в обыкновенную воду до 80, а при половодье до 100 саж. ширины. . .

«На всем этом протяжении Урал принимает в себя с правой стороны лишь две реки: одну — у самого Уральска, другую, гораздо меньшую, — в 34 верстах ниже Уральска. Обе носили одно имя „Чиган". С левой стороны на указанном пространстве

[1] Урал до 1775 г. назывался Яиком.

в Урал не впадает ни одной реки. Но зато он выпускает из себя много рукавов, которые, несколько протекши, опять в него же вливаются...

«Такие рукава Урала называются старицами, как бы потому, что они были некогда главными его руслами. Озеровидные расширения этих стариц называются котлубанами...

«Самый берег Урала нигде не высок, но все же, как и Волга, имеет свою нагорную и свою луговую стороны... Течение Урала чрезвычайно извилисто. Дно Урала от Уральска до Горской крепости песчаное, ниже же Горской становится все более и более глинистым и иловатым. Каменистых гряд, удобных для икрометания красной рыбы, в нем ниже Уральска решительно нет. Выше Уральска берег Урала состоит из плитняка, который составляет и дно реки...

«Верстах в 100 выше от Уральска, по дачам илецких казаков, все дно Урала состоит из мелких камней, предоставляющих красной рыбе удобное место для икрометания».

Во времена Данилевского Урал тек до самого Гурьева одной трубой, не считая стариц, и только ниже Гурьева делился на рукава. Расстояние от крайнего западного устья Урала до крайнего восточного по морю равнялось, примерно, 10 верстам.

Однако незадолго до времени Каспийской экспедиции, в 30-х годах, Урал имел гораздо больше рукавов и делился уже верстах в 80 выше Гурьева, тогда как во времена Данилевского, как было указано выше, все разветвления его начинались ниже этого городка. За 20 лет одни рукава иссохли, другие — обмелели, а два озера, лежавшие недалеко от Гурьева, совершенно исчезли. Подобное обмеление замечалось и в море, омывающем уральские берега. Казаки единогласно утверждали, что прежде море было гораздо глубже, теперь же, по словам их, в выгонный ветер при устьях ходят птицы по обнаженному песку и пугают своими движениями и криком рыбу, препятствуя ей входить в Урал.

В 1853 г., по рассказам достоверного очевидца, сильная буря сорвала с якорей и отнесла в астраханские воды 24 лодки. При этом сделался такой выгон воды, что на 18 верст перед устьем дно совершенно обсохло. Люди выходили из лодок и, разостлав ковры на песке, т. е. на дне моря, отдыхали на них под тенью своих лодок.

Об обмелении свидетельствовало и появление новых островов вблизи устья Урала и срастание прежде бывших островов с материком. Убедительным примером обмеления северо-восточного угла Каспийского моря являлся залив Богатый Култук. В нем некогда производился большой лов рыбы, при Данилевском же в этот залив не могли проникнуть и мелкие лодки.

Во всех мелеющих водах Волги, Урала и прилегающих к ним частей моря Данилевский нашел одни и те же виды рыб, но некоторые из рыб, живущих в Волге, в Урале не попадались вовсе или встречались очень редко.

В Урал не поднималась бешенка, стерлядь в нем встречалась редко, белорыбицы прежде вовсе в Урале не видели, и лишь в недавнее до Данилевского время она стала изредка заходить в Урал.

Величиной уральская рыба немного уступала волжской, мельчала же она теперь так же, как и волжская.

В 20—30-х годах 100 уральских рыб, преимущественно севрюг, весили кругом 42—43 п. и давали до 11—12 п. икры, при Данилевском же 100 рыб тех же видов весили на Урале не более 30—33 п. и давали от 7 до 8 п. икры.

ГЛАВА VI

ОСНОВНЫЕ БИОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ УРАЛЬСКОГО РЫБНОГО ХОЗЯЙСТВА

В своих уральских исследованиях Данилевский сосредоточил свое внимание преимущественно на двух биологических факторах, обосновавших уральское, как, впрочем, и все каспийское рыбное хозяйство. Таковыми являлось икрометание, вызывавшее весенний ход рыбы в реки, и лежание рыбы на ятовях — нечто в роде зимнего сна, обусловливавшее осенний ход рыбы в реки.

Оба эти явления, как выяснил Данилевский, у красной рыбы на р. Урал отличались замечательными особенностями даже сравнительно с соседней Волгой.

На Урале красная рыба метала икру не только в реке, но и в море, у низменных его берегов — черней, причем метала ее раньше, чем на Волге. На всем протяжении Урала от моря до Уральска и даже почти на 100 верст выше этого города, как мы указывали, не находилось мест, пригодных для икрометания красной рыбе, а это расстояние равнялось по прямой линии 600 верстам, а если считать извилины реки, то и более, чем 1000 верст. Поэтому, как пишет Данилевский, рыба, войдя ранней весной в реку в поисках подходящих для икрометания каменистых гряд, уходит по разливам Урала на так называемые наборы, или выбойные места, т. е. туда, где дно твердо, неровно, много корней и растет тальник. Здесь она и выметывает икру, никогда не выбивая ее в главных руслах Урала. Только выведшиеся из икры мальки попадают в Урал, который спускает их в море. На пути мальки могут заходить или заноситься в старицы.

Особенностями уральского прибрежья Данилевский объясняет икрометание красной рыбы в море. По всему уральскому морскому берегу разбросалось множество глубоких заливов — култуков. Это — бывшие устья высохших рек. Такие мощные

устья заманивают в себя стремящуюся в реки рыбу тем успешнее, что в култуки вливается со степи пресная вода. Вошедшая в култук рыба долгое время остается там, ища и не находя выхода, при этом сзади она теснится беспрестанно вновь прибывающей рыбой. Между тем, для нее наступает время икрометания. Приходится рыбе поэтому, против своего обыкновения, выбивать икру в море на солоноватой воде култуков.

Более раннее икрометание в р. Урал и в прилегающей к нему части моря Данилевский объяснял тем, что вода Урала, разливаясь тонким слоем по степи, очень скоро нагревается.

То же происходит и в море по причине его малой глубины, на большом расстоянии от берегов. Рыба в этих местах рано встречает нужную ей для вымстывания икры температуру воды.

Изучил Данилевский на Урале тщательно и явления зимнего отдыха, или сна, рыб. С конца июля, как пишет он, уже замечают, что красная и черная рыба начинает вторично подниматься в Урал. В это время всякий лов запрещен, чтобы не пугать входящую рыбу. Сначала она гуляет, но, по мере того как вода начинает охлаждаться в августе и в сентябре, рыба останавливается на некоторых удобных для нее, преимущественно глубоких, местах и держится около такого выбранного ею места, не отходя далеко от него. Во все это время опытные казаки, особо для этого назначенные, зорко следят за ходом рыбы и знают каждый прошедший мимо них косяк, так что всегда наперед могут сказать, каковы будут осенние ловы. Когда рыба останавливается на известных местах, сторожевые казаки наблюдают, в каком количестве и какая рыба тут легла. Для этого они смотрят по зарям, как рыба поднимается, т. е. играет, выпрыгивая из воды. Опытность казаков в этом деле так велика, что издали, на расстоянии, на котором уже нельзя легко отличить форму рыбы во время ее быстрого всплеска, они по этому всплеску безошибочно узнают не только породу, но и пол рыбы. Икряная рыба, как говорят они, лишь немного и тихо приподнимается из воды. Яловая же (не имеющая икры) вся очень быстро выскакивает. Места, на которых скопляется рыба, уральцы называют ятовями.

На ятови, которую избирает себе красная рыба, черная уже не встречается, и наоборот. Из красной рыбы на ятови всего более собираются осетры; севрюги же и белуги бывает несравненно меньше. Ятови эти известны казакам все наперечет и имеют определенные названия. Иногда случается, что рыба совершенно бросает какую-нибудь ятовь и избирает новое место, где прежде ятови не существовало. Обыкновенно ятови — места глубокие. Пока ятовное место еще не покрылось льдом, рыба часто поднимается на поверхность воды и играет,

особливо по утрам; по замерзании же ятови рыба опускается вглубь, но не лежит на дне, а держится в небольшом от него расстоянии. Часто казаки, сторожащие покрытую льдом ятовь, подползают к ней и сквозь прозрачный, еще не занесенный снегом лед стараются рассмотреть рыбу. На дне рыбу сквозь лед не видать. Казаки поэтому сильно ударяют по льду палкой. Тогда рыба большей частью боком, точно прислушиваясь к потревожившему ее шуму, вся поднимается кверху.

Ятовая рыба выпускает из себя слизь, которая одевает всю ее тонкой оболочкой, называемой сленом или шубою. По мнению казаков, рыба чрезвычайно бережет во всю зиму слен, который должен предохранить ее от холода, и опасается сбить или стереть его с себя.

Этой заботой рыбы о своей «шубе» объясняют казаки необыкновенную зимою медленность движения рыбы, так что когда даже зацепят ее багром, она весьма мало бьется. Казаки не думают, чтобы рыба в это время спала, и действительно, трудно решить, спит ли она, или находится только в каком-то оцепенении. Состояние это, по предположению Данилевского, может зависеть как от холода, так и от меньшего количества воздуха подо льдом и, следовательно, от слабейшего дыхания рыбы. Во всяком случае, сон этот, или оцепенение, не очень крепок. Через несколько времени, примерно через полчаса после начала багрения, всегда сопровождаемого большим шумом, рыба поднимается со дна и начинает медленно расходиться в стороны. Она на ятови ничего не ест. У багреной рыбы в желудке не находят ничего, кроме слизи. Лишь белуга составляет исключение. Не только яловую (всегда более прожорливую), но и икряную белугу случается ловить в это время с желудком, набитым черной рыбой.

Этот рыбий обычай, как пишет Данилевский, ложиться зимою на ятови наблюдается во всей полноте только на Урале, потому что только на нем приняты все меры, чтобы дать рыбе все средства следовать ее инстинкту. Но он должен существовать и в прочих реках, замерзающих зимой.

В самом деле, в астраханских водах, там, где рыбу прибегают к осеннему и зимнему лову, рыба также собирается к зиме в определенных, наперед известных пунктах. Только ловят ее не на самых местах ее лежания, а заперев ей выходы, сначала спугивают ее с этих мест и потом уже ловят.

Вообще же на Волге судоходство, продолжающееся до самого замерзания реки, и рыболовство, не прекращающееся и зимой, не дают рыбе спокойно улечься на зиму в удобных для этого местах.

ГЛАВА VII

ОРГАНИЗАЦИЯ РЫБНОГО ХОЗЯЙСТВА НА р. УРАЛ

Резко отличалась организация рыбного хозяйства на р. Урал как от волжского, так и остальных каспийских рыболовств.

Вся р. Урал, от границ илецких казаков, в 100 верстах выше Уральска, и до самого моря, далее часть моря по берегу до 6—7-саженной глубины и, наконец, все реки и озера, лежавшие в пределах земли Уральского войска, составляли его общую нераздельную собственность.

Здесь совершенно отсутствовали участки, принадлежавшие отдельным лицам или селениям. Казаки, жители г. Гурьева в низовьях Урала, имели право участвовать в багрении, начиная с г. Уральска, а казаки, жившие в Уральске и выше, могли спускаться до самого моря во время весенней плавки, а то и ловить в самом море. «Такого способа пользования самого законного и справедливого по отношению к дарам природы, сколько мне известно, нигде не существует, кроме Урала», писал Данилевский. «Здесь в казацком товариществе, распоряжавшемся занятою им страною по своему произволу, без всяких внешних ограничений», продолжает бывший петрашевец и фурьерист, а теперь славянофил, рассматривающий крестьянскую общину как оплот патриархальности, «проявилось на совершенном просторе ничем не стесняемое общее всем славянским племенам стремление к общинному пользованию собственностью».

Мы убедимся вскоре на основании данных самого же Данилевского, что́ на самом деле представлял собою этот призрачный, «ничем не стесняемый простор» в условиях русской действительности первой половины XIX в.

Весьма интересна и поучительна в этом смысле история завладения р. Урал и уральским участком моря уральскими казаками.

В 30-х годах XVIII в. казаки жили только в Яицком городке, будущем Уральске, и его ближайших окрестностях. В низовьях Урала кочевали по левой стороне реки казахи, по правой — калмыки, все время враждовавшие между собой. Старики уральцы рассказывали о необыкновенном изобилии в Урале рыбы в тогдашние времена. В 4 верстах ниже Гурьева городка существовал в прежние годы казенный учуг, отдававшийся на откуп. Рыба, по словам старых людей, так напирала на него, что приходилось разгонять ее пушечными выстрелами.

В Яицком городке насчитывалось всего до 3000 способных носить оружие казаков, в то время как при Данилевском в Уральске жило уже до 15 000 казаков. Яицкие казаки XVIII в. охраняли лишь тот район, который непосредственно примыкал к их месту жительства, и кормились, главным образом, рыболовством.

В 1741 г. в Астраханскую губ. направляется «для отвращения и конечного киргиз-кайсацких и калмыцких перебегов пресечения, «первоначальник русской исторической науки» Василий Николаевич Татищев, только что сидевший в Петропавловской крепости и выпущенный оттуда после падения его врага Бирона.

В состав Астраханской губ. времени Татищева входили громадные пространства позднейших Астраханской и Саратовской губ., земли войска Уральского и Прикавказье. Область эту новый губернатор застал в самом жалком состоянии. «Сия губерния», писал Татищев в 1742 г. кабинет-секратарю Елизаветы Петровны Черкасову, «так разорена, как недовольно сведущий поверить не может, понеже люди разогнаны; доходы казенные растеряны или растрачены; правосудие и порядок едва когда слыханы, что за таким великим отдалением и не дивно... Причина же сего есть главная, что несколько губернаторов сюда вместо ссылки употреблялись и, не имея смелости, или ничего, или, боясь кого, по нужде неправильно делали. А может и то, что, не имея достаточного жалования, принуждены искать приработка, не взирая на законы».

В целях защиты казацких жилищ вниз по течению Урала, Татищев предложил перевести на реку ниже Яицкого города Казанский драгунский полк, а для еще большего увеличения числа оседлых обитателей области под прикрытием этого полка поселить самарских и алексеевских дворян, представлявших собою также нечто в роде войска, только иррегулярного.

Проект Татищева был утвержден. Однако казаки запротестовали против такой помощи. Они предвидели, что новые поселенцы будут перелавливать на пути идущую к ним с моря рыбу, да и не дадут им возможности рыбачить в низовьях Урала. Насколько боялись казаки предполагаемого поселения

драгун и самарских и алексеевских дворян, видно из того, что они говорят в своей просьбе: «От такого заселения мы прийдем в крайнюю нищету и разорение и рыбные наши промысла, от которых все свое содержание и пищу имеем и службу отправляем, ибо за таким поселением рыба до нашего городка, затем что всегда будет пужана, приходить уже не может, и от одного орудийного выстрела или огнища, или же кто не во время хотя одну рыбу поймает, вся на низ уходит». Конечно, губительное влияние выстрелов и огня на рыбу уральцы, опасаясь конкуренции, явно преувеличивали, но вместе с тем утверждение это свидетельствовало и о действительной заботливости, с которой уральцы относились к своему делу.

Ходатайствуя об отмене решения, уральцы выдвинули контрпроект, поддержанный впоследствии и самим Татищевым. Они сами взяли на себя обязательство построить «на пустом расстоянии, от Яицкого городка вниз по р. Яик к Гурьеву», две крепости и охранять их, как и всю линию до Гурьева, своими силами.

Взамен правительство отменило заселение и разрешило раскрыть ворота гурьевского учуга. Вскоре учуг этот в низовьях Урала совсем уничтожили, и вместо него казаки устроили у себя свой собственный учуг. Рыба летнего и осеннего входа сама себя доставляла до г. Уральска, но дальше уже уральским учугом не пропускалась. Орудием лова, однако, учуг этот, в отличие от волжских и куринских учугов, не служил. Перед ним не лежало никакой крючковой снасти. Ширина реки здесь была в 80 саж., сам же учуг дугообразной формы, пересекавший реку перпендикулярно к ее течению, достигал 90 саж. ширины. Глубина реки у учуга не превышала нигде 3 саж. Ежегодно с наступлением морозов учуг разбирали и снова строили не ранее половины июля, после того как Урал у Уральска войдет в берега. В постройке учуга участвовало до 300 казаков, из них 8 человек, самых искусных пловцов, вели водолазные работы.

К началу второй половины XVIII в. Уральское войско владело уже всеми водами, которыми оно пользовалось спустя 100 лет, во времена Каспийской экспедиции. В частности, казаки забрали в свои руки и морской лов по култукам и всему северо-восточному побережью Каспия.

Роль пионеров уральского морского рыболовства сыграли раскольничьи монахи и беглые, укрывавшиеся от преследовавших их царских властей у уральцев и поселившиеся в пустынных местах по берегу моря. «Весною рыба толпится в култуках и жмется к берегам, откуда переливается со степи пресная вода», рассказывали они уральцам. Казаки не преминули орга-

низовать лов на простых бударках в указанных беглыми местах, однако, в отличие от волжских рыбопромышленников, дальновидно сейчас же приняли меры, чтобы морской лов не повредил их главному речному рыболовству. В море, у устья Урала, они расставили бакены, за которые не пропускали никого, «дабы не последовало препятствия входу рыбы в уральские устья». Казаки не останавливались даже перед облавами на «чужих» рыбопромышленников, посягавших на их морские воды. Так, например, в 1832 г. они выдрали до 8000 сетей, поставленных вольными эмбенскими промышленниками в море, с левой стороны устьев Урала.

Во времена Данилевского, для охранения уральских морских вод назначались ежегодно особые смотрители из офицеров или урядников Уральского войска. В их распоряжении находились подрасшивы — большие морские, длиною до 12 саж., без палубы, лодки, и легкие косные лодки от 6 до 10 весел, с зонтом, с некоторым числом казаков. Кроме того, на различных пунктах берега и на островах расставлялась береговая стража. Разъездные лодки эти следили за тем, чтобы непринадлежащие к войсковому сословию не ставили никаких сетей в уральских водах да и чтобы сами уральцы не ловили против устьев Урала.

У обличенных в тайном рыболовстве полагалось весь рыбный товар и сети отбирать и продавать с аукциона в пользу войсковой казны. Однако на деле обыкновенно все происходило иначе. «Когда казаки разъездные», рассказывает Данилевский, «или и просто ездящие по своей надобности поймают астраханцев в своих водах, то начинают с того, что угрожают им доставкой к начальству и бьют до тех пор, пока те не дадут за себя выкупа. Тогда тотчас же мирятся, и обе враждебные партии, казаки и астраханцы, вместе пьют и гуляют. К начальству же представляют только в том случае, когда в драке случится какое-нибудь несчастье, которого скрыть нельзя. Случается, впрочем, что победителями остаются астраханцы, тогда они спокойно удаляются с наловленной ими рыбою. Часто также случается, что казаки выдирают в своих водах чужие снасти только с тем, чтобы поставить их для лова в свою пользу...»

ГЛАВА VIII

УРАЛЬСКОЕ ВЕСЕННЕЕ РЫБОЛОВСТВО НА МОРЕ И НА РЕКЕ

Весною, со вскрытием ото льда моря и Урала, начиналось в приуральских водах наиболее значительное весеннее морское курхайское рыболовство. Весенний курхай продолжался от конца марта или начала апреля до 20 мая.

«Лучшие места в этом лове», пишет Данилевский, «отводили себе, само собою разумеется, рыболовные атаманы и их помощники. Места эти так и назывались атаманскими...

«Право на выставку того или иного числа сетей казак получал в зависимости от его чина. Простой служащий казак имел право на 9 сетей, отставной казак и малолетний [1] — всего только на 6 сетей, а начальник курхайского участка имел право на 80 сетей на лучшем месте и не по жеребью, как остальные, а по собственному выбору, и сверх того участвовал в лове на общем основании».

Но и это не удовлетворяло начальнических аппетитов. На самом деле начальник курхая незаконно выставлял до 700 сетей в своих атаманских местах. В результате на долю его в уловные годы приходилось до 7000 севрюг, что давало начальству громадную для того времени сумму дохода в 10 000 р. От атамана, по мере сил и возможности, не отставали богатые казаки. После атаманских все лучшие места в курхайском лове доставались им, несмотря на то, что жеребий на места метался без подлога и обмана.

Казаки соединялись для лова обычно в артели, но далеко не все из них являлись истинно товарищескими. Ряд артелей составлялись богатыми казаками только для виду, чтобы занять своими сетями как можно большее пространство. Для этой

[1] Малолетки — казачьи дети от 15 до 18-летнего возраста, не зачисленные в казаки, но несущие повинности, т. е. отправляющие в войске своего рода службу.

цели казаки-кулаки нанимали к себе в работники бедных казаков и в таком подложном товариществе полновластно хозяйничали. Батраки — фиктивные члены фиктивной артели — получали от хозяина грошевую плату и не имели права на участие в улове. Другие богатеи эксплоатировали своего же брата казака иначе. Они скупали у неимущих казаков доверенности, которыми эти казаки поручали скупщикам ловить за себя. Особенно легко и выгодно было так поступать с казацкими вдовами и сиротами-малолетками, имевшими номинальное право на участие в лове.

В результате нередко один хищник-кулак держал в своих руках по несколько артелей, назначая в них лишь подставных хозяев. При таких «порядках» недобросовестный богатый казак имел гораздо больше шансов, чем бедный, получить при самом честном метании жеребья один, а то и несколько хороших номеров на некоторые из его фактически собственных артелей. На такие счастливые свои «артели» он и приписывал полные жеребья и переводил сюда своих доверителей или работников, уменьшая число их в остальных его артелях, не получавших хороших номеров. Делец-кулак совершенно не считался при этом с правилом, по которому артели определяли свой состав еще до метания жеребья и после него не имели права изменять своего состава.

Казаки приносили на все эти злоупотребления жалобы, за которые обычно наказывались как «ослушники воли начальства».

На курхайском морском рыболовстве ловилась всякого сорта красная рыба, но преимущественно севрюга. Лов рыбы производился ставными сетями. Они выставлялись в глубь моря на 30—40 верст и более по бакенным линиям, начинавшимся в расстоянии 20—30 верст от устья Урала. Морское пространство перед устьями оставлялось неприкосновенным для лова. В весеннем курхае участвовало до 1000 человек. При таком большом числе людей некоторым артелям не доставалось уже места в бакенных линиях. Тогда они выставляли свои сети в так называемых вольных водах, в промежутках между бакенными линиями. В вольных водах ловцы могли ставить любое количество сетей по своему произволу, без жеребья, а здесь-то особенно и сказывалось засилье богатых. Кулаки выставляли, конечно, наибольшее число сетей. Обладая большими лодками, они располагали свои сети на большей глубине и тем перехватывали рыбу на пути к прибрежью. Бедным приходилось ловить на неглубоких местах, на пространстве, окруженном «сетными порядками» богатых. Естественно, к сетям бедных, заблокированным богатыми, рыбе нельзя было ни с какой стороны пробраться.

Таковы были на Урале воистину неисчислимые «блага», проявлявшиеся, по свидетельству Данилевского, «на совершенном просторе общего всем славянским племенам стремления к общинному пользованию собственностью» в условиях царского самодержавного режима.

Весною рыба массами шла в Урал, чтобы метать икру, после чего сейчас же возвращалась в море. Казачество, немедля, в один прием, вылавливало в это время свою рыбу от Уральска до самого моря.

Как только вскрывался Урал, во второй трети апреля, начиналось на реке весеннее севрюжное плавное рыболовство, или севрюжья плавня, заканчивавшееся по большей части уже в начале июня.

В весеннем севрюжном рыболовстве участвовало иной год до 2000 и более бударь. Дружно встречали они косяк рыб, подымавшихся по Уралу. Рыболовствующее войско, так называемая громада, двигалось все вместе от одного, точно назначенного, рубежа до другого.

Лов начинался не ранее солнечного восхода по выстрелу из пушки, которая нарочно для этого возилась с войском. Бударки, вытащенные с окончанием вчерашнего лова на берег и стоявшие на низменных местах в линии, с сигналом вталкивались в воду, и всякий старался со своей бударкой оказаться впереди. Разогнавшись и несколько разбредясь по Уралу, казаки начинали выбрасывать свои сети. Сигнал давался для того, чтобы никто не мог с самого начала заплыть вперед, и таким образом шансы улова уравновешивались. Если кому и удавалось впоследствии обогнать других, то это уже зависело от силы и искусства гребца. С особенной строгостью наблюдались эти приемы при лове сетями, которые тянулись усиленной греблей на двух бударках. Сети эти, так называемые ярычи, представляли собою нечто вроде вентеря только не стоящего, а движущегося. Плавными сетями сильно не гребли, а только следовали за течением. Тут перегонять не приходилось. Лов оканчивался также «повесткой» из пушки. После этого все лодки вытаскивались на берег, чтобы никто не мог тайно ловить ночью.

На этом рыболовстве казаки очень спешили, чтобы не захватило сильными разливами. Боялись промешкаться до того времени, когда рыба вновь начнет подниматься в Урал — искать себе ятовных мест. Дневок поэтому не полагалось. Не считались даже с праздниками. Но, вместо праздничного отдыха, приключались, к неудовольствию рыбаков, отдыхи невольные во время сильных ветров и непогод.

Достигнув моря, войско имело право еще ловить в течение 10 дней в заповедном пространстве, против устьев Урала.

С окончанием севрюжного рыболовства промышленники возвращались уже не водой, а сухим путем, везя свои бударки на длинных дрогах (арбах).

Правила севрюжного речного рыболовства, как мы видели, в большей степени, чем порядки морского курхая, уравновешивали шансы уловов для всех участников. Вместе с тем принимались здесь и все меры, чтобы ни одна рыба не ушла от ловцов. Рыба, ускользнувшая от главной массы севрюжников, попадалась в сети рыбачущих непосредственно вслед за ними. Наконец, очень немногое, все-таки сумевшее проскользнуть к Уральску, выбиралось снова неводами. Урал, как пишет Данилевский, выметался, так сказать, дочиста.

Таким образом, несмотря на то, что на Урале не существовало, как на Куре и отчасти на Волге, вблизи устьев забоек, несмотря на то, что уральский учуг устраивался позже, после окончания весеннего хода, красной рыбе пробраться за Уральск до мест, удобных для икрометания, было чрезвычайно трудно.

Для того, чтобы рыба в большем количестве доходила в р. Урал до мест нереста, Данилевский предлагал приостанавливать севрюжью плавню, примерно, недели на две или даже на одну декаду. Этого времени хватало бы, по его мнению, чтобы успеть беспрепятственно пройти достаточному количеству рыбы вверх по реке до нерестилищ. Следовало бы, по мнению Данилевского, также запретить всякое рыболовство выше Уральска с самого вскрытия льда до августа. Это верховым жителям не принесло бы большого урона, так как они в это время больших ловов не производили. Зато осенью количество красной рыбы у них бы прибавилось. Крупная, задержанная учугом рыба не могла бы вернуться в море.

К половине июня всякий лов во всех водах, принадлежавших Уральскому войску, совершенно прекращался до 15 августа, с единственным исключением лова выше уральской забойки. Там лов, с точки зрения Данилевского, к ущербу для дела, разрешался круглый год.

ГЛАВА IX

ОСЕННЕ-ЗИМНЕЕ РЫБОЛОВСТВО НА УРАЛЕ

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ ОТНОСИТЕЛЬНО УРАЛЬСКОГО РЫБОЛОВСТВА

Летом, с начала июля и до половины сентября, рыба поднималась снова в реку, но уже не такими массами, как весною, а отдельными косяками, с тем чтобы лечь на ятови. Найдя для себя удобные места, она от них далеко не отходила и с охлаждением воды к началу октября ложилась на ятовях. Здесь, не будь зимних уловов, она оставалась бы до начала весны или конца зимы.

С 15 августа начинались осенние рыболовства. За морским осенним курхаем следовала речная осенняя плавня с одновременным с нею осенним неводным ловом и побочными осенними рыболовствами. Осенний морской курхай ничем от весеннего не отличался. Осенняя плавня, начинавшаяся в конце сентября, когда рыба лежала уже на ятовях, носила некоторые отличительные от весенней плавни черты. К солнечному восходу бударки, как и весною, выравнивались на берегу и по сигналу сталкивались в воду. Где, за неимением поблизости отлогих мест, бударки до спуска в воду стояли на яру, там дело никогда не обходилось без ломки. Всякий греб с величайшим напряжением сил, часто до совершенного изнеможения. Бывали случаи, что здоровые и сильные казаки догребались до обморока. Весною на плавне люди торопились только еще в надежде на проблематично более обильный лов впереди товарищей, осенью же ловец знал наверно, что, достигнув первым или одним из первых намеченной ятови, он безошибочно поживится в наибольшей степени до прихода прочих из известного ему места скопления рыбы. Выловив первую ятовь, казаки на промежутках до следующей ятови рыбы уже не ловили, а сразу гребли вперегонку к новой ятови за верной добычей.

Неводами осенью начинали на Урале ловить обыкновенно спустя 10 дней после окончания осенней плавни. Осенние не-

вода, длиною от 120 до 200 саж., тянулись через реку от одного берега до другого. Частые ячеи их предназначались для ловли преимущественно черной рыбы. Красная попадалась лишь случайно. Не каждый рыбак мог иметь такой большой невод. Поэтому составлялись неводные артели не меньше, чем из 6 человек. Артели расписывались по пескам, т. е. по отмелям у берега, где легче вытягивались невода. У уральцев все такие пески были наперечет и имели свои названия. Ловцы знали, на каких песках рыбы ловится больше. На те приписывалось и больше неводов. Переведя конец невода на другой берег, артель тянула невод по обоим берегам сухопутьем, примерно, сажен на 100, после чего невод подтягивался к «песку». Тяга невода производилась безостановочно двое суток с небольшим перерывом только для ночного сна. После назначалась дневка для уборки, соления и дележа рыбы.

Начальство не стыдилось, разъезжая с «песка» на «песок» для осмотра, выпрашивать себе пойманную ловцами красную рыбу. Казаки, зная это и вместе с тем не решаясь отказывать в просьбе начальника, рыбу обыкновенно заблаговременно прятали.

В ноябре все осенние рыболовства на Урале заканчивались. Наступал более или менее продолжительный перерыв, длительность которого зависела от того, рано или поздно станет Урал.

С замерзанием Урала начиналось на реке багренье и зимнее неводное рыболовство, прекращавшееся во второй половине января.

Багренье становилось возможным только тогда, когда лед делался достаточно крепким, чтобы выдержать значительную тяжесть. Оно распадалось на 3 части.

Первый «кус» на ближайших к Уральску ятовях продолжался всего один день. Добыча его предназначалась в «презент высочайшему двору». В Петербург на стол царю доставлялись лучшие осетры и зернистая икра. До 50-х годов старались посылать туда самые большие экземпляры, пудов от 5 и более. «Теперь мода на этих чудовищ прошла, ибо осетры в 2 и 3 п. гораздо вкуснее», пишет Данилевский. «В прежние времена», осторожно продолжает он, «презент, отсылаемый к высочайшему двору, давал повод к значительным злоупотреблениям». Презенты преподносились не только царю, но и разным придворным, в покровительстве которых атаман и войско нуждались, причем в «подарок» посылали не только рыбу, но и лошадей, тулупы и даже калмычат. «Теперь», многозначительно заканчивает Данилевский, «ни лошадей, ни тулупов, ни калмычат в подарок разным лицам не отправляют, но отправляется ли рыба и икра исключительно к высочайшему

двору, — с такою же уверенностью утверждать не могу». И в XIX в., так же как и в XVIII, верноподданным приходилось давать взятки не только царю, но и его приближенным.

Следующее, малое, багренье, производившееся в середине декабря, продолжалось 5 дней в 95 верстах ниже Уральска.

Третье, большое, багренье начиналось дней через 10 после окончания малого и длилось 8 дней.

Единственным орудием, употреблявшимся при багрении, служил багор — большой железный полусогнутый крюк, вершка в 2 в отгибе, заостренный с одного конца. Стержень его привязывался крепкой бечевой к навязи — палке в 1 арш. длиною и в средний палец толщиною. Навязь, в свою очередь, связывалась с шестом. По мере надобности, к последнему надвязывался еще один или несколько шестов, так что иногда весь багор достигал 10—12 маховых саж. длины. К багру иногда прикрепляли, немного повыше навязи, несколько гирь до пуда и более весом, смотря по длине багра и по быстроте воды. Опущенный в воду конец багра тогда не относился течением и находился постоянно в вертикальном положении.

В багрении могли участвовать только казаки лично по билетам, называвшимся початками. Работников нанимать на багренье ни в коем случае не разрешалось. Артели, которые принимали в свою среду иногородних, очень сурово карались. Без дальних рассуждений от такой артели отнималось все: сани, упряжь, лошади, багры, все продовольствие и вся наловленная рыба, и все это отдавалось в пользу поимщиков.

Багренье производилось, как и в плавне, так же по рубежам. На каждом из рубежей казаки багрили в течение одного дня. Лов начинался не ранее 10 ч. утра. Надо было дать собраться всем казакам. Многие из них по холодному времени ночевали на ближайшем к рубежу форпосте или по окрестным хуторам. Выходили на лов на санях с запасом продовольствия для себя и для лошадей. Багры зацепляли за хомут лошади, так что другой конец багра тащился по снегу. По приезде на место, люди становились в порядке, против ближайшей к рубежу ятови, на мели или, где такой не было, у самого яра, при полном молчании, чтобы не испугать преждевременно рыбу. По сигналу из пушки все бросались на лед, чтобы как можно скорее занять свои места, рубили круглые проруби не больше $^1/_2$ арш. в диаметре и в несколько минут изрешетяли все пространство ятови. Каждый опускал в свою прорубь багор почти до самого дна, слегка двигая его сверху вниз. Рыба, лежавшая до того времени совершенно неподвижно, начинала медленно двигаться и расходиться. Тутто она и попадала на багор, который не колол, а подцеплял рыбу. Рыбак, почувствовав тяжесть на багре, его потихоньку

вытягивал. Это было очень легко, пока смирная зимою рыба находилась еще в воде. Когда же рыбу вытягивали на лед, то в случае поимки крупного экземпляра с нею справиться одному было трудно. Подбежавший на зов товарищ по артели зацеплял рыбу подбагорником, таким же багром, только покороче, и помогал справиться с рыбой. Рыба, скопившаяся на ятови в кучи, почти неизбежно попадала на тот или другой багор. Багров же порою действовало до 7000 слишком на пространстве версты в длину (ятови редко бывали длиннее) и нескольких десятков сажен в ширину. Однако иная счастливая рыба все же срывалась с багра и потом уже не попадалась ни на багры, ни в стоявшие в конце рубежа поперек Урала ставные сети — переставы. Об этом свидетельствовали зажившие язвинки на некоторых рыбах, пойманных впоследствии во время вольных зимних рыболовств, а то и весною. Казаки полагали, что, сорвавшись с багра, такая рыба успевала прижаться к берегу и в испуге стояла неподвижно до тех пор, пока казаки не разбагрят всей ятови.

Иногда во время багрения рыба где-нибудь ловилась так сильно, что рыбаки со всех мест, где лов шел худо, бросались туда, оставляя свои прежние проруби. Багрящих собиралось так много, что, несмотря на крепость льда, он «обдавливался», вода выступала сквозь проруби и стояла на несколько вершков выше поверхности льда. Вода эта скоро окрашивалась кровью багреных рыб.

Разбагрив ятовь, отправлялись на следующую и так шли до конца очередного рубежа, которого достигали обыкновенно уже к вечеру. Переходить рубеж до назначенного времени, т. е. до 10 ч. утра, равно как употреблять какие-либо орудия лова, кроме багров, ловцы не имели права. В связи с этим не позволялось ставить кошары (небольшие кибитки) для ночлега среди Урала. Все ловцы выходили на ночь на берег. Там только, где подняться не давал крутой яр, артель могла ставить кошары на льду, вдоль самого яра. Желающим, однако, не возбранялось выходить ночью на середину Урала, но только с одним багром для багрения по старому рубежу.

В 20-х годах XIX в. на ятовях рыбы в Урале держалось изумительно много. Она лежала на них несколькими слоями. Из одной проруби, постепенно увеличивая глубину, на которую опускался багор, и вылавливая таким образом слой за слоем, ловец вытаскивал до 40 рыб.

В 50-х годах, ко времени Бэровской экспедиции, рыбы в ятовях Урала стало меньше, но все же багренье, по ценности добываемой рыбы и икры, оставалось самым выгодным из уральских рыболовств. К тому же оно являлось наиболее доступным для самых бедных. Здесь не требовалось ничего,

кроме багра, саней и корма лошадей. Любили этот древнейший свой промысел уральские казаки и потому, что на нем более, чем на всяком другом рыболовстве, играли роль счастье и случай. Багренье представляло собой своего рода лотерею, в которой счастливому удавалось иногда в $^1/_4$ часа заработать до сотни рублей.

Как только на море лед становился достаточно крепким, начинался, преимущественно у уральцев, жителей Гурьева, а кроме того, и у астраханцев, зимний подледный лов на самом Каспии. Рыболовство это называлось «аханным» по имени сетей, употреблявшихся зимой для лова красной рыбы, главным образом белуги.

Ахан представляет собой, как мы уже говорили, род неподвижной, так называемой ставной сети. При лове она сохраняет постоянно вертикальное положение. Ахан вяжется из особо толстой пряжи. Ячеи его очень крупной величины. К верхней подборе прицепляются длинные веревки — «сторожа», которые привязываются к жердям «прогонам». Ими аханы протягиваются подо льдом от первой проруби до близлежащей, на расстоянии, соразмерном длине сети — обычно от 10 до 12 саж. Аханы висят подо льдом наподобие живой стены, беспрестанно движущейся и колышащейся.

Аханами на глуби ловились больше всего белуги. Осетры, шипы и севрюги встречались редко. В чернях же (ближе к берегу) попадалась преимущественно белорыбица, мелкие шипята и осетрята, а иногда и стерляди.

Аханное рыболовство было сопряжено не только с большими трудами и лишениями, но и грозило всегда опасностями. Оно поило и кормило, обувало и одевало казака, но вместе с тем нередко и пускало его с сумой по миру. Мало того, оно подчас играло и самою жизнью казака, завлекая его в глубь непостоянного и бурного Каспия.

Выезжали ловцы на аханное рыболовство большими обществами далеко в море, на многие десятки, а иногда и более 100 верст от берега, сроком на 2—3 недели. Рыбаки ехали на особых широких и коротких аханных санях. Изготовленные наполовину из кованого железа, сани отличались крепостью. Изогнутые полозья и узкая колея саней делали их очень подвижными. Выбрав место, люди устанавливали войлочные шалаши — копи, потом приступали к вырубке длинных рядов прорубей. Аханы выкладывались так называемыми «порядками». Каждый «порядок» состоял из нескольких, а то и многих десятков аханных сетей (иногда до 100). Ежедневно с утра ловцы объезжали свои «порядки» на санях и выбирали пойманную рыбу.

И вдруг налетал сильный, порывистый ветер с севера или северо-запада. Вода подо льдом начинала колыхаться, лед ломался на необозримые пространства и угонялся в море, унося с собой и промышленников с их станами и рыболовными припасами. Огромные льдины эти носили на себе аханщиков иногда по несколько недель, так что у них выходил весь провиант и для себя и для лошади. Приходилось резать лошадей, чтобы прокормить казаков. Сами же казаки ели лошадиное мясо только в последней крайности. Оно считалось у них «нечистым» и запрещенным. Если носящая их льдина, подтаяв, грозила распасться, казаки снимали с убитых лошадей шкуры, надували их и делали из них бурдюки, на которых казахи переправляются через реки. К бурдюкам они прикрепляли свои сани, из оглоблей делали весла и на таких своеобразных и неверных судах вверяли свою судьбу морю. Обычно бедствующих аханцев прибивало к какому-нибудь берегу, или их встречали и принимали астраханцы, шедшие на эмбенский лов.

Хуже всего, если движущаяся льдина с отнесенными аханщиками сталкивалась с другой льдиной такой же величины, идущей в противоположном направлении. Потрясаясь, с громом они лезли одна на другую, разбиваясь с краев на куски. Куски эти громоздились друг на дружку, образуя огромные высокие бугры. Все, что ни попадалось в этот лом, сокрушалось и погибало.

За все эти напасти ловцов вознаграждали большие белуги, составлявшие главную добычу аханного лова. Впрочем, в выставленные аханы, кроме рыбы, иногда попадались и тюлени.

Случалось, что на рассеянных по льду моря казаков внезапно нападали казахи. Аханщиков охранял поэтому специальный казацкий отряд из 20 казаков, выделявший передовые пикеты и делавший разъезды, да и сами промышленники были вооружены.

Аханы употреблялись не только на море, но и в некоторых рукавах Волги во время зимнего лова, называвшегося «громкой». Сети выкладывались здесь порядками лишь в 5, 10, 15 аханов. Ловцы поднимали рыбу из логовищ и нагоняли ее на расставленные крючки и сети шумом и стуком. При «громке», кроме белуги, ловились нередко осетры и севрюги.

Много народа работало и много рыбы добывали на р. Урал зимою неводами. К сожалению только, неводный лов отличался, наряду с другими тоже небезгрешными уральскими ловами, царившими в нем злоупотреблениями. Начальники зимних неводных ловов обычно до дележа рыбы по паям выбирали себе всю красную рыбу, которая и без того в этом лове редко попадалась, так же как и крупнейшую из черной. В ре-

зультате в дележ среди простых казаков шла на самом деле одна лишь мелкая рыба. Поэтому приезжие купцы скупали одни лишь начальнические доли и уезжали, предоставляя самим казакам доставлять все прочее на продажу далеко в Уральск, а это была такая мелочь, что ее иногда не стоило и везти в город.

Очень своеобразным по своим приемам являлся один из ловов выше уральского учуга, у самой забойки. Вечером, при наступлении темноты, два казака-водолаза, раздевшись, входили в воду с левого обрывистого берега. Каждый из них держал по абрашке, т. е. по железному крючку на железной же рукоятке. Как только глубина становилась больше человеческого роста, один из водолазов нырял и шел по дну. При приближении к нему рыбы, водолаз быстро ударял ее крючком. Поймав рыбу, он тотчас выныривал. С едущей за водолазом лодки брали из его рук абрашу и втаскивали рыбу в лодку. Тогда нырял другой водолаз, плывший за первым, и так они чередовались, пока не доходили по забойке до того места, где река была уже слишком мелка для ныряния.

Били раньше казаки у устья Урала и тюленей, но потом тюлений бой был здесь запрещен. На самом же деле он продолжал производиться, правда только тайно и исключительно в пользу начальника Гурьева городка, который получал от этого запретного боя солидные барыши. Данилевский высказывал предположение, что официальное запрещение тюленьего боя у устьев Урала заведомо преследовало цель обогащения начальника г. Гурьева.

Мы не будем вдаваться во все дальнейшие, передаваемые Данилевским детали уральского рыбного хозяйства рассматриваемой эпохи. Наша задача заключалась только в том, чтобы отметить наиболее характерные черты рыбного хозяйства Урала, отличавшие его от постановки рыбного дела в других частях бассейна Каспия во времена экспедиции Бэра.

Первое, что бросается в глаза при изучении рыбного хозяйства Урала, — это его бóльшая налаженность в сравнении с промыслами других мест Каспия. Все общество уральских казаков как-то организованно, сообща, заботилось о своем деле. Казаки продуманно берегли главный источник своего благосостояния — принадлежащие им реку и прилегавшие к ней участки моря. Урал предназначался ими исключительно для рыболовства, и все прочие выгоды, которые можно было извлечь из пользования рекой, приносились в жертву рыбному хозяйству. На Урале не допускали судоходства, сплава лесу (ниже учуга), водяных мельниц. На реке почти никогда не приходилось видеть лодку, которая бы плыла не с целью рыболовства. Даже переезд через Урал представлял большие

затруднения. На всем пространстве от учуга до моря, около 500 верст по прямой линии, с извилинами же реки почти вдвое, стоял лишь один мост у самого Уральска. Единственный паром у Гурьева возбуждал негодование многих казаков. По их мнению, паром, пугая рыбу хлопаньем каната об воду, мешал входу рыбы в Урал. Если нужно было переправляться через Урал с возами, хотя бы для сенокоса по заливным лугам левого берега, то связывали две или три бударки, настилали на них, вместо помоста, плетень, а на носу и на корме каждой бударки садилось по человеку с короткими и широкими веслами, и паром готов. При таких, можно сказать, преувеличенных предосторожностях рыба находила в Урале до поры до времени полное приволье и совершенную тишину и покой. В море, как мы уже указывали, против устья Урала сохранялось заповедное пространство, на котором не ловили рыбы и где ей предоставлялся совершенно свободный ход.

Принимались, следовательно, все меры к тому, чтобы рыбы из моря входило как можно более в Урал. Здесь, в реке, она ловилась легче, лов ее обходился дешевле и был более доступен каждому, чем в море. И, действительно, как мы видели, все, что входило в Урал, казаками вылавливалось быстро, в два срока, почти дочиста. Особенно не медлили весною. Рыба в это время года входила в Урал лишь для того, чтобы выметать в нем икру, после чего сейчас же уходила обратно в море. Севрюжьей плавней она почти вся перехватывалась на пути.

После этого, как мы видели, всякий лов прекращался в море до половины августа, в реке же — до конца сентября. Сначала Данилевскому это запрещение лова с половины июня и строгое охранение устьев представились актами «предусмотрительной экономической мудрости», как он пишет. Хотелось думать, что эти распоряжения имели целью дать рыбе возможность беспрепятственно метать икру в реке. Такого взгляда Данилевский и придерживался, пока не убедился, что в Урале красная рыба мечет икру раньше, чем на Волге, и в июне с целью икрометания более в реку не подымается.

Оставить «эту лестную», как он иронизирует, «для предков нынешних уральцев мысль» заставило Данилевского и ознакомление с характером лова весенней севрюжьей плавни. Во время нее казаки вычерпывали из Урала всю рыбу, нисколько не заботясь о том, чтобы хотя бы незначительная часть ее добралась до мест икрометания. Да и думать об этом они никак не могли в силу господствовавших у них совершенно ложных представлений о том, где их рыба мечет икру. Казаки утверждали, что красная рыба мечет икру в Урале только случайно и из выметанной ею в реке икры мальков не выходит. Главное место у красной рыбы для метания икры,

как говорили они, — это море по прибрежью. Мальки могут выйти только в солодковой воде взморья.

Для чего на самом деле казаки тщательно оберегали устье Урала, — мы уже видели. Уральцы просто принимали все меры к тому, чтобы рыбу сполна выловить самим и не дать этого сделать другим. Прекращался же лов в летнее время для того, чтобы дать рыбе время улечься на ятовях. На ятовях она легче вылавливалась, да и ценность ее к тому времени возрастала. Прекращать летний лов побуждала еще и другая причина. В июле и в начале августа казаки косили сено, а его приходилось заготовлять при обширности казачьего скотоводства очень много на зиму. Летнее рыболовство отвлекало бы всех казаков от сенокоса, но предоставляло бы все выгоды богатым, которые в таком случае, не оставляя рыболовства, косили бы сено на себя руками работников.

Итак, уральцы вполне достигали целей, которые сами себе ставили: вылавливали из своих вод наивозможно бо́льшее количество рыбы, охраняя ее при этом от посягательств не принадлежащих к войску лиц. Запрещая летний лов, они вместе с тем сохраняли рыбу как бы в садке до того времени, когда она получала наибольшую ценность.

Но, не располагая в полной мере правильными сведениями об образе жизни своих промысловых рыб, они, при всей заботе о сохранении их, делали крупную ошибку. Стремясь дочиста выловить весною всю рыбу, идущую вверх по реке, они не допускали ее до мест икрометания в верховьях Урала. В результате уменьшение красной рыбы в Урале сказалось в сравнении с другими районами Каспия наиболее сильно. Между тем, имей казаки правильное представление о целях весеннего хода красной рыбы и о развитии ее, они путем незначительного перерыва весеннего лова обеспечивали бы правильное размножение красной рыбы, а следовательно, и увеличение ее улова на Урале.

Строго проводимая, созданная долголетним опытом система рыбного хозяйства на Урале имела свои положительные стороны. Ею в несколько большей степени, чем на Волге, Куре и в других частях Каспия, обеспечивалось всем участникам относительно равномерное распределение выгод дела. Но, во всяком случае, организация эта имела очень мало общего с идеальной общиной, как она рисовалась в воображении Данилевского.

Вышеприведенные, нелицеприятно вскрытые и опубликованные самим же Данилевским многочисленнейшие факты убийственной, как узаконенной самим уставом войска, так и беззаконной, но широко практиковавшейся эксплоатации богатыми уральцами своих бедных сородичей, свидетельствуют

с очевидностью, что уральские рыбные промыслы, в целом, по своей структуре представляли собою в те дни отнюдь не настоящую товарищескую, а типичную лжеартель, где при «ловкости рук» и умении «делать дела» состоятельный член артели всегда имел богатые возможности нажиться на счет мало или совсем неимущего своего же брата артельщика. В некоторых же отношениях Уральское войско того времени, как хозяйственную организацию, на основании красноречивых данных Данилевского, нельзя назвать иначе, как коллективным, хорошо сорганизовавшимся хищником, и потому не только экономической мудрости, в которой разочаровался и Данилевский, но и социальной мудрости в этом строе, если не надевать розовых очков Данилевского, никак не усмотришь. Как и во всякое дело на Руси, хорошую, отнюдь не аптекарскую дозу разложения вносили извне внутрь уральской рыбохозяйственной организации неизбывный специфический произвол и взяточничество продажного всероссийского чиновничества.

ГЛАВА X

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ОБЪЕЗД КАСПИЙСКОГО МОРЯ. ПОВТОРНАЯ ПОЕЗДКА НА ЧЕРНЫЙ РЫНОК. ОТЪЕЗД В ПЕТЕРБУРГ

Отпустив Данилевского на р. Урал, Бэр отбыл, вместе с астраханским военным губернатором, адмиралом Васильевым, на объезд Каспийского моря. Губернатор имел в виду осмотреть пристани, с которых предполагалось отправлять возвращавшиеся с Кавказа русские войска. Маршрут поездки намечался следующий: Баку, устье Куры, Энзели и Аграханский залив, несколько пунктов восточного побережья, между прочим залив Карабугаз, Ново-Петровск, Мертвый Култук. Бэра не очень-то привлекала эта парадная поездка, и он несколько раз отказывался от нее. Наконец, все же согласился, когда узнал, что в маршрут включено посещение плохо изученного восточного берега Каспия и в особенности Карабугазского залива. В поездке принимал, между прочим, участие, как мы уже упоминали, А. Ф. Писемский.

В 8 ч. утра вышли из Астрахани. Дула моряна — нагонный ветер с моря, и потому россыпи (мели) экспедиции не задержали. К 5 ч. Волга оказалась позади. Приблизились к Бирючьей косе и пересели, перегрузив свои вещи, на большой пароход «Тарки». Но дальше не пошли. Дул настолько свежий ветер, что пароход «не выгребал». К утру машина, однако, снова заработала. Двинулись дальше. Прошли вдали от Тюленьего острова, не видав этой песчаной отмели среди Каспия, но зато тюленей наблюдали целый косяк. Там и сям стали они показываться на море — один, два, более двадцати черных пятен; вынырнут, поиграют и скроются, а потом опять вынырнут.

К вечеру на другой день пароход подошел к другой песчаной отмели среди Каспия — к о-ву Чечню. Так же как и у о-ва Тюленьего, берега его едва возвышались над уровнем

Каспия. «Но было уже темно», рассказывает Писемский в своих «Путевых очерках», «так что я едва рассмотрел что-то зеленеющее вдали. Но это была только зеленая каспийская вода. Действительно, по мере удаления от берегов она становится зеленоватой, а совсем вдали от берега, где вода всего чище и всего прозрачнее, и зеленовато-голубоватой». Писемский, глядя ранним утром на «равноидущие одна за другой и широко разливающиеся волны» среднего Каспия, нашел их даже «совершенно аквамаринового цвета».

«„Вот мы теперь в настоящем море", сказал мне поутру адмирал, — рассказывает дальше Писемский. — „А там?" — спросил я, указывая назад. — „Там лужа, мелко, а здесь глубоко". — „Глубоко?" — „Да, совсем дна нет, нельзя смерить", отвечал адмирал».

Ответ адмирала был, правда, не совсем точен, но он имел свое основание. Средний Каспий, куда вышла экспедиция, не будучи, конечно, бездонным, все же гораздо глубже северного Каспия, действительно чрезвычайно, как мы видели, мелководного.

Средняя глубина северного Каспия определяется всего в 6.2 м, в то время как в среднем Каспии она равняется 175.6 м, доходя в средней части до 768 м, т. е. до 0.75 км.

Но глубже всего — южный Каспий, отделенный от среднего подводным порогом с глубиною не более 270 м. Средняя глубина южного Каспия исчисляется в 325 м, а наибольшая глубина южного Каспия, по новым данным, — до 1 км и немного более.

Писемскому, естественно, захотелось узнать, чем объясняются эти резкие различия в глубинах трех главных частей Каспия. Он спросил об этом Бэра, и Бэр возможно популярнее передал ему содержание своей гипотезы о катастрофическом понижении Каспийского моря, с образованием бугров, получивших, как мы указывали, название «бэровских». В «Путевых очерках» Писемского это разъяснение Бэра получило, надо сознаться, очень упрощенную и даже искаженную редакцию.

Во время этого последнего своего путешествия по Каспию Бэр очень интересовался гидрохимическими свойствами воды Каспийского моря. В двух местах он взял ее пробы, дав впоследствии, как мы указывали выше, впервые анализ неопресненной морской воды Каспия. До Бэра брались образчики и делались анализы воды Каспия только против устья рр. Волги и Урал, где вода сильно опреснена. Таким образом впервые до некоторой степени осветить вопрос о степени солености Каспия удалось Бэру.

Бэр приставал во время этой экспедиции к двум пунктам Нефтяного острова, побывал в двух местах Красноводского залива и посетил о-ва Святой и Челекен, но Карабугаз из-за бури пришлось миновать. Так и не осуществилась мечта его обследовать этот громадный не только по величине, но и по своему научному и практическому значению залив Каспия.

После объезда Каспийского моря, давшего Бэру возможность осмотреть восточный берег Каспия от устья Атрека до Красноводской бухты, началось для Бэра время тяжелых страданий не только от непрестанно возвращавшейся лихорадки, но и от больной ноги, «пришедшей в сильно воспаленное состояние». И все же неугомонный старик, еще не совсем поправившись, уехал снова к устьям Терека, на промыслы Черного рынка. Там в то время шел в больших размерах лов лоха (взрослые, половозрелые самцы лососей), лосося и шемаи, чего экспедиция на Черном рынке еще не наблюдала. «На исследование каспийского рыболовства потому именно и нужно столько времени», писал Бэр, «что каждую местность надо посетить в различные времена года».

В этой поездке 64-летнему академику сопутствовал молодой (29 лет) доктор медицины, ординатор Петербургского сухопутного госпиталя Филипп Васильевич Овсянников,[1] питомец, как и Бэр, Дерптского университета. Его командировало Министерство внутренних дел в Саратов и Астрахань для исследования рыболовства на Волге и на Каспийском море в связи с наблюдавшимися там отравлениями людей рыбьим ядом.

Погода испортилась. Похолодало, пошли дожди. Провóлочки на пути в Черный Яр начались с первых же станций. Изнуренные, отощавшие от скверного корма почтовые лошади останавливались иногда на полдороге. На одной из станций ждать лошадей пришлось целых 3 дня. В жалобных книгах не находилось свободного места для изложения претензий. Книги эти и без того были испещрены ими.

В пути Бэр зорко присматривался к очень постепенно менявшемуся однообразному рельефу проезжаемых мест. Многочисленные ильмени (целые лабиринты наполненных водою каналов и соединенных между собою озеровидных расширений) к югу от волжской дельты постепенно исчезали среди иловато-песчаных каспийских наносов. Между ильменями лежали, параллельно друг другу, на расстоянии полуверсты, а то и в нескольких верстах друг от друга, невысокие песчанистые желтовато-бурые и красно-бурые «бэровские бугры». Бэр

[1] Спутник Бэра Ф. В. Овсянников был позднее академиком, крупнейшим специалистом в области гистологии и эмбриологии и деятельнейшим поборником высшего женского образования в России. Большой почитатель Бэра, он был и его биографом.

особенно тщательно изучал их на, увы, слишком продолжительных остановках, усердно собирая многочисленные раковины около бугров. На всем протяжении пути Бэра с севера на юг бугры эти и в районе волжской дельты и вне ее, по северо-западному берегу моря до р. Кумы, обнаруживали то же широтное направление. Вблизи устья умирающей р. Кумы слабыми волнами расстилалась степь, состоявшая из пологих бугров и ложбин между ними. Потом пошли пески.

В станице за р. Кумой смотритель уже не отпустил путешественников дальше на юг без охраны. Пришлось взять с собою из пикета «пару» солдат.

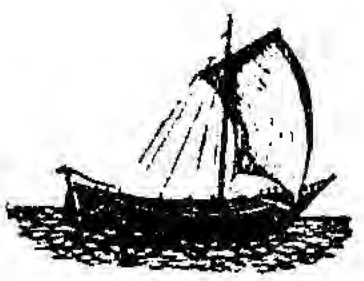
Поездка на Черный рынок взяла, из-за дурных, изнуренных и отощавших от скверного корма почтовых лошадей, сверх всякого ожидания, 3 недели. Она очень вредно подействовала на без того уже пошатнувшееся здоровье Бэра. По возвращении Бэра с Черного рынка в Астрахань, лихорадка еще сильнее прежнего схватила его. Пришлось отложить путешествие к Черному морю и отправиться домой.

При сильных страданиях, Бэр пробыл в дороге 5 недель, пока не добрался 14 марта 1857 г. до Петербурга.

Результаты данных, добытых экспедицией, составили томы II, III, IV и V «Исследований о состоянии рыболовства в России». Из них томы III (Урал) и V, содержащий драгоценный статистический материал, составил Данилевский, том IV — «Техническое описание каспийского рыболовства» — написал А. А. Шульц. Том же II, принадлежащий перу Бэра, появился в печати с сокращениями, произвольно сделанными, как отмечает Бэр в своей автобиографии, «безответственными чиновниками». Почтенный академик, несмотря на все старания, не мог узнать ни причин, вызвавших эти сокращения, ни виновников изменений его текста. «Редакторы» его труда остались для него недосягаемыми и «ненаходимыми» (introuvable).

III

ОБЩИЕ ИТОГИ

ГЛАВА I

УПАДОК КАСПИЙСКОГО РЫБОЛОВСТВА И ПРИЧИНЫ ЕГО ПО ДАННЫМ ЭКСПЕДИЦИИ 1853-1856 гг.

Экспедиция, как мы видели вначале, очень тщательно подготовилась к своей более чем 3-летней работе на Каспии. Она изучила всю литературу, касавшуюся не только каспийского рыболовства, но и режима каспийского бассейна и всего населения его вод, так же как и геологического и исторического прошлого Каспия и впадающих в него рек, ознакомилась с представителями каспийской фауны и флоры на музейных объектах, взяла с собою все необходимое, доступное для того времени, экспедиционное снаряжение. Но не ее вина, что достоверные сведения о Каспии оказались очень скудными, что взамен их научная литература о Каспии кишела «все более и более плодившимися гипотезами, которые форменно душили планомерное исследование и истинное познание Каспийского моря». «Если бы выпустить одним изданием все, что писалось только о прежнем русле Оксуса (Аму-дарьи, — *М. С.*)», пишет Бэр, «то получился бы многотомный труд, действительное содержание которого, если отбросить все повторения, несомненно уложилось бы на нескольких страницах. Но никто не думает проследить на самом деле предполагаемое русло на протяжении пары сотен верст и таким образом выяснить, существует ли в действительности объект, о котором так много пишут».

Не поставим мы в вину экспедиции, что в ее распоряжении не имелись опрокидывающиеся термометры, точно определяющие температуру на любой глубине моря, современные батометры, планктонные сети, дночерпатели, илососы и т. д. В то время еще не появился на свет весь этот разнородный, доступный нам сейчас, инструментарий. А, ведь, только он дает возможность теперь широко и планомерно проводить комплексную экспедиционную работу в целях выяснения на месте всех раз-

посторонних связей между организмами и их средой. Наконец, — и это, может быть, самое главное — не существовало тогда подготовленных кадров научных специалистов, не кабинетных ученых, а полевых работников, которые могли бы согласованно проводить эту комплексную экспедиционную работу в «полевой» ее период. Пришлось Бэру и здесь на Каспии, как и перед тем на Новой Земле и на Чудском озере, стать «и чтецóм, и жнецóм, и на дуде игрецóм».

Если учесть к тому же бесчисленные затруднения иного порядка, встреченные экспедицией: жалкий сухопутный и водный транспорт; ветхие, разваливающиеся тарантасы, везомые то скверными почтовыми лошадьми, то быками, то верблюдами, беспалубные лодки вместо обещанных пароходов; грязные, порою кишащие насекомыми постоялые дворы и избы; всюду противодействие, начиная со смотрителей станций и кончая рыбопромышленниками и всякими властями, в лучшем случае не дающими нужных сведений, в худшем случае сообщающими заведомо ложные; отсутствие крайне необходимых статистических данных, как правило преуменьшавшихся рыбопромышленниками; отсутствие мало-мальски достоверных карт; ряд неудач и огорчений, вызванных «несчастным совпадением экспедиции с войной», и т. д., — то придется только удивляться достигнутым экспедицией результатам. Не даром общий голос современной науки считает «Каспийские исследования» Бэра и Данилевского классическими, создавшими новую эпоху не только в истории рыболовства, но и в истории гидробиологических экспедиционных изысканий.

Действительно, на громадных пространствах Каспия и его бассейне, в течение 3—4 лет, ничтожная по количеству научных сотрудников экспедиция, при чрезвычайно тяжелых условиях и не сейчас, а около 100 лет тому назад, определила главнейшие экологические условия существования промысловых рыб колоссального водоема, проследила их миграции, установила места их нереста, выяснила в общих чертах причины колебания в численности определенных видов промысловых рыб и, что являлось самым важным для основной задачи экспедиции, выявила основные биологические факторы, от которых зависело все каспийское рыбное хозяйство, а именно — икрометание, обусловливающее весенний ход рыбы в реки, и зимнее лежание на ятовях, обусловливающее их осенний ход в реки. О характере и размахе полевых работ экспедиции можно судить хотя бы по черновым заметкам и спискам найденных и определенных животных: *Protozoa* и низших *Metazoa*, далее ракообразных, моллюсков, рыб, земноводных, птиц и млекопитающих.

Все эти замечательные научные исследования дали ключ к загадке об основных и первичных причинах падения рыбных промыслов каспийского бассейна.

Рыбе не давали размножаться, всячески преграждая ей путь в места икрометания, и вместе с тем хищнически истребляли ее на этом чреватом для нее бедствиями, роковом пути.

«Икру свою», писал Бэр, «рыба откладывает обыкновенно в определенных местах реки, там преимущественно, где ее яички найдут достаточно воздуха для дыхания; поэтому икра откладывается на мелких местах, на водяных растениях, выделяющих кислород; если икра кладется комками (как, например, у окуня), то особое строение всего комка способствует доступу свежей воды к каждому отдельному яичку, причем весь комок приклеивается обыкновенно к стеблю какого-либо растения и качается в воде. Поэтому необходимо отнюдь не препятствовать рыбе во время икрометания достигать тех мест, к которым она стремится. Иначе весьма большое количество икры погибает, коль скоро она не положена в местах, благоприятствующих ее развитию, куда рыба старается класть ее по инстинкту».

Отправляясь в экспедицию, Бэр мечтал поработать и в своей основной научной области — эмбриологии, заняться исследованиями развития некоторых видов промысловых каспийских рыб, в частности, как мы видели, намечал произвести на Каспии опыты искусственного оплодотворения икры осетровых. Однако, прибыв на место, Бэр скоро убедился, что ни времени, ни надлежащей обстановки для такого рода занятий у него, конечно, не будет.

Искусственное оплодотворение икры осетровых рыб и выведение из нее мальков, сопряженное со значительными техническими затруднениями, осуществил уже не Бэр, а его спутчик на Черный рынок, доктор медицины, будущий академик Ф. В. Овсянников только через 13 лет после Каспийской экспедиции. В 1869 г. Овсянников оплодотворил икру от одной самки стерляди и вывел из нее мальков в целях наблюдения над ходом их эмбрионального и постэмбрионального развития. Затем уже последовал ряд опытов искусственного разведения осетровых в России, Америке и Германии.

Так печально закончилась последняя попытка знаменитого кенигсбергского эмбриолога возвратиться после приезда в Россию к своим «научным пенатам».

Предыдущую попытку заняться излюбленной своей наукой эмбриолог Бэр сделал в 1845—1846 гг., во время заграничной командировки на Адриатическое море. Он произвел там ряд интересных наблюдений, с помощью сопровождавшего его художника снял много рисунков и собрал большое количество

материала, но коллекции его частью совсем не дошли по назначению, частью пришли в Петербург так поздно и претерпели на таможне столько злоключений, что Бэру, уже в ту пору по горло занятому в Петербурге другими делами по Академии Наук, Военно-медицинской академии и Географическому обществу, было не до эмбриологии. [1]

Пришлось на Каспии Бэру в биологической области ограничиться только определением рыб и остального населения моря — занятиями, имевшими, как мы уже отмечали, для целей экспедиции исключительно важное значение.

К сожалению, однако, результаты его фаунистических исследований остались неопубликованными. Материалы эти хранятся в Бэровском фонде Архива Академии Наук СССР, коллекции же, собранные на Каспийском море, частью погибли, как мы видели выше, на Кавказе.

В гораздо большей степени из области научной взяло время и силы у Бэра изучение вопросов, не относящихся непосредственно к его узкой специальности. Бэр первый понял, что разрешить практическую задачу рационализации рыбного хозяйства возможно только при комплексном изучении всех экологических условий существования каждого промыслового вида рыбы, всей среды, в которой протекает ее жизнь, начиная с физических и химических свойств этой среды. Особенную важность, как указывал Бэр, приобретала эта задача комплексного обследования Каспийского моря в виду замкнутости Каспия, не соединяющегося с океаном.

И вот Бэр пишет 8 обширных и богатых научными результатами «Очерков Каспийского моря» (Kaspische Studien), в которых он рассматривает, как он сообщает, общие естественнонаучные вопросы, касающиеся Каспия и его ближайших окрестностей. В этом 8-главом труде Бэр набрасывает прежде всего общую географическую картину Каспийского моря, деля его на северный плоский и южный глубокий бассейны. Последний разделяется Бэром, в свою очередь, на северную и южную части. Поскольку это было в его возможностях, Бэр изображает далее геологическое прошлое Каспия и характеризует его с гидрохимической точки зрения. Считая несомненным, что Каспий прежде имел гораздо больший объем, он полагает, что понижение его уровня произошло сравнительно быстро и недавно, мнение же, будто бы содержание солей в Каспии все увеличивается, грозя гибелью всей жизни и, главным образом, рыбам моря, он отвергает. «К счастью», пишет Бэр, «Каспийское море — не фарфоровая чашка, которая воспринимает

[1] М. М. Соловьев. Переписка акад. К. М. Бэра с адм. И. Ф. Крузенштерном. Первый Бэровский сборник, изд. Акад. Наук СССР, 1927.

только соленую воду и испаряет пресную, оставляя у себя всю соль. Каспий имеет свой баланс — свой приход и расход соли, и вопрос только в том, вполне равны ли они друг другу».

Рассмотрение этого вопроса, как мы уже видели раньше, приводит Бэра к заключению, что Каспийское море, будучи всегда соленым, сейчас скорее даже опресняется.

В частности, обсуждая вопрос о влиянии воды Каспия на его животный мир и прежде всего на фауну моллюсков, Бэр приходит к заключению, что каспийская малакофауна не идет по пути вымирания. Особенно много солей теряет Каспийское море, по мнению Бэра, вследствие образования соленых озер и прежде всего вследствие концентрации их в Карабугазе, в котором, действительно, накопилось громадное количество солей. В сильно нагретой воде Карабугаза вся масса солей остается в растворе. С наступлением осени температура воды становится ниже, в растворе остается лишь часть солей, а остальная соль оседает на дно, образуя громадные скопления.

В очерке V уточняются существовавшие до Бэра неправильные представления о р. Маныч. Бэр доказал, что р. Маныч течет только в западной части своей долины, в восточной же части это — лишь овраг, большую часть года безводный. Изучение р. Маныч, помимо теоретического значения, получило уже в то время важное практическое значение в виду выдвинутого проекта соединения Каспийского моря с Азовским посредством канала. Обсуждая этот проект, Бэр высказывается относительно него скептически. Бэр полагал, что если стоило проводить канал, то лишь от р. Кумы, теряющейся в песках, до Каспия. Но то, что казалось фантастическим в XIX в. при царском режиме, становится возможным в XX в. в Советском Союзе. В 3-й пятилетке Манычский канал, протяжением в 700 км, пересечет безводные сальские, ставропольские, калмыцкие и карачайские степи. Водный путь соединит Черное море с Каспийским. Попутно с транспортной проблемой он решит и проблему орошения безводных степей.

В очерке VI «Каспийских исследований» Бэр описывает восточное побережье Каспия, исправляя прежние данные о так называемой Хивинской бухте, после чего рассматривает вопрос о температуре воды Каспия на разных глубинах. При тех скромных технических средствах, которые находились в распоряжении Бэра, он мог только установить, что температура воды на поверхности Каспийского моря летом сильно повышается, причем, как мы теперь знаем, в южной части Каспия это нагревание передается на глубины в наибольшей степени. Температура на глубинах среднего Каспия оказалась, по наблюдению Бэра, сильно пониженной. Теперь мы знаем, что

эта сильно пониженная температура в самых глубоких частях Каспийского моря снова немного повышается. Благодаря большому протяжению Каспия с севера на юг, северный и южный Каспий, естественно, должны сильно различаться по условиям нагревания и охлаждения. В северном Каспии, как указывает Бэр, вода сильно охлаждается не только от господствующих там сильных морозов, но и вследствие мелководья северного Каспия. С наступлением холодов температура воды здесь быстро понижается, и потому северный Каспий покрывается частью сплошным, неподвижным ледяным покровом, частью массами пловучего льда. Под влиянием ветров пловучий лед начинает двигаться, застревает на мелких местах и громоздится, образуя «торосы». От берегов нередко отрываются громадные массы неподвижного льда. Уплывая в море, они уносят с собою иной раз и рыбаков, занимающихся подледным ловом осетровых вдали от берегов, вместе с лошадьми, санями и орудиями промысла. Заметив опасность, рыбаки стараются спастись от «относа», как можно скорее добираясь до берега. Бывает, однако, что при этом рыбаков уносит все же далеко в море.

В очерке VII Бэр подробно разбирает вопрос о прежнем течении р. Аракс, притока р. Куры. Страбон, известный греческий географ времени Августа и первых годов правления Тиберия, рассказывает, что Аракс в его время имел самостоятельное устье в Каспийском море. Последующие исследователи обвиняли Страбона в неточности. Бэр тщательно изучил литературные источники и местность предполагавшегося прежде самостоятельного устья Аракса и пришел к заключению, что сведения, сообщавшиеся Страбоном, достоверны. По предположению Бэра, Аракс, раньше впадая отдельно в Каспий, изменил свое течение в начале новой эры. Плиний уже заставляет Аракс впадать в Куру. Найденное Бэром между почтовыми станциями Пришибинской и Джей-ранберга старое иссохшее русло реки он признал за прежнее устье Аракса. В дальнейшем Бэр приводит вероятные причины, которые могли вызвать изменение русла Аракса.

Очерк VIII посвящен так называемому «закону Бэра», о котором мы уже подробно говорили выше (см. стр 36—37).

Предполагавшийся выпуск очерка IX не увидел света. Темой его Бэр выбрал описание всей Волги как с физико-географической, так и с биологической точек зрения. Бэр успел только собрать материалы для этой громадной работы, но дальше предварительного доклада Академии Наук (11 XII 1865) об этом будущем своем исследовании не пошел.

Также не осуществился еще более грандиозный проект Бэра — составить монографию всего Каспийского моря. В ней

Бэр предполагал подвести общие итоги исследованиям своей экспедиции и отдельным работам по Каспию его предшественников. Дело и здесь ограничилось только собиранием материалов.[1]

Мы видим, что Бэру не удалось подвести все итоги его каспийским исследованиям, и вполне законченными оказались только те работы экспедиции, которые решали ее прямые задачи, т. е. вопросы, касающиеся падения каспийского рыболовства. Эти последние вопросы Бэр группирует в три основных отдела.

Первый из них говорит о размерах каспийского рыболовства. По заключению Бэра, «обширность рыболовства в целом, без сомнения, постоянно увеличивается». Места лова мало-помалу умножаются и распространяются по Каспию, охватывая не только большую часть берегов Каспия, но и распространяясь все более в глубь его. «Хотя число промышленников, ловящих на глубине моря», пишет Бэр, «и не очень значительно, однако некоторые пускаются испробовать свое счастье на 70 саж. глубины». В общем, несомненно, возрастает и общее количество рыбы, доставляемой торговле, и число ловцов.

Такова одна сторона медали — лицевая. Посмотрим на ее оборотную. При всем том «нельзя не признать», докладывает Бэр, «и уменьшения иных пород рыб в некоторых местностях, а для некоторых видов даже и общего уменьшения их на всем пространстве моря». Обнаружились районы, весьма неблагополучные даже для частиковой рыбы, а ведь для нее, как мы уже говорили выше, в низовьях Волги существовали, по заключению Бэра, условия необыкновенно выгодные, которые разве лишь «встречаются в Ниле и, может быть, в Миссисипи», и рыба эта некоторыми своими видами наводняла рынки. Особенно разительным являлось уменьшение частиковой рыбы в устьях Терека. Улов шемаи, например в самом северном из рукавов Терека — Прорве, на Черном рынке, понизился за 10 лет много больше, чем наполовину.

Две главные причины этого неблагополучия, как писал Бэр, прямо бросались в глаза: во-первых, значительное оскудение воды в р. Прорве, во-вторых, хищнический способ лова рыбы. На одном и том же месте ловили четырьмя неводами. Два стояли уже растянутыми в реке, пока тянули двумя другими. Оттого рыба почти вовсе не проходила туда, где ей надлежало метать икру. Вылавливалось значительно меньше, чем прежде, частиковой рыбы и по Волге выше Астрахани, особенно около Царицына. И все оттого же. «Из соседствен-

[1] Материалы эти хранятся в Бэровском фонде Архива Академии Наук СССР.

ных местностей пропускалось менее рыбы туда, где замечалась убыль». Другими словами, откупщики отбивали друг у друга рыбу. Князь Долгоруков жаловался на купцов первой гильдии Сапожниковых, а те — на него. Правительство же не могло разобраться, кто прав, кто виноват, так как не имело, как пишет Бэр, «специальных знаний всех условий рыболовства для верного их обсуждения». Вопиющие, по подлинному выражению Бэра, злоупотребления губили рыболовство на Волге и выше впадения в нее Камы. На оз. Селигер и других волжских озерах, представляющих собою естественные хранилища мальков, производился лов мальков и маленьких стерлядей сотнями тысяч. «По необходимости река от этого беднела рыбой» (Бэр).

Способствовали уменьшению частиковой рыбы на Волге и некоторые естественные условия. Сильнейшее течение Волги, как это доказал Бэр, все более отодвигалось вправо, т. е. к паду, и потому в восточные рукава ее входило меньше рыбы, чем прежде, ибо бóльшая часть видов рыб ищет сильного течения. Исключение составляла лишь бешенка, избегавшая сильного течения.

С красной рыбой дело обстояло еще гораздо хуже. Уже совершенно определенно осетровые и лососевые, т. е. рыбы, высоко подымающиеся по рекам для икрометания, убывали в числе. Уменьшение этих рыбных запасов, как наиболее ценных, и вызвало впервые жалобы на уменьшение числа рыб в Каспии вообще. Не везде эта убыль сказывалась одинаково сильно, но, во всяком случае, в некоторых районах, как, например, на р. Урал, она вызывала серьезные опасения. Там за 15 лет, по данным Данилевского, уловы сократились наполовину относительно рыбного мяса, количество же добываемой икры упало еще значительнее. И везде первопричиной этого явления оказывался хищнический лов. Рыба, принужденная высоко подниматься по рекам для икрометания, во время этого длинного пути подвергалась усиленному, никак не регулируемому вылову. Так, например, в самом неблагополучном в этом смысле Уральском районе весенний лов, как мы видели, производился войском столь «систематически», что редкая рыба проходила сквозь движущуюся, хотя и не непрерывную стену сетей.

В итоге лов красной рыбы в Урале фактически производился лишь за счет размножения ее в других местностях. Стоило поэтому только усилиться лову красной рыбы в других реках и частях Каспия, как он должен был неминуемо уменьшиться в Урале, что и случилось во времена Бэровской экспедиции. Еще более неблагоприятным фактором, чем для частиковой рыбы, являлось для красной рыбы обмеление устьев всех рек, впадающих в Каспий. «Некоторые устья», писал Бэр,

«столь мелки, что большой белуге и вовсе нельзя перебраться через россыпь».

Уменьшение уловов повлекло за собой, естественно, и уменьшение выгод, получавшихся от рыболовства.

Потери рыбопромышленников увеличивались еще вследствие крайне недобросовестной конкуренции среди них. Каждый промысел содержал собственную полицию. Разъезжая в нескольких лодках, она следила за тем, чтобы рыба, пойманная в водах одного владельца, не продавалась на чужие ватаги. Бэр тщетно разъяснял владельцам промыслов, что им следует взаимно обязаться не покупать рыбы с чужих вод, строго наказав это и своим приказчикам. В таком случае не будет никакой нужды в так называемых «разъездах», к тому же редко честно исполнявших свои обязанности... «Но все», сокрушался Бэр, «уже слишком привыкли к настоящему порядку вещей и слишком мало доверяют друг другу, чтобы принять такой совет».

Зло тайной продажи на Каспии, как говорит дальше Бэр, особенно глубоко вкоренилось еще через другое столь же сильно въевшееся, но еще более старое зло. Работники промыслов, подрядные ловцы получали плату, как это мы видели, с каждой доставленной им на ватагу рыбы. Но начать работу они могли, только получив вперед задаток в виде значительной для них суммы денег для обзаведения необходимым инвентарем. Этот задаток они уплачивали в дальнейшем работою же, так что положенная за нее цена высчитывалась из задатка. Естественно, что ловцы эти находились постоянно в неоплатных долгах и потому «соблазнялись искушением продать пойманную рыбу на чужую ватагу, где за нее давали бóльшую цену». «Вот причина», заключает Бэр, «столь сложного надзора и сложности здешнего счетоводства».

Со всем тем, однако, выгоды капиталистов-рыбников, а не их батраков конечно, и во времена Бэра являлись весьма значительными при условии, если владелец или откупщик лично управлял своим делом и хорошо его знал. Так, откупная компания, содержавшая казенные волжские воды с 1840 по 1844 г., в 4 года более чем удвоила капитал, который она употребила на предприятие. «Напротив того», пишет Бэр, «господа Всеволожские получали весьма незначительные выгоды, потому что... промыслы их в течение долгого времени управлялись конторой, сами же владельцы вовсе на них не показывались».

Мы уже видели раньше, что в южной части Каспия на промыслах много вредило делу неупотребление льда для сохранения пойманной рыбы. Бэр усиленно советовал завести на юге Каспия ледники, рекомендуя привозить лед из северной части Каспия. «Что в южной части Каспия его нельзя сохранить, — это чистый предрассудок», доказывал Бэр. Больше же всего

и повсеместно, как на северном, так и на южном Каспии, рыба портилась от скверного, нечистого посола. Рыбопромышленники экономии ради пускали в ход вторично старый тузлук.

В уже использованном тузлуке находилось множество кровяных частиц и других органических веществ, способствовавших гниению. «Хозяева же, из корыстолюбия», пишет Бэр, «старались уверить, что этот уже покрасневший тузлук действительнее чистого... Но человека, не имеющего и тени химических познаний, нельзя убедить взятыми из химии доказательствами, да он и не захочет убедиться, если это противно его выгодам». Бэр «только тем мог отомстить за себя», что явился как-то к промышленнику, особо ярому поклоннику старого красного тузлука, в момент, когда промышленнику привезли хранившуюся в красном тузлуке рыбу. Она уже издавала сильный запах. «Так, приходилось не раз являться к людям не во́время для них, чтобы добывать верные сведения о рыбной промышленности», признается Бэр. «Мне кажется», заключает Бэр, «что правительство имеет полное право надзирать за качеством рассола так же точно, как оно надзирает за аптеками, чтобы в них не продавалось испорченных лекарств, вместо хороших». Замечание, надо сказать, убийственное для тогдашних «порядков» на рыбных промыслах.

Таким застала экспедиция Бэра положение рыбного дела на Каспии в 50-х годах прошлого столетия. Обозревая эту неприглядную картину, мастерски развернутую Бэром, никак нельзя согласиться с теми, кто утверждает, что в эту пору каспийское рыболовство находилось в стадии так называемого «дикого» хозяйства. Здесь не царила полная свобода лова, ничем не ограниченная в целях охранения рыбных запасов. Народное хозяйство обильно регламентируется здесь законодательными и административными актами, но акты эти в большинстве случаев не полезны, а вредны для развития дела, и все они, и принципиально полезные и явно вредные меры, искусно используются продажными властями и капиталистами в своих корыстных целях и на погибель опекаемого ими хозяйства. «После нас — хоть потоп». Самые лучшие меры искажаются здесь гнилою действительностью, совсем как предметы неминуемо искажаются в апраксинском кривом зеркале. Не на произвол слепой судьбы было отдано самодержавным строем это дело, как это имеет место в так называемом «диком хозяйстве», а на произвол жадного, правда иногда голодного, чиновничества и еще более жадного, но никогда не голодного капитала.

Как было ликвидировать этот колоссальный, не осмысливаемый во всей его грандиозности властями предержащими развал громадного народнохозяйственного дела?

Необычайно сложной являлась прежде всего юридическая обстановка, чрезвычайно затруднявшая упорядочение существовавшего положения. С весьма старых времен, как сообщал Бэр, образовалось по Волге, а затем и по Каспию множество частных прав на рыболовство. Приобретались эти различнейшие права частью покупкою, частью «дарением за оказанные отечеству услуги». Бэр застал уже все устье Волги в руках промыслового купечества и крупновладельческой знати. Мало того, и прилегающие к устьям значительные и лучшие участки моря отводились этим магнатам власти и капитала за определенную плату. Но хотели жить — пить и есть — и беспоместные ловцы. Приходилось отводить и им, конечно, менее выгодные участки за весьма отдаленною от берегов чертою, выше крупновладельческих вод. И еще претендовала на существование целая армия ловцов-батраков и чернорабочих на рыбных и соляных промыслах. Эта беднота находилась уже в совершенно откровенной кабале хозяев, опутывавших их «на законном основании» по рукам и по ногам. Единственным средством спастись от произвола, как мы видели, для батрака оставался побег.

«Должно бы присоветовать более сообразное с целью обращение с ловцами и с работниками», писал по этому поводу подцензурным слогом Бэр, «ибо из барышей, получаемых хозяевами и откупщиками вод, лишь весьма мало приходится на долю работников».

В николаевской всероссийской казарме, не разрушая ее оснований, помирить эти в своей противоположности все более обострявшиеся, а иногда и исключавшие друг друга экономические интересы, юридические нормы и социальные взаимоотношения являлось делом невозможным. И Бэр понимал это. «Улучшения и именно те», писал он, «которые весьма желательно бы видеть осуществленными, так глубоко входят в права и в отношения частных лиц, что едва ли, полагаю я, правительство решится сделать их обязательными, а если бы даже оно на это решилось, то едва ли достигло полезных результатов... Вполне и в совершенной последовательности можно было бы основать каспийское рыболовство на естественной истории рыб Каспийского моря, если бы никаких существующих прав на лов в нем не было».

ГЛАВА II

МЕРЫ К УЛУЧШЕНИЮ КАСПИЙСКОГО РЫБОЛОВСТВА, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ КАСПИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ

Составленные Бэром «Предложения для лучшего устройства каспийского рыболовства» представляют собою длиннейшую серию мер самого различного порядка, различнейших удельного веса и масштабов, весьма отличных друг от друга и по их осуществимости в той исторической обстановке, в которой приходилось работать Бэровской экспедиции. Группу наиболее реальных для того времени мероприятий составляют предложения экспедиции, клонящиеся к «выгоднейшему употреблению продуктов рыболовства». К таким мерам Бэр относит прежде всего перевод астраханских сельдей на соление, взамен вытопки из них жира. Практическое значение этого мероприятия оказалось, действительно, очень большим, в особенности в связи с разрухой Крымской войны, когда так называемая «голландская» сельдь заколебалась в своем проникновении в нашу страну. До 1855 г., как мы уже указывали, в низовьях Волги бешенка шла исключительно на жиротопление. В 1855 г., в связи с инструкциями, данными Бэром, ее посолили уже полмиллиона штук, в 1877 гг. — 210 млн., а в 1917 г. — 589.6 млн. Если перевести количество посоленной астраханской селедки за указанный период на деньги, то станет ясно, что население России за это время получило, благодаря Бэру, на многие миллионы рублей питательных и дешевых пищевых средств.

Но и такие положительные меры чисто хозяйственного характера в условиях царского режима обнаруживали крайнюю неустойчивость, приобретая иногда даже отрицательный характер. Стоило инициатору и вдохновителю этого дела Бэру отойти от него, как начался усиленнейший, сугубо хищнический лов бешенки уже не на жиротопление, а на куда более выгодный посол. Прежде вылавливали бешенки больше, чем могли употреблять на топление из нее жира. Теперь стали

вылавливать ее гораздо больше, чем могли засолить. При этом рыбопромышленники, имевшие участки ближе к морю, старались, по возможности, не пропускать бешенку вверх по реке. В результате сельдяный промысел на Волге начал быстро падать, так что в 1898 г. лов бешенки уменьшился в сравнении с 1885 г. в шесть с половиной раз. Тогда верховые ловцы, к которым сельди почти не пропускались ниже находившимися промыслами, перешли, в ущерб речному промыслу, к усиленному лову сельдей на море. Туда же нахлынуло значительное количество других ловцов, частью даже из других губерний, и тогда уловы каспийской сельди снова возросли даже до максимальных в сравнении с прежним размеров.

К мероприятиям, имевшим целью «выгоднейшее употребление продуктов рыболовства», относится дальше указание Бэра на необходимость использования в качестве пищевых средств еще двух рыб, а именно — миноги в р. Куре и атерины на восточном берегу Каспия. От них он, однако, ожидал лишь небольших выгод.

Следующую категорию общих предложений к упорядочению каспийского рыболовства образуют у Бэра меры, стремящиеся улучшить приготовление рыбного товара. Сюда относятся прежде всего мероприятия к повышению качества засола рыбы. Они должны были, с одной стороны, увеличить требования покупателей на товар, с другой стороны — придать товару более прочности.

Третья общая мера имела в виду удешевить организацию рыбной промышленности.

«Как следует проводить все эти общего характера мероприятия в жизнь?» задает дальше вопрос Бэр. — «Тремя способами», отвечает он.

Первый способ, так сказать, педагогический, — посредством советов и наставлений. Сюда относятся разнородные указания в большинстве случаев технического характера — заботы о чистом содержании плотов на ватагах, о чистоте в так называемых «выходах», т. е. в погребах, в которых солили выпотрошенную и уже распластанную рыбу и сохраняли ее на льду от порчи, указания на недопустимость повторного использования тузлука. Более общий характер из этой первой категории педагогического воздействия носят в высшей степени рациональный совет пользоваться льдом на промыслах южного Каспия и достаточно нереальный, обращенный к хозяевам рыбных промыслов призыв «образумиться» — ввести взаимные обязательства, с одной стороны, не покупать рыбы, пойманной в чужих водах, с другой — «не создавать на промыслах таких условий для ловцов, при которых они продают рыбу в чужие воды», т. е. попросту не эксплоатировать их и не гра-

бить. «Но владельцы промыслов именно в этом пункте всего чувствительнее», зло замечает Бэр, «и даже гласный совет в этом отношении мало бы подействовал», т. е. их не постыдишь и гласностью, а потому единственный, по мнению Бэра, выход — рекомендовать «начальнику Астраханской губ... достигнуть полезного в этом отношении результата».

Вторую категорию «предложений» могли бы выполнить, по мнению Бэра, «правительственные места», и прежде всего ведающее рыболовством Министерство государственных имуществ, административным порядком. Бэр носился с мыслью «привести частиковую рыбу в более удобоперевозимый вид». Богатое каспийское рыболовство находилось на южной границе обширной империи, славившейся своими дурными дорогами. Волга составляла естественный водяной путь, но на нем не испытывали недостатка в рыбе. Наибольшая нужда в ней чувствовалась во внутренних губерниях, где цены на рыбу, столь низкие в Астрахани, очень увеличивались от длинного и тяжелого сухопутного перевоза. Чтобы обеспечить доставку при таких условиях полноценного, неиспорченного товара, Бэр предлагал «сгустить и привести в более удобоперевозимый вид питательные вещества, заключающиеся в рыбе, путем приготовления из нее бульона и сухого порошка... Последний способ употреблялся в Астраханском остроге для доставления арестантам дешевого пропитания». Питательные вещества при этом, уменьшившиеся в своем весе в четверть и даже более, могли бы перевозиться на гораздо более дальние расстояния. Такое мероприятие способствовало бы и значительному усилению рыболовства в водах, лежащих вдали от мест потребления.

Но если можно было спорить об осуществимости превращения рыб в порошок и бульон, то уже, совершенно очевидно, практичным являлось предложение Бэра питаться вылавливаемыми в Куре миногами, вместо того чтобы превращать их в свечи. Будущее и подтвердило жизненность этого совета Бэра.

Первостепенное значение имело настойчивое указание Бэра на необходимость углубления речных устьев. Невыполнение этой меры грозило не только дальнейшим уменьшением уловов, но и гибелью целых пород рыб. Чем быстрее течение при устье речного рукава, многократно обращает внимание Бэр, тем более в него входит красной рыбы. Много красных рыб, из-за мелководья и медленности течения в устьях, не могут отыскать речные устья, и икра в таких рыбах портится. «Это — чистая потеря», говорит Бэр, «не только потому, что такая рыба, пойманная в море, далеко не имеет той ценности, как если бы в ней была хорошая икра, но и потому, что такая икра пропадает для размножения всей породы». Чтобы помочь

делу, Бэр советовал многим владельцам рыболовных вод завести на общий счет машину для очистки дна и ею время от времени очищать то или другое устье, но нашел у них, конечно, весьма мало охоты последовать его совету. Владельцы и откупщики не проявляли никакой склонности предпринимать что-либо общими силами. К тому же они и весьма близоруко старались избегать всяких издержек, не требуемых неотлагательными обстоятельствами. Само собою разумеется, как оговаривался Бэр, операция углубления дна не обещала длительного успеха в любом устье каспийской реки. Следовало знать, где ее стоило производить. В некоторых устьях углубленный фарватер неминуемо быстро опять занесло бы. «Так, например, при устье Ленкоранки», пишет Бэр, «достаточно одной бурной ночи, чтобы совершенно перегородить ее песчаным валом, и реке для прорыва вала требуется несколько дней». Не рассчитывая, однако, на инициативу владельцев и откупщиков, хорошо им изученных на Каспии, Бэр предлагал непосредственно Министерству государственных имуществ «выпросить» у Морского министерства на время одну из их землечерпалок и в течение лета очищать ею одно из устьев р. Эмбы.

Советует также Бэр министерству выписать в Астрахань голландцев, чтобы они научили наших рыбопромышленников хорошему солению каспийских сельдей. Голландцы должны были ввести чистоту, научить рафинировать соль, установить браковку рыбных товаров. Без браковки дурной товар примешивался к хорошему, понижал его цены. «Грустно», писал Бэр, «если бы заботливым и совестливым промышленникам приходилось терпеть за вину небрежных и недобросовестных...[1] Поэтому-то хочу я дать добрый совет всем честным рыбопромышленникам и торговцам рыбою. С людьми же, на которых нельзя полагаться и которые думают обогатиться плутнями, я не имею никакого дела — им помочь нельзя».

Еще рекомендует Бэр, чтобы каждый продавец сельдей прилагал клеймо со своей фамилией ко всем бочкам, отсылаемым им на продажу. «Таким образом продавец наверняка скоро бы изведал на себе выгоды хорошего и невыгоды дурного приготовления. Покупщики не замедлили бы соображать свои цены с именами производителей».

В отношении отдельных каспийских речных промысловых хозяйств необходимо, по мнению Бэра, в первую голову провести следующие основные законодательные меры.

На Урале, где уменьшение уловов сказалось наиболее сильно, требуется, согласно указанию Данилевского, ввести 10-днев-

[1] Добрый совет акад. Бэра рыбопромышленникам нижней Волги. Астрах. губ. вед., 1858, № 16.

ный перерыв севрюжьей плавни в целях предоставления рыбе возможности икрометания.

На Волге, в тех же целях обеспечения размножения красной рыбы, желательно уничтожить все забойки — заборы во всю ширину реки, преграждающие рыбе путь вверх по реке. Надо запретить всякий лов рыбы в жаркое время года на определенные сроки в устьях Волги, от моря до Астрахани, и в низовьях реки от Астрахани до Камышина. Тогда красная рыба, входящая в Волгу позже других рыб, могла бы наверное достигать мест, удобных для икрометания. «Благоразумнейшие из промышленников», писал Бэр, «теперь уже убеждены в необходимости такой охранительной меры, тем более, что даже обыкновенная речная рыба, как то судаки, сазаны, лещи и т. д., пойманная в жаркое время года, гораздо менее ценна, чем пойманная в другое время».

Терек, по его рыболовству, Бэр разделяет на три части: верхний Терек — до соединения его с р. Малкой, т. е. до Екатериноградa, средний — до распадения его на рукава или почти до г. Кизляра, и нижний — разветвления Терека перед впадением в море. Главный объект промысла на Тереке составляют лосось, лох и шемая (кизлярская сельдь), за ними следует уже красная рыба. На лов в низовьях Терека очень влияет обмеление устьев его, в верхах реки лов незначителен вследствие многочисленных перегородок. Здесь треть ширины реки должна всегда оставаться свободною, а потому не следует допускать перегораживания на среднем и верхнем Тереке всей реки местными забойками легкой постройки, так называемыми заколами.

На Куре, в ее низовьях, откупщик установил такие забойки, что красная рыба, поднимающаяся вверх по реке, почти лишена возможности достигать своих мест икрометания, а это привело, естественно, к уменьшению рыбы на Куре и разорению рыбных промыслов в ее верховьях. Необходимо поэтому ввести для будущего откупа ограничения, которые должны охранять рыбу от ее истребления.

Но все эти мероприятия, как заключает Бэр, не дадут благих результатов, если, будучи формально приняты, они на самом деле останутся на бумаге или, еще того хуже, будут применяться надзирающими за их выполнением во зло делу. А это будет так, если надзор за выполнением как старых, так и новых законов по рыболовству останется на прежних основаниях, т. е. в руках лиц, не только не имеющих специальных знаний по рыбному делу, но и доходящих в своей вредной деятельности до крайних пределов коррупции. Вопиющие факты из этой мрачной области взяточничества и всяческого произвола, полного морального разложения властей николаев-

ского времени проводились Бэром, как мы видели, в изобилии в его годовых отчетах по экспедиции. Здесь в «Предложениях», этой окончательной его беседе с министерством, он приобщает к прежним новые данные, после чего выводит из всех них допустимые в его положении заключения.

На этот раз Бэр подробно останавливается на своеобразной «деятельности» астраханской рыбной экспедиции, впоследствии названной «Рыбной комиссией», призванной осуществлять надзор за выполнением законов и правил каспийского рыболовства. В целях наблюдения за тем, чтобы лов весною не производился в море до известной границы, Рыбная комиссия в течение 7 лет своего существования ежегодно «осматривала» установленную законом и ею самою же предложенную линию маячных судов. И она ежегодно доносила, что эта линия судов стояла в порядке. Однако Каспийская экспедиция нигде этой линии обнаружить не смогла и по той простой причине, что ее на самом деле не существовало. Правда, она исправно функционировала на бумаге, со всеми причитающимися расходами. Но реальностью оказались только крупные суммы, которые в течение ряда лет ассигновывались на эту линию и шли в карманы причастных к этому грабежу гражданских и военных властей, все остальное объявилось мечтой. «В первые годы», писал Бэр, «высылались, правда, суда на эту несуществующую линию, но только тогда, когда ожидали ревизии, впоследствии же не стали давать себе и этого труда».

Но, ведь, существовал еще на Каспии общий надзор за морским рыболовством, а следовательно, и за этой фиктивной линией и не со стороны хронически подкупной Рыбной комиссии, а через посредство небольших военных судов под командой офицеров императорского военного флота. Почему молчала эта инстанция? Убийственный ответ дает на это опять тот же и только Бэр. «Я не мог получить», пишет Бэр, «сведений о какой бы то ни было приносимой ими пользе, а со всем тем промышленники платят им (т. е. командирам судов, — *М. С.*), так сказать, дань самыми драгоценными продуктами рыболовства, что мне известно не только со слов ловцов, но и от самих этих офицеров... Употребление крючков в реках и перед устьями строго запрещалось, но Каспийская экспедиция видела, как их употребляют по всей Волге и даже у самой Астрахани, следовательно на глазах Рыбной комиссии». Громадные взятки и в этом случае ослепляли комиссию в полном ее составе. По следам комиссии шли и ее подчиненные. Один из смотрителей Рыбной комиссии проводил на о-ве Кулалы каждую зиму для наблюдения за тем, чтобы не били молодых тюленей. На самом же деле он «употреблял это время», пишет Бэр, «на взимание в свою пользу значительного количества

тюленьих шкур и на то, чтобы скрывать невыполнение закона» и т. д.

Исчерпав список всех этих прегрешений, Бэр в своем заключительном слове ставит вопросы, на которые ответы подразумеваются сами собой. Принимала ли комиссия какие-либо меры для пресечения и искоренения этих злоупотреблений? Конечно, нет, можно было бы ответить, так как она сама эти злоупотребления в своих интересах и создавала. Имела ли она суждение о целесообразности ряда заведомо неудобоисполнимых распоряжений? Конечно, нет, так как она сама эти распоряжения давала. Явно подкупленная, она, например, в очевидную угоду крупным владельцам и откупщикам и на разорение малоимущих и неимущих ловцов, отодвинула в глубь моря черту, отграничивавшую право на рыболовство прибрежных владельцев, значительно дальше, чем этого требовали первоначально сами владельцы. Вольные ловцы, таким образом, не могли уже больше пользоваться значительными пространствами Каспийского моря. Не только земля, но и громадные пространства воды стали частной собственностью состоятельных лиц и богатых компаний. Приходивших со стороны рыбаков они вытесняли в море отовсюду, где можно было рассчитывать на мало-мальски выгодный улов. И на благодатном юге, как и на суровом севере, в царской России владычествовали богатство, связи и искательство, бедность же оставалась повсюду бедной, голодной, беспомощной и беспризорной. «Учреждение», негодовал Бэр, «от которого следовало ожидать самого точного и подробного знания всех условий каспийского рыболовства, не только не улучшало дела, но еще усугубляло ошибки и злоупотребления подлежавших его надзору лиц и учреждений».

И Бэр делает общий вывод.

«Независимо от того, занимаются ли чиновники взяточничеством или нет, коренным и необходимым недостатком всякого исключительно назначенного от правительства учреждения, долженствующего иметь надзор за рыболовством, всегда будет то, что учреждение это, не имея никакого интереса к поддержанию этой промышленности в постоянно цветущем состоянии, не будет при возникновении каких-нибудь вредных для него условий иметь достаточно побудительных причин им ревностно противодействовать».

За примерами Бэру не приходилось ходить далеко. Достаточно было привести историю с бешенкой. До Бэра Рыбная комиссия годами терпела «безумное расхищение даров природы» — «чрезмерное» жиротопление бешенки и других молодых рыб. После Бэра она так же спокойно отнеслась к хищническому перелову ее для посола. А ведь Бэр этот перелов

предвидел и предупреждал, что, помимо всего прочего вреда, он обогатит только богатых рыбопромышленников у устья Волги в громадный ущерб менее состоятельным рыбопромышленникам выше по реке. Так оно и оказалось. Получившие право на лов в устьях крупные рыбопромышленники настолько увеличивали число мест лова, неводов и работников, что стали вылавливать наибольшую часть рыб прежде, чем она доходила до вод других мелких владельцев. Немногие богатые присваивали себе все выгоды, богатели, менее состоятельные разорялись.

Бюрократизм всюду, где только мог, тормозил дело опять же в ущерб прежде всего малоимущим. Выдача билетов рядовым ловцам на право вольного промысла обставлялась легионом ненужных и мучительных для людей дела канцелярских формальностей. «В самом деле», писал Бэр, «кому от того польза, что вольный промышленник должен сначала подать просьбу, что о ней составляется журнал, который должен быть подписан губернатором и пропущен прокурором». Только после длинного ряда таких и других проволочек, похищавших у ловца несколько недель драгоценного для него времени, он получал долгожданный билет. А в это время прекращались попутные ветры для выхода в море. А сколько приходилось переносить наглых прижимок, сколько взяток надо было давать, чтобы по возможности ускорить эту никчемную, только обогащавшую хищников процедуру!

«Кто же должен своевременно обратить на это внимание правительства?» вопрошал Бэр по всем этим поводам в своей записке 1857 г., «не Рыбная ли комиссия? Но пойдет ли она против разбогатевших, чтобы помочь тем, которые беднеют?» — «Конечно, нет», подразумевался ответ. Однако на помощь не пришли и высшие власти, когда сигнализировал об опасности Бэр непосредственно министерству. Само правительство всячески стимулировало лов при морских берегах и рыболовство при устьях Волги, так как они находились в руках капиталистов и потому для казны являлись наиболее доходными, а что таким образом промыслы менее состоятельных, работающих выше по Волге рыбопромышленников, с которых нельзя было сорвать столько, сколько с низовщиков, забрасывались и хирели, это Петербург не беспокоило. «Получалось таким образом», писал Бэр, «что-то в роде завоевания на счет тех, которые имеют право на рыболовство выше по реке».

Итак, рекомендуя целый ассортимент рациональных мер, Бэр не только предвидит, но и доказывает фактами, что меры эти не достигнут цели, пока надзор за их выполнением будет находиться в руках существующих контролеров дела. Мало того, развитие всего дела обречено на полный неуспех, если

не только проверять, но и вести его будут нынешние его хозяева — завоеватели. На сцену должны выступить другие люди.

Кто же это они? Не забудьте, Николая I в живых уже нет. Наступает время так называемых «реформ», и Бэр решается высказаться. «Не будет ли гораздо сообразнее с целью», пишет он в заключительной своей записке, «дать право рыбопромышленникам говорить самим за себя и притом столь скоро и столь прямо и непосредственно, как только возможно». Надо дать право всем заинтересованным в сохранении рыболовства участвовать в надзоре за ним, во всякое время лично исследовать, что происходит в других местностях, в самом непродолжительном времени протестовать против лишних выгод в присутствии самих присвоивших их себе, дать право всем ловцам приносить свои жалобы перед лицом всех имеющих право на рыболовство и обсуждать эти жалобы сообща. «Тогда скорее всего будет получаться предел всякому несправедливому расширению прав одних на счет других, прежде чем оно успело перейти уже в обычай. Тогда правительство не будет принуждено посылать особливые комиссии для исследования на месте тамошних условий и отношений, но все жалобы будут доходить до него лишь после обсуждения и, в случае нужды, подачи мнения теми лицами, которые имеют самое точное и подробное знание условий тамошнего рыболовства». Голос рядовых местных людей следует выслушать и при составлении новых правил для каспийского рыболовства. Старый устав его, типичный продукт чиновничьего творчества, требовал совершенной переделки. Каспийскому рыболовству в Своде законов, как пишет Бэр, посвящено целых 124 параграфа, но в числе их очень мало настоящих законов, имеющих целью охранение этой промышленности или хотя бы только справедливое распределение от нее получаемых выгод. «Наши законы», писал Бэр, «направлены больше к ограждению прав на рыболовство и к обеспечению рыбаков, нежели к сохранению в водах обилия рыбы». Наибольшая часть этих параграфов трактовала о штатах администрации и способах надзора, — мерах чисто административных.

Но до составления уставов об отдельных рыболовствах следует создать общего характера законоположения, которые имели бы силу для всех вод государства. «Очевидно», писал Бэр в 1857 г., «что законы каспийского рыболовства должны быть иначе составлены, смотря по тому, существуют ли такие общие законы или нет».

О необходимости этих общих законов Бэр делал неоднократные представления правительству с 1844 г., со времен его первой экспедиции по рыболовству на Чудское озеро. Но представления эти в течение вот уже более 10 лет являлись

«гласом вопиющего в пустыне». Разлетались, как дым, и мечты о привлечении к делу ведения всего каспийского рыбного хозяйства местных мелких рыбопромышленников и ловцов. Высказанные Бэром по этому вопросу, вышеприведенные, общего характера, пожелания превратились в проект учреждения «Комиссии общественного взаимного надзора за рыболовством», взамен совершенно скомпрометировавшей себя бюрократической Рыбной комиссии. В ней подавляющее большинство голосов отдавалось владельцам значительнейших рыбных промыслов и представителям казны. Подавляемое же меньшинство отводилось представителям мелких участков и участков, принадлежавших крестьянам, и ни одного голоса, само собою разумеется, не получали вольные ловцы и батрачествующие рабочие. Впрочем, и эта своеобразная сословная палата по рыбному делу не увидела света.

«Уже в самые годы дарования реформ», писал акад. Котляревский,[1] «стало ясно, что реформы отчислены в разряд явлений очень опасных, действие которых подлежит строжайшему контролю и последовательному ограничению... При проведении в жизнь... реформ власть руководствовалась не тем идеалом будущего, какой эти реформы обещали, а скорее сожалением о том прошлом, которое они упразднили...»[2]

С чисто научно-теоретической точки зрения способы исправить рыбное дело на Каспии являлись как будто простыми. «В Каспийском море», пишет Бэр в своих «Предложениях для лучшего устройства каспийского рыболовства», «в отличие от других морей, находящихся в соединении с океаном, все рыбы его, имеющие какую-нибудь торговую ценность, должны для метания икры подниматься или в реки, или по крайней мере в заливы с водою слабосоленою или вовсе не соленою, одним словом, итти для этого в пресную воду». Поэтому проще и дешевле всего здесь их дожидаться, т. е. сосредоточить весь лов в небольшом числе пунктов в пресных водах и «заботиться лишь о том, чтобы из каждой породы рыб, преимущественно же из наиболее дорогих, проходило число неделимых, необходимых для поддерживания этих пород в одинаковой числительной силе. При этом имелась бы еще та выгода, что из рыб, проводящих часть года в соленой воде, каковы большие породы красной рыбы, далее лососи, бешенка, вобла, шемая и т. д., ловились бы только взрослые неде-

[1] Нестор Котляревский. Очерки из истории общественного настроения в России в 60-х годах прошлого века, I—XI. Журн. «Вести. Европы», кн. 8, 1910, авг., стр. 192.

[2] Материалы, собранные экспедицией, послужили для выработки устава о каспийских рыбных и тюленьих промыслах, утвержденных в 1865 г.

лимые, а из красной рыбы были бы, сверх этого, еще все самки с икрой».

«Но», заключает меланхолически Бэр, «совсем не в том дело теперь», т. е. в условиях русской государственности и русского народного хозяйства середины XIX в. Для того чтобы провести в жизнь все эти, казалось бы «нехитрые», вещи, следовало разрушить весь строй тогдашней русской жизни и заново создать едва ли не совершенно ему противоположный.

Бэр этого не высказал. Он думал и действовал как представитель своего класса, этот крупнейший революционер в своей специальной науке, но не революционер человеческой жизни. Однако Бэр никогда не был реакционером. Честный, прогрессивно мыслящий человек, у которого слово никогда не расходилось с делом, он проявил много гражданского мужества, смело вскрывая в николаевское время ужасающие социальные язвы русской действительности на конкретном примере громадного, одного из наиболее крупных в мире, народнохозяйственного дела, смело вскрывая их и гласно требуя их уничтожения. Видеть творящиеся безобразия и молчать этот высокопринципиальный человек не умел.

Предложенные Бэром и его ближайшим сотрудником Данилевским меры к поднятию каспийского рыболовства, поскольку они не выходили из области специальных вопросов рыбного дела, являлись, за некоторыми исключениями, очень рациональными. Впервые вполне для того времени научно обоснованные, они, при условии внесения определенных коррективов, действительно могли охранять рыбные богатства от раскрытой экспедицией на Каспии гибельной, хищнической их эксплоатации, но все же при одном непременном условии, если одновременно будут осуществлены и надлежащие меры социального порядка.

Но социальные меры умеренно реформаторского характера, которыми Бэр хотел обеспечить правильное проведение в жизнь его рыбохозяйственных мероприятий, как раз заведомо и были обречены на неуспех. Пути эти не приводили к самому главному, без чего уничтожение зла в корне являлось немыслимым. Социальные мероприятия эти не служили полному раскрепощению народов, томившихся под тяжкой десницей самодержавия. Свобода пришла только через 80 лет.

ГЛАВНЕЙШИЕ ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Берг Л. С. — Климат и жизнь, М., 1922.

2. Берг Л. С. — Очерки истории русской географической науки (вплоть до 1923 г.), изд. Акад. Наук СССР, Л., 1929.

3. Берг Л. С. — Уровень Каспийского моря за историческое время. Пробл. физ. геогр., вып. 1, изд. Акад. Наук СССР, 1934.

4. Берже А. П. — Н. Н. Муравьев во время его наместничества на Кавказе 1854—1856 гг. Журн. «Русская старина», т. VII, СПб., 1873.

5. Бэр К. — Ученые заметки о Каспийском море и его окрестностях. Зап. Имп. Русск. геогр. общ., т. IX, 1856.

6. Бэровский фонд Архива Академии Наук.

7. Вешняков В. И. — Рыболовство и законодательство, СПб., 1894.

8. Вознесенский Л. В. — Новейшие материалы по колебаниям уровня Каспийского моря. Изв. Центр. гидрометеорол. бюро ЦУМОР, вып. 6, 1926.

9. Гримм О. Л. — Каспийское море и его фауна. Тр. Арало-Касп. эксп., вып. 2, СПб., 1876—1877.

10. Гримм О. — Рыбы Каспийского моря и условия их жизни. Журн. с. х-ва и лесов., 1878, №№ 1, 2, 3.

11. Дарвин Ч. — Путешествие вокруг света на корабле «Бигль». Соч. Ч. Дарвина, т. I, ч. I, изд. О. Н. Поповой, СПб., 1896.

12. Заливы Каспийского моря. Комсомолец (Мертвый Култук) и Кайдак. Тр. по компл. изуч. Касп. моря, вып. 1, ч. I, изд. Акад. Наук СССР, 1937.

13. Зеленый Г. П. — Овсянников, Филипп Васильевич. Материалы для Биографического словаря действительных членов Академии Наук. Часть вторая, М—Я. Пгр., 1917.

14. Исследование о состоянии рыболовства в России, т. I—III, 1860; т. IV, 1861. Изд. М-ства гос. имущ.

15. Карелин Г. С. — Путешествия по Каспийскому морю. Зап. Русск. геогр. общ., Отд. общ. геогр., X, 1883.

16. Книпович Н. М. — Общий обзор Каспийской экспедиции 1904 г. Тр. Касп. эксп., т. I, 1904.

17. Книпович Н. М. — Краткий предварительный отчет о результатах работы Каспийской экспедиции 1912—1913 гг.

18. Книпович Н. М. — Работы Каспийской экспедиции 1914—1915 гг. Тр. XIII Съезда русск. естествоисп. и вр. в Тифлисе, 1916.

19. Книпович Н. М. — Гидрологические исследования в Каспийском море в 1914—1915 гг., Пгр., 1921.

20. Книпович Н. М. — Труды Каспийской экспедиции 1914—1915 гг., Пгр., 1921.

21. Книпович Н. М. — Каспийское море и его промыслы, РСФСР Гиз, Берлин, 1923.

22. Книпович Н. М. — Вертикальная циркуляция и распределение кислорода в морях Черном и Каспийском, Л., 1930.

23. Книпович Н. М. — Гидробиологическое изучение Каспийского моря. Изв. Акад. Наук СССР, Сер. биол., 1937, № 5.

24. Котляревский Нестор. — Очерки из истории общественного настроения в России в 60-х годах прошлого века, I—XI. Вести. Европы, 45-й год, кн. 8, 1910, авг.

25. Кузнецов. — Акад. К. Э. ф. Бэр. Вести. рыбопромышл., 1892, № 12.

26. Макаров С. З. и Енткеев Д. Р. — Предварительные итоги физико-химического исследования северо-восточных заливов Каспийского моря. Комсомолец (Мертвый Култук) и Кайдак, по материалам экспедиции Академии Наук СССР, 1934.

27. Максимов С. — Литературная экспедиция. Журн. «Русская мысль», 1890, февр.

28. Овсянников Ф. В. — Очерк деятельности К. М. Бэра и значение его трудов. Зап. Акад. Наук, СПб., 1879.

29. Павловский Е. Н. К. Э. Бэр как академик и профессор. «Наша искра», № 77—78, 1925.

30. Писемский А. Ф. — Очерки из поездки по Волге. Полн. собр. соч. Писемского, т. 6, изд. 1895—1896 гг.

31. Православлев П. А. — Северо-западное побережье Каспия. Изв. Центр. гидро-метеорол. бюро, вып. VIII, Л., 1929.

32. Рисс П. Ф. — О талышинцах, их образе жизни и языке. Зап. Кавк. отд. Русск. геогр. общ., кн. III, Тифлис, 1855.

33. Рисунки к исследованию Каспийского рыболовства, изд. М-ства гос. имущ., СПб., 1861.

34. Соловьев М. М. — Переписка акад. К. М. Бэра с адм. И. Ф. Крузенштерном. Первый сборник памяти Бэра, изд. Акад. Наук СССР, 1927.

35. Соловьев М. М. — Путеводитель по выставке в память акад. К. М. Бэра, изд. Акад. Наук СССР, Л., 1927.

36. Соловьев М. М. — К. Э. ф. Бэр. Журн. «Природа», 1926, № 11—12.

37. Соловьев М. М. — Бэр на Новой Земле, изд. Акад. Наук СССР, 1934.

38. Соловьев М. М. — Бэровский фонд в архиве Академии Наук СССР. Вестн. Акад. Наук СССР, 1935, № 11.

39. Соловьев М. М. — Академия Наук и военный поход. Вестн. Акад. Наук СССР, 1936, № 8—9.

40 Соловьев М. М. Акад. К. М. Бэр. Журн. «Природа», 1940, № 10.

41. Сомов М. П. — Рыболовство. Естественные производительные силы России, т. VI, Животный мир, Отд. III, Использование культурных животных, Пгр., 1922.

42. Танфильев Г. И. — Моря Каспийское, Черное, Балтийское, Ледовитое, Сибирское и Восточный океан, Гос. Научн.-техн. изд-во, 1931.

43. Тихий М. И. — К 50-летию со дня смерти К. М. Бэра (28 ноября 1876 — 28 ноября 1926).

44. Холодковский Н. А. — Карл Бэр. Его жизнь и научная деятельность, РСФСР Гиз, Берлин, 1923.

45. Энгельс. — Внешняя политика русского царизма. Соч. Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. II, 1936.

46. Baer K. E. — Tagebuch zur Untersuchung der Kaspischen Fischerei. (Рукопись хранится в Архиве Акад. Наук СССР, ф. 129, оп. 1, № 562.)

47. Baer K. E. — Kaspische Studien, I—VIII. I — Bull. phys.-math., t. XIII, 1855; II — Bull. phys.-math., t. XIII, 1855; III — Bull. phys.-math., t. XIV, 1855; IV — Bull. phys.-math., t. XV, 1856; V — Bull. phys.-math., t. XV, 1856; VI — Bull. phys.-math., t. XV, 1856; VII — Bull. phys.-math., t. XVI, 1857; VIII — Bull. Acad. Sci. St.-Pétersb., t. V, 1860; Nachtrag — Bull. Acad. Sci. St.-Pétersb., t. VII, 1864; t. XXI, 1876.

48. Baer K. E. — Nachrichten über Leben und Schriften Dr. K. E. v. Baer, mitgetheilt von ihm selbst, St. Petersb., 1865.

49. Haacke. Karl Ernst v. Baer. Klassiker der Naturwissenschaften, herausgegeben v. L. Brieger-Wasservogel, Bd. III, Leipzig.

50. Stieda Ludwig. — Karl Ernst v. Baer. Eine biographische Skizze, Braunschweig, 1878.

EB_1941_AKS_393

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Введение 5

I. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАД. БЭРА ПО РАЦИОНАЛИЗАЦИИ РЫБНОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ С 1851 ПО 1853 Г.

Глава I. Экспедиции Бэра на Чудское озеро и Балтийское море с 1851 по 1852 г. 9

Глава II. Организация Каспийской экспедиции с 1853 по 1856 г. 13

II. КАСПИЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ С 1853 ПО 1856 Г.

1-й год экспедиции (1853). Волга и Мангышлак

Глава I. По железной дороге из Петербурга до Москвы 23

Глава II. На тарантасе от Москвы до Нижнего 25
Владимир на Клязьме. — Вязники. — Нижний Новгород. — Сведения о рыболовстве на оз. Селигер и верхней Волге. — Черные снасти.

Глава III. От Нижнего до Казани по Волге на лодках 31
Дер. «Безводная» на Волге. — Запрещенные крючки. — Макарьев. — Лысково. — Струги с проданными крепостными-переселенцами. — Козьмодемьянск. — Чебоксары. —Закон Бэра. — Словцов и Бэр. — Казань. — Рыбный рынок.

Глава IV. Сухим путем от Казани до Саратова 38
Лаишев. — Рыболовство на р. Каме. — Тетюши. — Симбирск. — Рыболовни Усолья. — Самара. — Хвалынск. — Алексеевка. — Вольск. — Рыбные магнаты.— Сапожниковы. — Немецкие колонии.

Глава V. От Саратова до Астрахани лодками по Волге. Посещение ватаг 42
Прибытие Данилевского. — Камышин. — Эльтон и Баскунчак. — Волжские острова. — Саранча. — Черный Яр. — Астрахань. — Ватаги в низовьях Волги. — Затруднения в собирании сведений. — Отсутствие точных карт.

Глава VI. Поездка в Ново-Петровск на п-ов Мангышлак . . . 47
Пароход «Астрабад». — Драгировки. — Солонеет ли Каспий, или опресняется? — Откуда соли в Каспии? — Карабугаз. — Крепость Ново-Петровск. — Розовые озера. — Писемский и Бэр. — Вопрос о колебании уровня Каспия. — Сезонные и вековые колебания. — «Бэровские бугры». «Гарнизонный рядовой из политических преступников» Шевченко. — Отношения к нему Бэра, Данилевского и Писемского.

Глава VII. Рыболовство на восточном берегу Каспия. Тюлений промысел. Возвращение в Астрахань 58
Неосновательные жалобы астраханских купцов на плохое качество рыбы с восточного берега. — «Сказание о совершенном прегражденин р. Эмбы с морем». — Данилевский и Шульц на Тюленьих островах. — Промысловое значение и образ жизни каспийского тюленя. — Бой тюленей. — О-в Кулалы. — Лов тюленей аханами. — Опасности тюленьего промысла. — Непосещение Эмбы из-за «несчастного совпадения экспедиции с войной». — Обратный путь в Астрахань.

Глава VIII. Заключительные работы 1-го года экспедиции (1853) 64
Лов частиковой рыбы в устьях Волги. — Женщины на ватаге. — «Противоестественное мнение» рыбопромышленников о развитии рыб. — Пища рыб. — Промышленное значение точного определения видов каспийских рыб. — Итоги первого года экспедиции относительно улова рыбы в Каспии. — Основная причина уменьшения улова на Каспии — «безлошадный грабеж Волги и моря». — Отъезд Бэра в Петербург. — Данилевский, Шульц и Никитин остаются работать в районе экспедиции.

2-й год экспедиции (1854). Рыбное хозяйство северного Каспия

Глава I. Частиковая рыба в низовьях Волги 69
Канун Крымской войны. — Возвращение Бэра весною 1854 г. на нижнюю Волгу. — Весенние поездки в устьях Волги. — Ход частиковой рыбы. — Условия икрометания. — Ильмени как рассадники рыб и их «провиантские магазины». — Причины упадка улова частиковой рыбы, несмотря на переполнение Волги этой рыбой. — Хищнический способ ведения дела.

Глава II. Бешенка. Жиротопление и соление 73
Ход бешенки. Жиротопление — опустошающий промысел. — Народнохозяйственное значение соления бешенки. — Удаленность мест сбыта как одна из причин упадка лова частиковой рыбы. — Судьба проекта поставки рыбы флоту.

Глава III. Красная рыба в низовьях Волги 77
Ход красной рыбы. — Неисследованность вопроса о местах икрометания. — Сроки хода у различных видов красной рыбы. — Садок в Сарепте для наблюдения за процессом икрометания. — Падение улова красной рыбы в связи с обмелением устья Волги и волжского взморья. — Меры к рационализации дела.

Глава IV. Эмбинское рыболовство 80
На пароходе «Астрабад» на Мангышлак в августе 1854 г. — Снова затруднения при поездке на Эмбу из-за Крымской войны. — Данилевский, Семенов и Никитин отправляются к Эмбе морем на кусовой лодке. — Поиски устья. — Пешком по воде. — Лов рыбы в эмбинских водах.

Глава V. О-ва Кулалы и Морской. Устья Урала и Терека 82
Поездка Бэра и Шульца на Тюленьи острова. — Нивелировка Тюленьих островов. — Причины падения тюленьего промысла. — Посещение устья Урала. — Гурьев. — Г. С. Карелин. — Сведения Карелина об уральском рыболовстве. — «Гонка» фламинго в Мертвом Култуке. — Коллекции Карелина. — Возвращение экспедиции в Астрахань.

3-й год экспедиции (1855). Южный Каспий

Глава I. Сальянские промыслы 86
«Божий промысел». — Дорога к нему и его вид. — Работа ватаги. — Убыль красной рыбы. — Причины — хищнический лов и забойки рукавов Куры. — Вред откупной системы. — Меры к улучшению. — Миноги как свечи. — Устройство ледников. — Санитарные меры. — Ловля миног.

Глава II. Ленкорань 95
У персидской границы. — Живописные окрестности Ленкорани. — Морце—естественный садок рыб. — Ловля рыб «малушкой». — Экскурсия в горы верхом. — «Невозможные» татарские стремена. — Болезнь ноги Бэра.

Глава III. Персидское рыболовство на Каспии 98
Морская станция на о-ве Ашуре, у Астрабада. — Болезнь Шульца и Никитина. — Залив Энзели. — Речка Перибазар. — Больной Бэр спешит сперва на носилках, потом верхом к тяжело больным сотрудникам в г. Решт. — Поездка Вейдемана на р. Сефид-руд для изучения тамошнего рыболовства. — Ход красной рыбы в Сефид-руде. — Места икрометания. — Своеобразный лов рыбы. — «Дикое» хозяйство, вызвавшее упадок рыболовства.

Глава IV. Баку 101
Вид и климат Баку. — Посещение соседних островов. — Причины бедности моря рыбой. — Монастырь огнепоклонников.

Глава V. Высокогорное рыбное озеро Гокча 105
Гокча — царство форелей. — «Басня местного монастыря о чудесном ежемесячном появлении в озере новых видов рыбы». — «Солдатский» способ лова гокчинской рыбы. — Торговля гокчинской и другой рыбой в Тифлисе.

189

4-й год экспедиции (1856). Западный берег Каспия и р. Урал

Глава I. Кавказский хребет. Переезд из Тифлиса во Владикавказ 110

Данилевский остается в Тифлисе изучать архивные материалы. — Бэр с Вейдеманом переваливают Кавказ для изучения терского рыболовства. — Неожиданно ранняя зима. — Завал Крестового перевала. — Злоключения и опасности по Военно-Грузинской дороге. — «Несчастное совпадение с войной». — «Пробки» на почтовых станциях. — Военные и пленные. — Езда на санях и тарантасах, лошадях и быках. — Вынужденное новогоднее «сидение» на станции Казбек. — «Распад» тарантаса экспедиции и утеря части коллекций. — Заторы военных транспортов в Дарьяльском ущелье. — Конфликт с комендантом форта «Балка». — Владикавказ.

Глава II. Путешествие вниз по Тереку 117

Ростепель. — Затрудненное сообщение между терскими станицами. — Организация терского казачества и роды его занятий. — Военное положение на кордонной линии. — Набеги горцев. — Садонский серебряно-свинцовый рудник. — Алагирский завод. — Осетинский аул. — Рыба Терека у Екатеринограда. — Жалобы моздокских жителей на низовщиков Терека, не пускающих рыбу вверх по реке. — Станицы Наурская, Калиновская и Червленная. — Падение уловов рыбы. Откупная система. — Станицы Шелкозаводская и Каргалинская. — Способы лова рыбы и состав рыбной фауны. — Старо-Кладовская станица — она же Новоземлинская.

Глава III. Низовья Терека. Характеристика терского рыболовства 124

Город Кизляр. — Его гоголевские нравы. — Невыносимая грязь. — Неудачное месторасположение города. — Наводнение. — Анекдотическое городское управление. — Промысел Черного рынка. — Характеристика терского рыболовства. — Причины обеднения рыбой Терека. — Вред откупной системы. — Перебойки. — Торговая ценность терской и волжской рыбы. — Невозможность посещения реки Сулак из-за Шамиля.

Глава IV. Астрахань — Царицын — Маныч 127

Возвращение в Астрахань. — Тяжелое заболевание Бэра. — Участие Бэра в устройстве естественно-научного музея, ботанического сада и артезианского колодца в Астрахани. — Нравы города. — Путешествие Бэра по Волге до Царицына. — Отъезд на Маныч. — Несуществующая единая река Маныч. — Наиболее упрощенный способ ловли рыбы в степных озерах и реках.

Глава V. Река Урал и его рыба 133

Путешествие Данилевского на р. Урал.—Гурьев. — Помощь Карелина. — Уральск.— Описание р. Урал. — Его обмеление. — Уральская рыба.

Глава VI. Основные биологические факторы уральского рыбного хозяйства 136

Икрометание и лежание на ятовях на р. Урал. — Икрометание красной рыбы на реке и в море у «черней», в култуках. — Выбойные места. — Сроки икрометания. — Лежание на ятовях. Наблюдение за ходом рыбы и за ятовью. — Состав и поведение рыбы на ятовях.

Глава VII. Организация рыбного хозяйства на р. Урал 139

Отличия организации рыбного хозяйства на Урале от других рыбных хозяйств Каспия. — Идеалистический взгляд Данилевского на возможность «общинного пользования собственностью» в условиях николаевского режима. — История завладения рекою яицкими казаками. — Непрошенные гости — волжские драгуны и дворяне. — История уральских учугов. — Беглые — пионеры уральского морского рыболовства. — Охранение уральских вод от «иногородних». — Своеобразные способы борьбы с тайным рыболовством.

Глава VIII. Уральское весеннее рыболовство на море и на реке 143

Весенний морской курхай. — Преимущества начальства и богатеев и их злоупотребления. — Настоящие и подложные артели. — Способы лова. — «Вольные воды» и засилие в них кулаков. — Данные Данилевского, опровергающие правильность его взгляда на общину в условиях русской действительности XIX в. Весенняя севрюжья сплавня на р. Урал и против устья реки на море. — Громадные размеры плавни. — Организация рыболовства и способы лова. — Выдов рыбы дочиста. — Предложение Данилевского к рационализации промысла.

Глава IX. Осенне-зимнее рыболовство на Урале. Общие выводы относительно уральского рыболовства 147

Осенее рыболовство. — Осенний морской курхай и осенняя плавня. — Осеннее неводное рыболовство. Злоупотребления начальства. — Зимнее рыболовство. — Багренье.— Три категории его. — Первый кус «высочайшему двору». — Взятки придворным. — Лов выше учуга. — Бой тюленей у устья Урала. — Ажиотаж ловцов. — Подледный аханный лов на море. — Трудность и опасность зимнего аханного рыболовства. — Лов «волжская громка». — Неводный лов зимою на Урале. — Злоупотребления начальства. — Общая характеристика рыбного хозяйства на Урале. — Положительные и отрицательные стороны уральского рыболовства.

Глава X. Заключительный объезд Каспийского моря. Повторная поездка на Черный рынок. Отъезд в Петербург 157

III. ОБЩИЕ ИТОГИ

Глава I. Упадок каспийского рыболовства и причины его по данным экспедиции 1853—1856 гг. 163

Глава II. Меры к улучшению каспийского рыболовства, предложенные Каспийской экспедицией 174

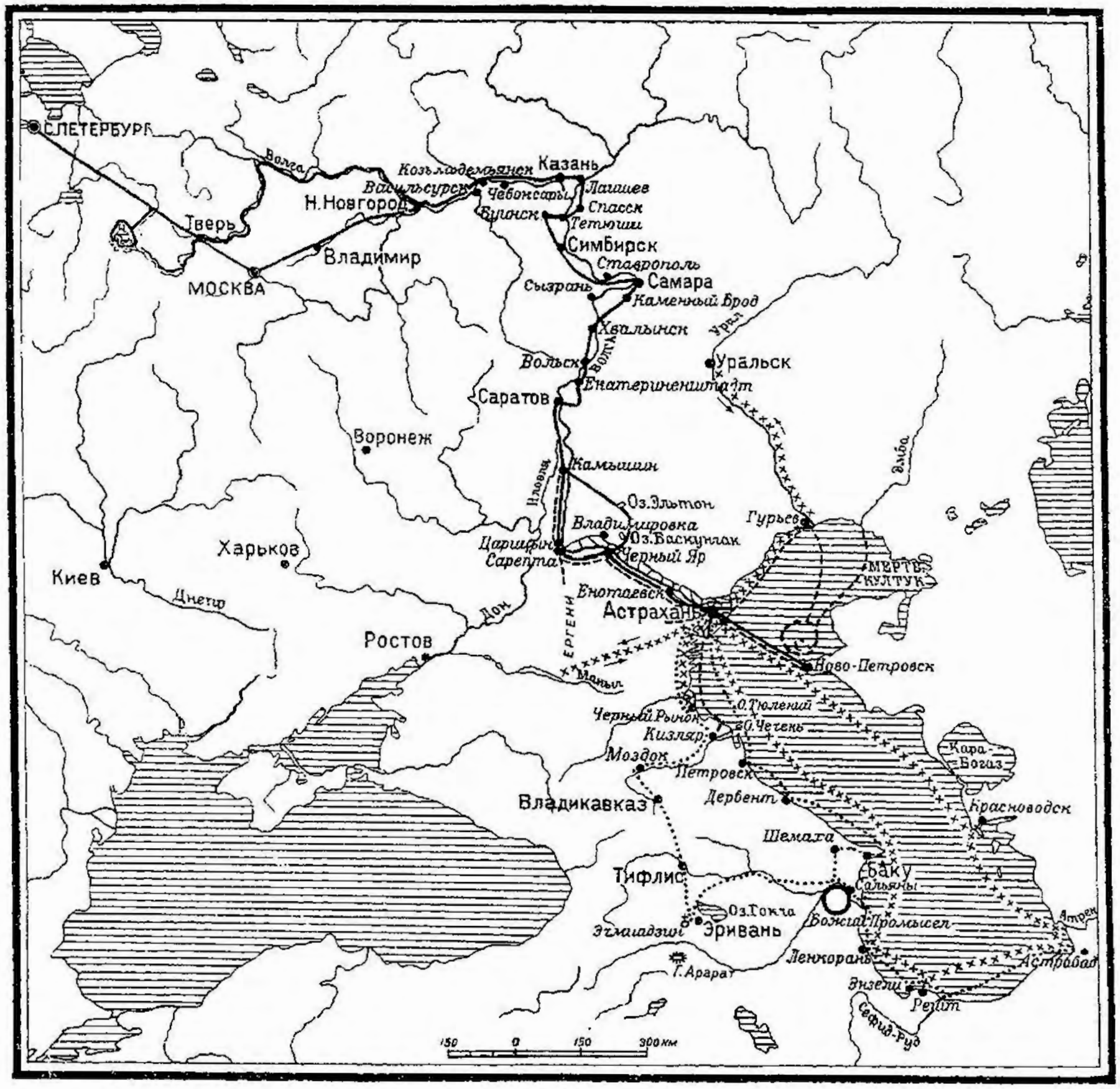
Главнейшие использованные источники и литература 185

БИБЛИОТЕКА
Академии Наук
СССР

Редактор издательства В. С. Исупов. Подписано к печати 23/IV 1941 г. М 33380. Объем 13 печ. л. + 2 вкл. 11,64 уч.-авт. л. Колич. тип. зн. в 1 печ. л. 44896. Тираж 2000 экз.

2-я типография ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига» «Печатный Двор» им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26. Заказ № 816.

МАРШРУТЫ КАСПИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ АКАД. К. М. БЭРА 1853—1856 гг.

ОБОЗНАЧЕНИЯ МАРШРУТОВ

——— 1853г. — — — — 1854г. ····· 1855г. ×××××××× 1856г.

На плане маршрутов экспедиции акад. К. М. Бэра приводятся в соответствии с текстом старые географические названия.

Для справки дается список новых названий географических пунктов, обозначенных на плане:

С.-Петербург — Ленинград

Тверь — Калинин

Н.-Новгород — Горький

Симбирск — Ульяновск

Ставрополь — Чапаевск

Самара — Куйбышев

Екатериненштадт — Энгельс

Царицын — Сталинград

Тифлис — Тбилиси

Эривань — Ереван

Владикавказ — Орджоникидзе

Ново-Петровск — Форт Шевченко

Петровск — Махач-Кала

ЦЕНА 7 РУБ.